

Литературный журнал

СИМБИРСКИЙ

12+

№10 (76)
ОКТАБРЬ

2019

Продолжается
основная подписка
на 1 полугодие 2020 г.

Цена подписки:
1 мес. – 95,00 руб.
6 мес. – 570,00 руб.

Индекс ПА041

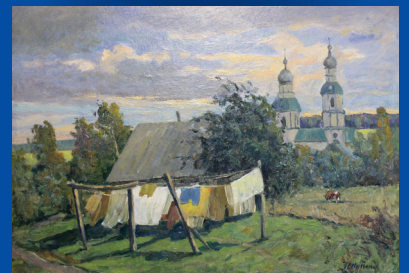
Ольга Шейпак «Тарбагатай».
Отрывок из романа.

стр. 4-13

Театр – живое искусство.
Интервью с руководителем
Молодёжного театра
Алексеем Храбковым

стр. 45-46

Пейзажи Ирека Нуртдинова

стр. 53-58

Алина Осокина –
лауреат конкурса молодых
литераторов «Мост дружбы».
(Беларусь)

стр. 59-65

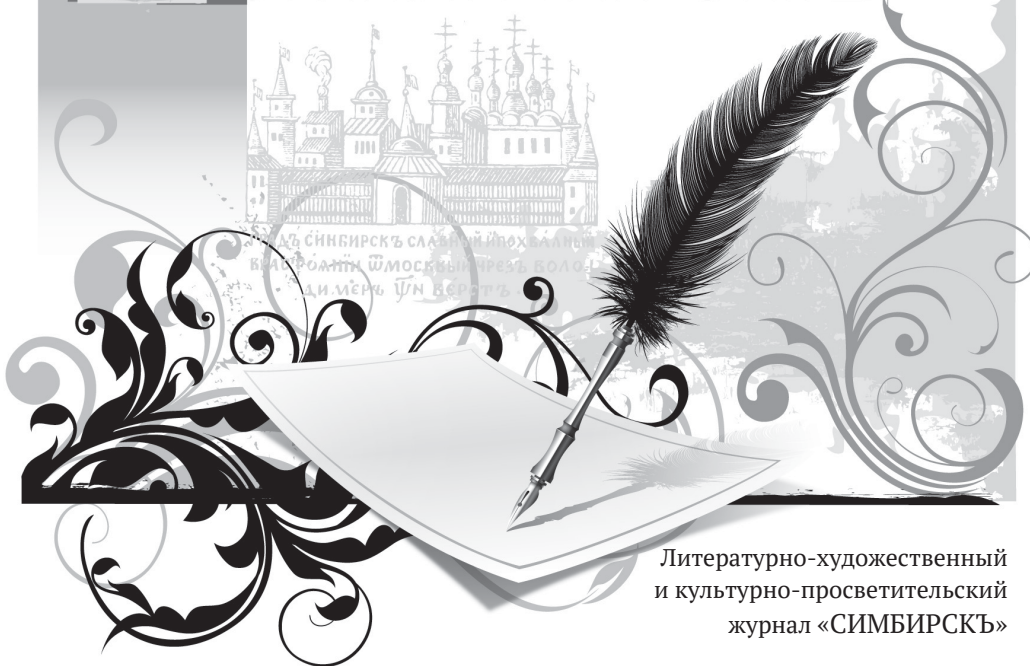
СИМБИРСКЪ

12+

№10 (76)

ОКТАБРЬ

2019

Литературно-художественный
и культурно-просветительский
журнал «СИМБИРСКЪ»

Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются. Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции. При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.

АКЦИЯ

«СИМБИРСКЪ»
И «ЮНИЛАЙН»

С 01.10
ПО 30.12.2019

1+1
на выбор

ОФОРМИ ПОДПИСКУ
на 1-е полугодие 2020 г.
на два издания одновременно

ОТПРАВЬ ДО 20.01.20 г.
копии 2 подписных
абонентов

ВЫИГРАЙ
ПОДАРОК*

12+

На обратной стороне
квитанции необходимо
указать почтовый адрес
и контактный номер телефона
участника и отправить
удобным для вас способом:

на электронную почту
29ksy83@mail.ru
или в редакцию ОГПУ ИД
«Ульяновская правда»:
432017, г. Ульяновск,
ул. Пушкинская, д. 11.

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНКУРСА:

Подпишись и выиграй!

*Более подробно о правилах читайте на нашем сайте ulpravda.ru

РЕКЛАМА

Содержание

Восходит осенний свет. Слово редактора	3
Ветер странствий	
Ольга Шейпак. Тарбагатай. Отрывок из романа	4-13
С любовью ко всему родному	
Борис Улендеев. Три сестры. Симбирск-Ульяновск....	14-28
Год театра	
Валерий Ганский. Бурлак на Волге	29-31
Константин и Анна Смородины. Последняя идиотка. Пьеса	29-44
Театр – живое искусство. Интервью с Алексеем Храбсковым	45-46
Черемшан	
Наталья Симонова. Иллюстрация к ноябрю	47-48
За Байкалом. Фотографии Татьяны Семёновой-Дульской	49-52
Пейзажи Ирека Нуртдинова.....	53-56
Работать надо все время... Интервью с художником Иреком Нуртдиновым.....	57-58
Молодые голоса	
Мост дружбы	59
Алина Осокина. Волхова. Рассказ	60-65
Павел Карякин. Традиции классической литературы.....	66-68
Виктория Иванова. Усатые часы. Рассказ	68-72
Ульяновск – город ЮНЕСКО	73
Страна поэзия	
Валерия Литвиненко. Дикие ягоды.	74-76
Андрей Расторгуев. Дождя и ангела в дороге. Стихи	77-78
Память сердца	
Сергей Юрьев. Жил-был счастливый человек. О Константине Николаеве.....	79-81
Юбилейный календарь	82-96

**Следующий (сдвоенный) номер
журнала «Симбирскъ»
выйдет в декабре 2019 года.**

Редакционная подписка – дешевле,
в том числе для юридических лиц.
Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru
Получить журнал можно по адресам
в г. Ульяновске: ул. Пушкинская, 11 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412
(тел. 20-16-40),
в г. Димитровграде:
ул. Юнг Северного флота, 20, каб. 310а
(тел. 8 (84235) 3-26-49)
Для удобства читателей предлагаем альтернативную
подписку через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье»,
тел. 8 (8422) 41-01-41

**Оформить
досрочную подписку на 2020 год
(подписной индекс: ПА041)
можно и с помощью Интернет
на сайте podpiska.pochta.ru
или смартфона по QR-коду:**

Главный редактор
Елена Викторовна Водкина
(Кувшинникова)
E-mail: karamtz_sad@mail.ru
Телефон 89278036256

Редакционный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Инга Гаак
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Татьяна Эйхман

Издание осуществлено при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Издатель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции: 432017, г. Ульяновск,
ул. Пушкинская, 11, ком. 219.
Сайт: www.litsimbirsk.ru

Подписано в печать 9.10.2019 г.
Дата выхода 16.10.2019 г.
Тираж 700 экз. Заказ №878

Отпечатано с готового оригинал-макета
в АО «Областная типография «Печатный двор».
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкирева, 27.

© Литературный журнал «СИМБИРСКЪ» №10 (76), 2019

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Ульяновской области
ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.

Учредитель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Корректоры – Ольга Абрамова и Валерия Толкачёва.

На обложке: Памятник Сергею Есенину (скульптор Анатолий
Бичуков). Открыт 25 сентября 2019 года в Ульяновске, возле
музея изобразительного искусства XX-XXI веков. Фото Влади-
мира Ламзина. На обороте обложки: Уж небо осенью дышало...
Фото Владимира Ламзина.

ВОСХОДИТ ОСЕННИЙ СВЕТ

В октябрьском выпуске «Симбирска» – настроение и краски осени, воспоминания о прошлом и надежды на будущее. Отражение жизни.

Открывает номер отрывок из нового романа Ольги Шейпак «Тарбагатай».

«Это семейная сага, в которой растворяются и уходят на второй план исторические лица. Нет ничего главнее Слова Живого. Нет ничего важнее сохранения ниточки рода...». Место действия романа – Забайкалье (На цветной вкладке журнала – фотографии забайкальских пейзажей).

В рубрике «С любовью ко всему родному» читайте рассказ Бориса Улендеева «Три сестры». Автор чудесным образом переносит своего героя и читателей в Симбирск 1915 года. И мы понимаем, как крепко и незримо связаны настоящее и прошлое.

Ряд публикаций посвящен Году театра в России. Читайте очерк Валерия Ганского об известном в прошлом актере Василии Андрееве-Бурлаке. Предлагаем вниманию читателей пьесу современных авторов Константина и Анны Смородиных «Последняя идиотка». Герои пьесы узнаваемы, это люди, живущие рядом с нами. У каждого свои беды и радости, свой поиск смысла жизни. «Ведь должна же быть какая-то радость... Не мелкие наши радости и не убогие наши праздники, временные. А какая-то огромная, для всего мироздания. Чтоб если пир – то для всех, чтоб ни одного голодного и жаждущего, чтоб для всех – любовь». Это заветное желание одной из героинь.

В октябре исполнилось три года Ульяновскому молодежному театру. Публикуем интервью с художественным руководителем театра Алексеем Храбковым (Вольным). (Беседовала Ольга Шейпак.)

В рубрике «Черемшан» – рассказ автора из Дмитровграда Натальи Симоновой «Иллюстрация к ноябрю». Вступительное слово Инги Гаак.

Недавно в Ульяновске завершилась Международная ассамблея «Пластовская осень». Постоянный участник Международного пленэра «Мир на кончике кисти» Ирек Нуртдинов создал целую коллекцию пейзажей Прислонихи. В настоящее время выставка работ живописца организована в Центральной городской библиотеке им. И.А. Гончарова (На цвет-

ной вкладке представляем репродукции картин И. Нуртдинова). Публикуем интервью с художником (Беседовала Ольга Тюрина).

В минувшем сентябре в Минске состоялось награждение победителей конкурса молодых литераторов «Мост дружбы». Ульяновский автор Алина Осокина стала лауреатом этого конкурса. Публикуем рассказ Алины Осокиной «Волхова». В рубрике «Молодые голоса» читайте также рассказ Виктории Ивановой «Усатые часы». Публикацию предваряет отзыв Павла Карякина на книгу В. Ивановой «Утренний дом».

Очерк «Жил-был счастливый человек» Сергей Юрьев посвятил памяти друга, известного ульяновского барда, опытного туриста, человека большой души Константина Николаева.

Гала Узрютова знакомит читателей с новостями программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО». Действительно, в культурном пространстве Ульяновска происходит много интересных событий.

В разделе «Страна поэзия» представляем читателям творчество уральского поэта Андрея Расторгуева. Валерия Литвиненко размышляет над его книгой «Русские истории». Голос поэта слышнее поэтической осенью, «когда в золотистом облаке/ восходит осенний свет».

Завершает выпуск «Юбилейный календарь», подготовленный Николаем Маряниным.

В сентябре в Ульяновске возле Музея современного изобразительного искусства открыт памятник Сергею Есенину. Это значимое для города событие. Теперь у нас есть свой Есенин! В октябре – день рождения поэта. Думается, каждый любитель поэзии легко процитирует наизусть есенинские строчки. Они будто сами возникают в памяти, когда идешь осенней порой по тихой аллее. «Закружилась листва золотая / В розоватой воде на пруду /, Словно бабочек легкая стая / С замираньем летит на звезду...» И душа откликается на слово поэта. И радуется. И благодарит.

Елена КУВШИННИКОВА

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

Ольга ШЕЙПАК, член Союза писателей России, лауреат Гончаровской премии, лауреат премии им. святого благоверного князя Александра Невского.

ТАРБАГАТАЙ

Действие романа охватывает три века русской истории. Главы, повествующие о судьбе жителя Тарбагатая Иллариона в начале XX века, чередуются с более ранней историей рода. Тарбагатай, Байкал, Щучье озеро, Селенгинская долина, тайга Хамар-Дабана – не просто жемчужины Забайкалья, не красочный фон, а участники событий.

«Тарбагатай» – это семейная сага, в которой растворяются и уходят на второй план исторические лица: цари, патриархи, политические лидеры. Нет ничего главнее Слова Живого. Нет ничего важнее сохранения ниточки рода. Нет ничего сложнее судьбы отдельного человека и его пути к спасению.

Отрывок из романа

В дорогу

Ганзурино. 1911 год

Простившись с Дарьей, Ларион начал собирать на заимку. Загрузил сани инструментом, побросал необходимую утварь и тёплые вещи. Задумался: если ехать надолго, впору брать телегу. Последний снег, а его в Забайкалье и так мало, ветер разметал. Земля вот-вот размякнет, так что, выходит, нужна телега. Пойдёт ли она по замёрзшей реке?

Дед попытался остановить внука:

– Обожжи маненько до тепла. Куды торопишь-ся, бегота? Там у тебя крыши над головой не будет,

окромя солнышка обогреть некому.

– Вона теперича моя крыша. – Илларион указал рукой на телегу. – Сам лучше меня знаешь: если уронить лесины ещё до тепла, они шибче высушатся, и к осени можно уже дом сложить.

Он уверенно зашагал в стойло, чтобы запрячь лошадь. Дед с усмешкой бросил ему в след:

– Ну-ну... А избу один класть будешь?

– Справлюсь как-нибудь, – отозвался внук.

– Дык не надорвись! – Иван Игнатъевич сморщился, словно от укуса паута, и процедил сам себе: – Балмошный парень, дурковатый.

* * *

Селенга ещё не вскрылась, но, беременная живой водой, дышала тяжело, пучила льдины. Её крик о помощи холодным ветром рвался с южных монгольских степей на Байкал-море, обжигал щеки Иллариона.

Парень натянул поводья и пришпорил Рыжую. По льду путь на левый берег был коротким, не то что летом, когда надо стоять в очереди на паром.

В тёплое время года пристань села Ганзурино на левом берегу Селенги шумит переправой – здесь скапливаются десятки подвод с товарами. Одни направляются к Кяхтинскому тракту и дальше – к монголам и китайцам. Другие, наоборот, прибыли с чаем и тканями из Китая и грузятся на пароходы, идущие по Селенге к Верхнеудинску. Для тарбагатайцев этот перевоз – живая связь с миром: с Оронгойской волостью и с Селенгинской, с московским трактом и кяхтинским.

Крупное село Ганзурино, промышленное. Недалеко от пристани – топливные и продуктовые склады. На большой селенгинской протоке стоят кожевенный и стекольный заводы, а выше по течению Селенги – две паровые мельницы. В Ганзурино у Иллариона есть близкая родня – тётка Маруся, покойной матушки родная сестра. Она замужем за мельником Трофимом – тот с детства работает на простомольной паровой мельнице.

Илларион решил завернуть к тётке, попросить зерна или муки – дело-то задумал нешуточное. Тётя Маруся в праздничном семейском наряде сидела на скамье у печи, лузгала семечки. В Тарбагатае она такое себе не позволила бы: старший в семье заставит бить поклон за каждое зёрнышко. Да и не увидишь там семечек. Молодёжь щёлкает кедровые орехи не ради праздности – родители велят собирать ядрышки в отдельную посудину на постное масло.

Ларька обратил внимание на шёлковые ленты на подъюбнике и бархатные оборки на сарафане тётушки. Янтарь на шее был не в один ряд, как у многих тарбагатайских женщин, а в три нити, да крупный, размером с ранет. Сама Маруся – кровь с молоком – являла образец настоящего здоровья. Была она улыбчивая, сноровистая. Невольно подумалось Ларьке: материны ланиты давно в могиле сгнили, а Феня была младше Маруси. Как же несправедливо устроена жизнь!

– Что-то вы, тётушка, нарядная какая, – заметил Илларион после того, как поздоровался.

– Дык ить воскресение Христово. – Маруся трижды поцеловала племянника. – И я не последняя в Ганзурино – жена старшего мельника.

Ларька знал: Маруся ходила по селу бабничать – принимала роды. Своих детей у неё не случилось, зато чужих принимала отменно – лёгкая у неё рука. И бабы не скупились, щедро платили повитухе.

– Ты чиво ради мутулишься? Коня через лёд погнал – нешто не жалко? – спросила строго. Сердце ей подсказало: непраздно племянник явился.

Илларион рассказал тётке о своих планах и заботах.

– Не рано снаряжился? Ещё зима на дворе.

– Как раз пора. Лето коротко, надо успеть брёвна заготовить и высушить.

Про нужду в зерне Ларька говорить не стал – об том хозяина надо спрашивать.

Рукава «боярыни» Селенги

– Ладно, скоро половина день, на стол подавать пора. Отобедаешь и поедешь. Сёння стрепня больно удалась – в дорогу соберу.

Пока Маруся метала на стол, Ларька осматривал комнату. Раньше, когда гостил у тётки, радовался свободе: это же счастье – жить без дедовых и отцовых тумачков, купаться в протоке, пропадать целыми днями на мельнице! Теперь же он впервые оценил уют и богатство дома: пол дощатый, крашенный, занавески на окнах кружевные, большое зеркало в резной оправе. Семейские в Тарбагатае зеркал не держали: грех в себя самого глядеться.

Вскоре Трофим с мельницы пожаловал. Удивился, увидев родственника, но ни о чём не спросил. Встали все трое помолиться, сели за стол. Маруся накрыла, как на праздник: и грузочки в сметане, и солонинка, щи с бараниной. Постучали молча ложками – говорить за обедом никак нельзя.

После обеда Трофим по старинной привычке ложился отдыхать, но ради гостя отменил распорядок. Расположились на лавке.

– Как дела на мельнице? – Ларька начал изда-лека.

– Да при Иване Флегонтовиче дела легче шли, порядка больше было. Вот уж хозяин был Голдобин! Локобили выписывал из-за границы, жнейку, сноповязалку, молотилку. Яво механизация нынешним прыщам и не снилась. А с тех пор как он приказал долго жить, все заводы в Ганзурино, включая иркутские и верхнеудинские, перешли к его сыну Николаю.

– Не понравился, значит, наследничек?

– Сказать ничего не могу – он тут ишшо не появлялся. Но поговаривают, молодой Голдобин распорядился школу открыть, училище да больничку.

– Тады заживёте. – Усмехнулся Ларька.

– Я и щас на жись не жалеюсь. Лишь бы власти старую веру не трогали.

Илларион решил, что настал самый удобный момент – попросить помощи. Спросил про муку. Трофим остановил взгляд на шторке, за которой прилегла Маруся, и понизил голос до шёпота:

– Сразу после меня приезжай на мельницу – я тебе мешочек приготовлю. Только лишнего не говори. – Хозяин подбородком указал туда, где находилась Маруся. – Не знаю, пошто така скаредна стала. Просил её двух малюток взять из сиротского дома

– наотрез отказала. Ради кого живём?

– Ради Бога, – по-взрослому напомнил Ларька.

– Оно так, однако, Бог не тока даёт, но и спрашивает. Ответ всем держать придёцца. Так-то... Пора мне на мельницу. – Трофим встал с лавки.

Ларька отметил про себя, как постарел родственник: спина согнулась, плечи опущены, усы и борода поизносились. А ведь какой герой был! По большой любви Марусю брал. Как увидал её в Тарбагатае, так и потерял сон. Почти силой увёз. Впрочем, Ларька об этом мало что знал. Всё, что связано с маминой роднёй, было покрыто густым туманом, и никакое солнце не могло развеять этого тумана.

Но почему? – размышлял Ларька, оставшись наедине со своими мыслями. Тётя Маруся вон какая солнечная да смешливая! А спроси её о сестре, посерьёзнее, замкнётся – не подходи с вопросами. Надо будет как-нибудь выведать, отчего матушка померла. Кроме Маруси, есть и другая мамина родня, в самом Тарбагатае. Братаны Федька и Ферапонт по соседству живут, а в гости не ходят. Был Ларька мальцом – не хотели родственники ему о мамке напоминать, но теперь-то он мужик, 17 годов стукнуло. Имеет право всё знать. Ему, Иллариону, всё под силу: и сруб, и работа, и хозяйство. Бог дал силищу, крепкие руки, выносливость и смекалку – смело иди в новое столетие. Эх, какая жизнь начинается!

С хорошим настроением поехал Ларька на мельницу. Дядьку нашёл возле деревянного конька, по которому струилось выброшенное из ковша золотое зерно.

Шумела взнуданная тяжёлым колесом вода, трубно гудела плита жернова. Увидев Ларьку, Трофим кликнул помощника-мальчишку, чтобы тот присмотрел за помолом.

– Пойдём отсюда, тут шумно, – предложил он и повёл племянника к протоке.

Вода ещё не вскрылась, но на мутном стекле льда уже обозначились синяки живого тепла. Снег на взгорке, где они с Трофимом остановились, почти весь сошёл, а земля не оттаяла, пугала холодом и нерушимой твердыней. Было зябко и непривычно безлюдно.

В детстве Ларька любил бегать к дядьке Трофиму на мельницу. В конце лета здесь всегда было много подвод, толпились люди. Мужики в ожидании помола сидели у протоки. На кострище висел котелок с чаем – хорошая подмога для мужичьих разговоров о хозяйстве.

«О бабах беседовать – тут другой напиток требуется, горячее», – подумал сейчас Ларька, а вслух сказал:

– Непривычно пусто.

– А то! – Трофим усмехнулся. – Кто сейчас на помол приезжает? Купцы, что побогаче, сберегли зерно до весны, чтобы подороже продать. А тебя куда нелёгкая несёт, пошто дома не сидицца? – И вдруг сменил тон: – Скажи, Ларион, может, тебе денежная подмога требуется?

– Спаси Христос, дядя Трофим! Ничего мне, кроме муки и крупы, не надо. – Он был очень расстроен участием дяди.

Трофим щедро одарил родственника: дал мешок ржаной муки, полпуда пшеничной и столько же ячневой крупы. А ещё выделил мешок овса – ла-

комство для Рыжей.

Обнялись напоследок.

– В Тохое-то был хоть раз? Найдёшь дорогу? – спросил Трофим.

Ларька пожал плечами:

– Так-то не был, но в той стороне охотились с дедом.

– Экий ты, право... Ну да не заплутаешь. Поезжай на Оронгой, оттуда выйдешь на Кяхтинской тракт, а через сорок вёрст – поворот направо, указатель на почтовую станцию. Там и заночуешь.

Покидая село, то и дело оглядывался парень на Ганзуринский кряж. Чудна природа! Каждая скала – сказочный зверь. А на самом верху стоит каменный граммофон, как в трактире купца Колкина: тут тебе и коробка, и сама пластинка, и крышка – всё вылилось в камень огромных размеров.

«Вот разбогатею, – рассуждал Ларька, – куплю граммофон в новый дом. Будем с Дарьей зимними вечерами песни слушать, а она подпоёт...».

* * *

Короток и робок весенний день, не каждого годов приласкать.

Степь купалась в первых брызгах весны, а тайга и не думала просыпаться – лениво натягивала на себя снежное одеяло. Днём она ненадолго подставляла тёплому ветру то одну щёку, то другую, но, как только подкрадывались сумерки, мгновенно погружалась в холодную дремоту, пугая путников мрачными тенями и недобрыми знаками.

Чем ближе был Тохой, тем быстрее опустошалась чаша надежды в сердце дерзкого юноши. Спешившись у ворот постоянного двора, Ларька уже не был уверен, осталась ли в этой чаше хоть капля прежнего желания житейских перемен.

В заднем крыле двора располагались конюшни и амбары с фуражом и навес со стойлами для лошадей – условия идеальные для тягловой силы, но сама изба была тесной и грязной. Ларька лежал в жарко натопленной узкой комнатухе с низким потолком и думал о том, что в ближайшее время у него не будет и этих условий, и он, возможно, вспомнит эту душную конуру как райское место...

Рано утром, едва забрезжили первые лучи, Ларион был уже на Шаргае.

Стоял на крутом южном склоне и смотрел на ледяное полотно недовольного озера – отсвет лика Байкала, его недремлющее око. Оно сверлило незваного гостя холодным взглядом, вопрошая: кто ты такой есть, мальчишка, щенок? Что тебе надобно в безлюдной пустыне? По дерзости своей решил стать хозяином этой земли? Посмотрим, как ты взвоешь от лютой стужи, пронизывающего ветра и злого одиночества.

Отшельник

Шаргай-Щучье

Не успел Ларька вытащить из телеги скарб, как неожиданно разыгралась гроза. Она долго бродила по хамардабанским сопкам, изредка громыхая издалека, и, казалось, уже совсем направилась к Байкалу, но вдруг развернулась на Тохой и начала

гремять и сверкать, как настоящая хозяйка лета: с ливнем, а затем и с крупными градинами. Такого странного явления Ларька не помнил на своём коротком веку. За Байкал-морем даже летом грозы не часты, а тут – начало апреля!

Спрятался парень в телеге под брезентом, а кобыла Рыжая так и стояла, низко опустив голову и подставив старую шею под ледяные струи.

Как только унялась непогода, Ларька, не обсохнув, поставил крепкий шалаш по типу бурятской юрты – с очагом в самом центре и дымоотводом вверх. Землю под шалашом надобно было основательно отогреть костром и застлать, ещё тёпленькую, еловыми лапами – так учил его дед Иван, когда они ходили после Покрова в тайгу за пушниной.

Нарубленные свежие ветки, опившись за зиму снежной брагой, млели и дымились, не желая предаваться огню. Ларька вспомнил, что дед напоследок сунул ему бутылку с керосином, и мысленно поблагодарил его за заботу: всё-то старик знает наперёд!

Хлебнув керосина, дровишки вспыхнули, затрещали, начали выбрасывать языки пламени – того гляди, доберутся до самого шалаша. Но всё обошлось, костёр вскоре утих, угли Ларька перенёс к центру шалаша, где основал очаг, а на горячей земле соорудил постель из мягких кедровых лапок.

На следующий день с бытом было покончено, и Ларион вместе с Рыжей направился в лес ставить затёсы. Сосну выбирал по звону, простукивая молотом. Дерево, вздрогнув, просыпалось и пыталось напугать обидчика – бросало на него комья снега. Лесоруб при этом закрывал рукавицей лицо, а потом весело отрясал о ствол собачью шапку.

Заготовку выбранных деревьев Ларька начал, как только луна пошла на убыль. Это чтобы брёвна не потрескались – так советовал дед Иван.

Подруб давался легко, а пилить одному было несподручно. Пришлось из двуручной пилы с крупными зубьями сделать ножовку. Эх, кабы был помощник, дело бы пошло справно, а одному – пилить и пилить до тех пор, пока дерево не начнёт похрустывать, а потом наконец подчинится молодой силе.

Хоть и приучен был Ларька к тайге, но впервые остался один на один с природой на такой длительный срок. Страдал ли? Нет, просто скучал по деду, по Дарье, но одиноким себя не ощущал. Тайга поила сердце необъяснимой радостью, полнотой бытия. Густая, звонкая тишина наполняла воздух песней, напоминающей ту, что пела с девушками Дарья, и тело пьянело от сладких дум о будущем счастье и одновременно – от ледяной родниковой воды.

Весна пришла внезапно. Ещё снег не сошёл с гор, а на сопках уже обозначились чёрные вены кустарников. Они постепенно светлели, обретая ярко-лиловый окрас, и в какой-то миг вспыхнули, будто кто-то включил праздничную гирлянду: зажгётся багульник! Синий огонь рододендрона охватил тайгу и рвался к небесам, призывая высшие силы: тепла, тепла и солнца! Ожила природа, закружили дикие утки, а потом и ласточки, проснулась сон-трава, вылез из камней гусиный лук, поднялся молочай.

Загустайские озёра, всплеснув рукавами, разбросали льды и радостно зашелестели волнами.

Ларька принялся рыбачить. В Шаргае, хотя озеро глубокое и чистое, водилась мелочовка. Приходи-

Глухарь токует

лось ходить в низину, где за косогором лежало озеро округлой формы. Ларька так его и назвал: Круглое. На заимку он захватил с собой два бредня. Один был вязан на крупных селенгинских налимов, второй, с ячейками помельче, – на омулей, которые ходили по Селенге нереститься. Уже после первой рыбалки на Круглом стало ясно: рыба здесь крупная, иные караси превышали пять и даже шесть фунтов. Тяжело было одному тянуть по воде такой бредень, зато за один проход добывалась еда на неделю.

Однако своё озеро было парню милее.

Как-то раз, устав от трудов, он присел на камень отдохнуть. Долго пристально разглядывал бугристые спины волн, сквозь которые просвечивали шоколадно-золотистые камешки. Вглядывался в воду, прислушивался к её грустному шёпоту. О чём она пытается рассказать языком волны? Непонятно. Монотонно мелет что-то безрассудное. Может быть, хочет исповедаться впервые за тысячи лет? Но он, Ларька, не Бог и не поп. Тоже хотел бы выговориться, да некому. И в чём каяться? В своём упрямстве? Что девку захотел взять по любви? Без любви никак нельзя... Велик грех – без любви под венец идти.

Могло ли озеро безлюдное сотворить противное Богу?

Целомудренная вода отражала великое солнце. Стопы Хамар-Дабана целовала. Ветрам селенгинским потворствовала. Рыбой плодилась...

Нет в том греха. Нет греха во всей природе, Богом созданной. Лишь в человеке, любимом творенья Господа, грязь плодится, и нет ей исхода...

Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовек. Эту истину не оспоришь.

Слышал Ларька от деда, что Шаргай нуур – название бурятское. Озеро турпанов, диких уток. Их здесь действительно оказалось видимо-невидимо, особенно в северной, кедровой части озера, куда Ларька ходил охотиться на глухаря. Но однажды с ним произошёл случай, после которого он больше не мог поднять ружьё на глухаря.

Весной взять самца птицы – плёвое дело, если знать некоторые тонкости токования.

Как-то раз Ларька в поисках пропитания поднялся на сопку и услышал, как щёлкает глухарь: тэк – молчание, тэк-тэк – молчание, снова тэк-тэк-тэк...

Дед наставлял Ларьку: если после первого звука самец делает долгую паузу, это первое колено токования, во время которого он очень чутко улавлива-

ет посторонние шумы. В это время легко спугнуть птицу, поэтому шуметь и двигаться нельзя.

Неожиданно глухарь спустился вниз и с напыщенной важностью начал прохаживаться, вычерчивая опущенными крыльями ажурные рисунки на снегу. Он призывал самку, выгнув зелёную грудку со стальным отливом.

Теперь царственный самец перешёл ко второму колену – точению. Он пел в страстной истоме, распустив веером яркий, насыщенно чёрный с белыми пятнами хвост. Стеканье было коротким, и Ларька знал: пока глухарь токует, он ничего не слышит.

Молодой охотник под звуки второго колена подошёл совсем близко к самцу. Точный прицел и спуск затвора... Из горла глухаря брызнула кровь. Он с осмысленным ужасом посмотрел на своего убийцу и продолжил страстно токовать, пока совсем не истёк кровью. Любовь оказалась сильнее смерти.

Ларька прислонился к сосне и разрыдался. Влюблённый самец остался лежать на снегу.

С тех пор парень промышлял турпанами.

Они прилетели с южных краёв в начале мая, когда сошёл снег. Самцы – чёрненькие, самочки – коричневые, но украшения у них одинаковые: белые алмазики по бокам на крыльях и на лбу. Интересно было наблюдать за их токованием: любовные игры разворачивались в воде. Нырнёт селезень – вынырнет, снова нырнёт: подзывает самочку. Наутро, когда всё произойдёт, она начинает летать над водой низко-низко и кричит – всему миру извещает: таинство свершилось! Счастливым отец вьёт вблизи озера гнездо, но как только его возлюбленная примостится высидывать яйца, он с ней расстаётся навсегда.

Шаргай-озеро Ларька решил назвать просто: Щучье. Так ему захотелось.

Лежит Щучье в каменном блюде у подножия Хамбинского хребта. Вода в озере тёмно-синяя, почти фиолетовая, гладь – ребристая, а иной раз – ровная, как зеркало. Посмотришь – кажется, что в этом зеркале отражается вся глубина неба. На дне Щучьего бьют подземные ключи – это кровеносная система Байкала. Всё видит, всё чувствует могучий старец Байкал. От Щучьего к нему ведут и другие тайные водные нити: ниже, под косогором, примостились Чёрное озеро, Круглое и Камышовое, все три имеют общий сток в реку Убукун, далее – в Селенгу и в Байкал.

* * *

В конце мая дед не выдержал, прибыл на помощь внуку. Запряжённый в телегу молодой жеребец по кличке Ярый был сыном Рыжей, и она, отощавшая и измотанная, сразу ожила, помолодела. Часто в минуты отдыха Рыжая подставляла сыночку свою морду, и он, прикрыв глаза, прижимался к ней щекой – вспоминал беззаботное детство.

С приездом деда повеселел поначалу и Ларька, но вскоре начал злиться. Старик ругал его почём зря на каждом шагу: всё не так да не этак делал молодой лесоруб. Дед, подтягивая короткую ногу и чуть подпрыгивая, работал справно, мутулился без отдыха. И знания его, и опыт тоже помогли делу. Дерево для порогов и окон старик выбирал около муравейни-

ков, чтобы оно раньше времени не гнило.

На берегу давно уже хозяйничало солнце, а в глубине леса земля утаивала весеннюю влагу. Здесь было свежо, пахло смолой и прелью. Комары и паузы ещё не ожили, никто не зудел над ухом. Дышать и работать в таёжной прохладе – одно удовольствие. Но Ларька торопил летний жар – такой, который способен просушить дерево, чтобы вскоре оно превратилось в крепкую, тёплую лубяную стенку.

Столетний дед помогал облычивать брёвна, после чего оставлял их сушить, положив комлем на пень. Наблюдая за ним, Ларька видел, что дед старается из последних сил. По ночам он странно подкашливал, будто в груди у него что-то застряло и мешало дышать. Внук понимал: кладку брёвен старик уже не потянет.

Впереди было много работы, а лето быстро шло на убыль.

Летними вечерами дед и внук мирно беседовали, лёжа на еловой подстилке. Сидеть не было сил – кости ломило от непосильного труда.

– Расскажите, деда, про мамку, – попросил однажды Ларька.

– Дык чаво рассказывать? Померла да померла. Не всякий доживает до старости. Хорошая была баба, вот Бог и прибрал, каб не успела много нагрешить. Благо, когда хороший человек вовремя уходит – прямиком в Царствие Небесное. Давай чо ли спать? Силы берегчи надо. – Старику явно не хотелось продолжать поднятую внуком тему.

Ларька подождал-подождал, не скажет ли дед чего важного о покойнице, и заговорил о другом. Мучил его один вопрос.

– Давно хочу поспросать, деду! Было ли когда на земле время такое, чтоб каждому жилось сытно и благостно.

– Было. Тока не на земле, а в раю. Чтоб каждому было сытно и весело и не было зла, для того земля наша должна сроститься с раем.

– А тако может ли? – Ларька приподнялся на локте, глянул на деда: у того губы растянулись в улыбке.

– Может, сыну... Скока у нас святых! Целый сонм святых, и все помогают. Христос тоже православному человеку во всём потакает, коли он чист душой. Вот станут все люди как ангелы, и соединится земля с раем.

– Не-е, чудите, деда. Не может такое быть. – Откинулся Ларька на спину. – Люди порой хуже того зверья, что в тайге, а вы про ангелов толкуете.

– Знаешь, что уставщик Федот говорит? Семейский должен быть верен Слову, из земли проросшему. Слово подобно стеблю. Его надобно поднять к небесам и самому за им подняться. А вслед за семейскими все остальные потянутся. Эдак его дед Симон научал.

– Мудрёно больно, – буркнул Ларька.

– Дык ты ещё не дорос до настоящей-то мудрости. Поживи с моё – узнаешь.

Ларька подумал-подумал и новый затейливый вопрос подкинул деду:

– А ежели не соединится земля с раем? Сами сеете: ушла чистота, люди в грехах погрязли. И кто нас слушает, семейских? Слободские сибиряки от нас как от проказных отшатывающего.

– Не смейся, Ларька! Сами они проказные. Сколь их в слободе, а сколь нас, семейских! В пять раз больше!

Внук с дедом не согласился, выставил другие факты:

– Молодёжь общину покидает. Одни на соляной завод ушли в Тохой, другие – в Верхнеудинск. Даже тятка мой откололся – на поиск золота подался. Брагу пьёт. А есть такие: бороду бреют и лоб не крестят. Это что, по-вашему?

– Спи, бедолага, што зря брехать, – пробурчал дед.

– Нет, скажите, я и усну спокойнёхонько.

Дед Иван покряхтел, поднялся с подстилки, потянулся за ковшом с водой.

– Как на духу скажу. – Громко утёрся ладонью, пригладил мокрую бороду и ёршики бровей. – Прадед Симон вот ещё каку штуку сказывал. Быль иль небыль – не знаю, но говорил он, что много тыщ лет назад жили на земле исполины. И так они в свою нерушимую силу поверили, што сделались вероотступниками: мол, чем мы хуже и хлипче Бога! Тагды наслал на них Господь Великий потоп. Много я об этом думал, Ларион, сызмальства думал. Могёт и тако быть: все погибнем. Никакого нам рая. И заслуженно! – Повысил голос. – У Бога знашь, кака фамилия? Крутов! Понимай, какой нрав суровый. Он терпит-терпит – да махнёт на человекoв рукой: зачем я их сделал, таких безобразных! Возопиёт с горечью. Имеет право: катимся вниз от хорошего к худому – от века к веку. Ни цари, ни патриархи ничаво не смогли с людьми поделаться. Недаром в Писании сказано: «И как было во дни Ноя, так будет и во дни Сына Человеческого: ели, пили женились, выходили замуж, до того дня, как вошёл Ной в ковчег, и пришёл потоп и погубил всех. Так же как было и во дни Лота: ели, пили, покупали, продавали, садили, строили; но в день, в который Лот вышел из Содома, пролился с неба дождь огненный и серный и истребил всех; так будет и в тот день, когда Сын Человеческий явится...». Во как! Страшно думать об том, ишшо страшнее – говорить вслух.

* * *

В августе дед занемог и вынужден был вернуться домой. С тяжёлым сердцем провожал его Ларька. Он опять оставался один, а впереди маячила зима. Дом сложить одному никак не получится, надо для начала поднять зимовьё.

За лето дед с внуком с полсотни лесин заготовили. Но ведь их надо вывезти. Ларька решил отмерить нужную длину для простенков и спилить лишнее: комли заготовить на дрова, а короткие вершины пустить на зимовьё.

Пока мерил и пилил, подошёл к концу сентябрь. Небо часто пугало лохмотьями чёрных туч, а потом и вовсе разразилось затяжным дождём. Ларька не замечал непогоды – работал не покладая рук, без усталости. Нижние брёвна, те, что для избы, оставил под наклоном в тайге зимовать, а верхние вывез на озеро и поставил зимовьё.

Осталось покрыть крышу зимовья дранкой и сложить печь. Требовался кирпич-сырец. Чтобы его изготовить, надо не один раз съездить в глиняный

карьер, а это далеко. Медлить нельзя – морозы сибирские крепки.

Рыжая, хоть и много работала, за лето оправилась. Но уже в августе трава вся высохла. Ларька закупил для труженицы овса на соляном заводе.

В октябре дожди прекратились. Небо стояло чистое, синее, с белой прокладкой. Казалось, осень не собирается отступать, но Щучье озеро уже тронуло лёд, и верблюжьих колючек на степном склоне, ведущем к Круглому озеру, оделись в серебряные кафтаны.

Илларион трудился до пота, жар и мокроту на теле не чувял. Накопал глину, нагрузил телегу да сам, схватив поводья, примостился на краю возка. Тут и почувствовал, как холодок пополз по горячей спине. Ничего, не впервой!

Ночью парня охватил жар. В полусне и бреду видел свою Дарью в подвенечном сарафане. Поначалу Ларьке казалось, что сам он стоит рядом, а уставщик Федот читает венчальные молитвы. Ему очень хотелось поглядеть на невесту, но не было сил повернуть голову. Он вдруг начал задыхаться и просить воды. Пить, страшно хотелось пить, но никто не обращал внимания на его мольбы. Жених повернул наконец голову к невесте и ахнул: вместо Дарьи рядом с ним стояла... юная бурятка.

Ларька подхватился. Его бил озноб. Костёр в самодельной юрте давно погас. Парень потянулся за щепой, которая всегда была наготове. Затеппился огонёк – можно и полешко бросить. Хлебнул холодной воды из котелка и снова провалился в бредовый кошмар.

Утром жар не прошёл. Ларька горько усмехнулся: ну что, сдюжил? Насмешил Бога? Но снова и снова, дерзкий и вольный, повторял: уйди прочь, хвороба!

Прошли ещё сутки – он так и не смог подняться. Лежал в бреду, потеряв себя. В шалаше хозяйничал мороз. Очнулся от ржания Рыжей. Лошадь, привязанная к дереву, отчаянно била копытом о землю и возмущалась поведением хозяина. Ларька понял: если сейчас не встанет, зимой или весной какой-нибудь путник обнаружит окоченевшее тело. И то вряд ли... Горстка костей – вот что останется от Ларьки. Голодные волки с удовольствием полакомятся падалью.

Эта страшная картина подняла умирающего с холодной подстилки. Он хотел запрячь лошадь, но опустился перед ней на колени. Умница Рыжая, понимая, что происходит, даже присела, помогла хозяину взобраться на спину и медленно направилась по безлюдной заиндеветшей степи. Никто ею не управлял – Ларька лежал на гриве без чувств.

Знала ли Рыжая, куда идти?

Мунхэ

Бурятский улус

Очнулся юный строитель в просторной юрте. Над ним колдовал маленького росточка улыбающийся бурят. Он что-то лопотал по-своему, повторяя одну и ту же фразу:

– Айлшан! Сагаан айлшан. (Гость, хороший гость). – Потом положил руку на грудь непрошеного гостя и добавил: – Убшен хулы (больной).

Бурятия

Подошла пухлогубая брачоха с пиалой травяного отвара, подала чашу хозяину. Тот принял пиалу правой рукой и преподнёс больному, подчёркивая уважение к гостю.

Илларион растерялся. По обычаям семейских пить и есть, а тем более спать в доме иноверцев, где нет древлеправославных икон, – страшный грех. Но отказаться в бурятской юрте от угощения означало глубоко обидеть гостеприимных хозяев. Эти люди подобрали его, замерзающего, в степи и обогрели. Как быть? Осквернить веру отцов и навсегда отделить себя от сородичей? Или плюнуть в душу того, кто тебя спас от смерти?

Наверняка и дед, и уставщик Федот, оказавшись в подобной ситуации, не приняли бы напиток из рук буряты. Да что буряты! И от сибиряка, посещающего предательскую церковь, и от неверующего. Любкой из предков Иллариона отказался бы. Лучше смерть принять, чем оскверниться, – таков закон семейских.

Секунды замедлили бег. Время, казалось, остановилось, чтобы Ларька смог принять правильное решение. Он привстал с войлока и протянул руку за пиалой. Выпил содержимое залпом. Нет, он не испугался смерти. Есть другой закон – человеческий. В основе его – милосердие. Сам Христос сказал бы сейчас Ларьке: нельзя плевать в душу тому, кто чист сердцем.

Ни хозяин юрты, ни гость не могли понять друг друга. Бурят несколько раз задавал один и тот же вопрос:

– Та хэн гэжэ нэрэтэйбта?

Вечером пришёл шаман. Его замысловатый головной убор венчали рога. Ларька зажмурился: ух ты, рогатый пожаловал – вот оно, наказание за непослушание законам предков. Когда шаман нагнулся над больным, многочисленные бубенчики на его поясе насмешливо запели. Ещё больше испугался Ларион, когда бурятский лекарь с силой расщепил шершавыми пальцами сначала одно веко, потом другое – пристально разглядывал зрачки гостя, будто хотел впустить через них нечистую силу. Задрал больному рубаху и приложил ухо к груди, движением руки вверх-вниз показал, что надо глубоко дышать.

Покачал головой: «А-я-яй! Плёхо!». Ларька догадался: протудата задела лёгкие.

Чтобы вылечить русского, хозяин забил барана. Молодые буряты, братья хозяйки, внесли в юрту

шкуру и внутренности животного. Шаман приказал сородичам раздеть больного донага, после чего взял с подноса бараньи лёгкие и положил Ларьке на грудь. Юноша от отвращения зажмурился, скорчив страдальческую гримасу. Что было дальше, он не видел, но понял: ему на печень положили печень барана, а на сердце – тёплое сердечко животного. Ларьке показалось, что оно бьётся. Затем больного обернули в тёплую от крови шкуру. Шаман ударил в бубен и начал читать мантры.

Через несколько минут Ларька почувствовал, как горит всё тело. Его словно заковали в железный панцирь – ни вздохнуть, ни выдохнуть. Сердце выпрыгивало из груди, кровь закипала. Ларька стиснул зубы. Терпеть дальше или кричать? Что происходит? Почему он смалодушничал, отдав своё тело на растерзание иноверцам? Неужто за это преступление Бог бросил его, молодого парня, в ад?

Бубен звучал громче и ритмичнее. Забыв о боли, русский гость в испуге глянул на шамана. Тот исполнял танец. В полутёмной юрте плясали языки огня, они отражались в безумных глазах шамана. Он вошёл в транс и начал выкрикивать одну и ту же фразу: «А хурай!», призывая духа огня. Затем, кланяясь и напевая, заговорил речитативом. В центре очага как будто что-то блеснуло, и молния пронеслась по окружности юрты. Илларион почувствовал, что наступает забытие. Он впал в оцепенение. Но сознание не потухло.

Ощущая себя невидимым, Ларион вышел из юрты и удовлетворённо вдохнул свежий воздух. Степь дышала холодом, низкая позёмка слизывала остатки заиндевевшей травы. Из соседних юрт поднимался дымок с едва уловимым запахом жареной баранины. Неприветливое небо медленно чернело. Со стороны Селенги к Оронгою вырвался ветер – злой, как бесприютный пёс. Ларьке стало скучно. Он поднял голову к небу. Подумал: вечное синее небо. В этот момент в ясной голове промелькнула эта же фраза на бурятском: хухэ Мунхэ Тэнгэри. «Значит, шамана зовут Мунхэ, – почему-то подумал Ларька, – имя означает: вечный».

Вечный свет – способ существования души. А душа – в сердце, в виде маленькой капли распространяется на всё, что внутри, на всё земное и небесное.

Ещё Ларька вдруг понял, что шаман Мунхэ обладает некой властью, а способности даны ему свыше.

В небе над улусом светила Полярная звезда...

Момент забытия отступил, и юноша ощутил, как по всему телу разлилась новая сила, какая-то неудержимая энергия и физическая лёгкость.

Ларька открыл глаза. Что произошло с ним только что? Неужели и в самом деле он выходил на воздух из юрты? Отчётливо, до мелочей вспомнил всё, о чём узнал во время шаманского танца. Даже имя вспомнил: Мунхэ. Или это был сон? Надо спросить шамана, как его зовут. Что за представление устроил лекарь-бурят?

Шкуры барана на Ларьке уже не было, нагое тело прикрыто тёплой дохой. В юрте тихо и пусто, очаг, хоть и горит, но не беснуется, как прежде, не бросается языками пламени и уж тем более – молниями.

Голова не горит. Ощущение сладкого покоя и невесомости. Болезнь отступила – это очевидно.

«Значит, буду жить», – подумал Ларион и погрузился в крепкий сон.

Проснувшись, юноша понял, что наступило утро. За стенами юрты кипела жизнь: галдели ребята, слышались окрики женщин. Чуткий нос парня уловил запах травяного зелёного чая, настоящего на топлёном молоке.

Полог юрты откинулся – вошёл незнакомый бурят. Ларька разглядел снег за порогом и яркое сибирское солнце. Оказывается, у светила такая же улыбка, как у бурятов, – широкая, детская, безмятежная... Как хорошо лежать в тёплой юрте под овечьей дохой и ничего не делать, ни о чём не думать, набираться сил... Неужели выпал снег? Сколько же прошло времени?

Ларька встал, поклонился вошедшему, показывая тем самым, что он здоров и благодарен всем, кто ему помог в трудный час. Незнакомец сложил ладошки у груди и тоже ответил поклоном, после чего пригласил сесть у очага.

Лицо бурята мало отличалось от хозяйского: такое же круглое, добродушное, узкоглазое.

– Здастуй, брат! – обратился вошедший к гостю почти по-русски. – Скоро пир будем.

– В улусе праздник? – спросил Илларион, а сам не без тщеславия подумал: неужели в честь моего выздоровления? Но его догадка не подтвердилась.

– Белый человек пришёл – солнце принёс в дом. Ночью Гарма сына родил. Крепкий хубун! – пояснил бурят.

– Гарма – хозяин юрты? У него сын родился? – попытался уяснить Ларька.

– Да, сын. А я брат – Батыр!

На богатыря собеседник мало походил: больно щуплый, лицо болезненно-жёлтое.

Батыр продолжал разяснять гостю, кто есть кто и что произошло за эти дни.

Его брат нашёл русского в степи: Илларион лежал на земле, преданная лошадь сторожила хозяйна. Белого человека принято принимать в богатом доме, а Гарма – человек простой. Другие буряты, что побогаче, наперебой просили: отдай русского! Считается, что белый человек приносит в юрту удачу. Но Гарма обрадовался находке, потому что жена была на сносях и подходило время рожать. Все предыдущие роды заканчивались плачевно – смертью детей. И вот наконец в семье родился здоровый сын. Гость болел долго, очень долго, его вылечил шаман-бек.

– Кто такой шаман-бек? Мунхэ? – Ларьку больше всего интересовало имя шамана.

– Мунхэ, Мунхэ, – радостно подтвердил бурят.

Батыр жестами и на коверканном русском объяснил, что есть шаманы белые, а есть чёрные. Высший сан белых шаманов – беки, старшие в роду. Шаманы рода. Они знают о человеке то, что не дано другим. Различают органы человека. Видят, кто болен, кто здоров. Белый шаман вытягивает из больного черноту наружу и отдаёт болезнь обречённому барану. Бек носит белую одежду, ездит на белой лошади. Он служит добрым божествам, чёрный шаман – грозным и воинственным духам.

– Чёрные шаманы тоже лечат людей?

– Шаман-бек корошо лечит, – закончил рассказ бурят.

– Скажи, Батыр, а если бы в вашем улусе жил не белый, а чёрный шаман, он бы меня вылечил?

– Быстро, корошо!

– Они лечат всех подряд: русских и бурят, разбойников и нищих?

– Зачем всех? Нет! Если у тебя девять недугов, нет лечения, пора уходить. Если ты разбойник, шаман лечит дух и тело. Или совсем не лечит. Наш Мунхэ всё видит.

– Ничего я в ваших богах и шаманах не понимаю, – сокрушённо произнёс юноша. Ему очень хотелось рассказать, что видел и слышал во время врачевания, но он сдержал свой порыв.

Бурят продолжал говорить быстро и много. Иногда он так искажал русские слова, что Ларион не мог понять его. Одно уяснил: завтра в юрте Батыра будет большой праздник в честь рождения младенца. Белый гость должен назвать своё имя – так будет назван и новорожденный.

– Почему не видно роженицы? Где она? – спросил Илларион.

Батыр объяснил, что женщина переехала к сестре: негоже находиться в одной юрте с чужим мужчиной, да и новорожденному надо быть подальше от больного человека. Лицо гостя помрачнело.

– Нехорошо эдак, – заключил он, – пора мне уходить.

– Не-ет! Нельзя! Уходить – нет! Обидишь улус. Завтра гулять будем.

Ларька улыбнулся.

– Кто научил тебя говорить по-русски? – спросил он.

Батыр пояснил, что Оронгой – улус большой. На окраине, за бурятским куренем, живут русские. Кто с ними общается, выучился языку. Он, Батыр, работает в ремесленной мастерской, изготавливает скульптурки Будды. Мастерскую возглавляет Габжа Санжи-Цыбик.

– Цыбик большой, большой мастер. Оронгой – большой, большой центр! – Бурят распахнул руки, изображая огромный талант Габжи и многолюдный Оронгой. Затем добавил: – Русский язык много бурят говорит.

– А Мунхэ знает наш язык? – Ларион напрягся. Ему вдруг захотелось поговорить с самим шаманом, расспросить его, что происходило во время сеанса врачевания.

– Да, да, да... – Батыр, чтобы быть убедительным, любил повторять слова. – Тока он мало говорит. Мало, очень мало. Редко.

Бурят дал понять, что ему пора уходить: он встал и произнёс короткую молитву, провёл руками по лицу, словно умываясь, и повернул к выходу. Ларька окликнул его у порога – попросил отвести к шаману.

* * *

Юрта Мунхэ отличалась от той, где очнулся Ларион. Она была устлана не сукном, а дорогими мягкими коврами. Скорее всего, китайского производства. Из-за очага выглядывали многочисленные онгоны и золотые фигурки Будды. Сам шаман сидел неподвижно, глаза его были закрыты.

Батыр, сопровождающий русского человека, нерешительно подошёл к шаману и, сложив ладони, опустил перед ним на колени. Тихо заговорил по-

бурятски. Мунхэ, выслушав, махнул рукой, отправляя Батыра из юрты. Глаза открыл не сразу. Взгляд шамана не касался лица Лариона и был устремлён в пустоту.

В этой пустоте повисла пауза.

– Скажи, Мунхэ, – Ларька прервал тягостное молчание, – что ты сделал со мной, когда лечил? Почему я блуждал за пределами юрты?

– Тот, кто знает, не говорит. Кто говорит, ничего не знает. – Шаман по-прежнему смотрел мимо собеседника.

Ларион не понял, что хотел сказать Мунхэ, и задумался. Неужели он намекает, что всё знает, а все остальные, выходит, – дураки и только болтают?

– Я хочу понять, чем твоя вера отличается от моей. Где истина... – Ларька не договорил – шаман прервал его.

– Истина – там. – Он поднял толстый палец к небу. – Чтобы приблизиться к ней, надо отказаться от ума.

– Что значит отказаться от ума? – спросил Ларька испуганно: не смеётся ли над ним шаман? Но тот был серьёзен. Теперь узкие глаза, словно тонкие иголки, пронзали гостя насквозь.

– Мудрость – безмолвие. Мысли – зло, – пояснил Мунхэ. – Мудрый питается мыслями неба. Мудрый – тот, кто умеет отличить небесное от человеческого. Путь этот трудный.

Вдруг Мунхэ довольно бодро встал со своего ложа.

Он подошёл к очагу и занялся приготовлением чая.

– Это священный напиток, – пояснил он. – Пилалу надо держать всеми пальцами, чтобы чай отдал своё тепло телу.

Шаман не отходил от котла. Он то и дело черпал жидкость половником и выливал напиток в котёл. Всё это он проделывал с закрытыми глазами, тихонько напевая при этом мантру: «Ом-м мани пад-ме хум-м-м...».

Ларьке казалось, этой процедуре не будет конца. Но вот шаман налил в пиалу наваристый, молочно-маслянистый чай. Улыбнулся и подал гостю. В этой приветливости сохранялось прежнее отчуждение.

Юноша впервые смело взглянул на шамана – тот был похож на посланца древности.

– Скажи, Мунхэ! То, чем ты занимаешься, опасно? Ну, когда ты лечишь.

– Впускать в себя онгона – очень страшно. Онгон может не вернуться назад, и тогда даже посвященный шаман не вернётся из путешествия.

– Какого путешествия? – осторожно уточнил Ларька.

– Из путешествия в другой мир – тот, что за границами тоннеля. Чтобы войти в состояние тигле, а затем вернуться в этот мир, надо иметь высокое посвящение.

– И ты... имеешь... это самое посвящение? – осторожно заинтересовался Ларька.

Шаман не ответил. Он закрыл глаза и погрузился в себя. Юноша понял, что ему пора уходить.

* * *

На следующий день в юрте Батыра собралось много народа. Женщин не было – одни мужчины. Все они расселись вокруг огня с котелком, где варились свежая баранина. Почётные места – в западной стороне юрты. Здесь были расставлены деревянные фигурки богов – онгоны, одетые в чёрные овечьи кожи. Тут же восседал шаман Мунхэ. Рядом с ним в знак уважения к белому человеку посадили Иллариона.

И опять парень сконфузился. Ты здоров, на ногах – и разделяешь трапезу с иноверцами? Не значит ли это, что ты отступил от своей веры? Ведь и дед Иван, и его отец – все давным-давно живут на этой земле рядом с бурятами. Но никто и никогда не нарушал закон староверов жить в чистоте, а значит – в изоляции от иноверцев.

Хозяин юрты объявил, что гостя зовут Илларион, после чего обратился по-бурятски к брату – видимо, спросил, как тот назовёт сына.

– Илларун! – торжественно громко произнёс Гарма. Раздались весёлые возгласы поддержки.

Белому гостю предназначался тоолэй – голова барана. Илларион бы предпочёл кусочек помясистее, но здесь действовал свой обычай: голова и мозг – самое почётное и полезное лакомство. Пищу запивали тарасуном – вином, настоенном на молоке кобылицы. От вина Илларион наотрез отказался. Он попросил Батыра перевести причину отказа:

– Мой Бог не велел мне пить вина.

Буряты понимающе закивали: «О-о! Рус Бох».

В конце праздника Батыр обратился к Иллариону:

– Теперь ты – найжи баабай.

Кто такой бабай, русский гость уже знал: это отец.

– Кто я? – осторожно переспросил юноша.

– Отец по духу. У русов – крёстный.

– Крёстный отец, – выдохнул Илларион. – Что же я должен делать для Илларун?

– Найжи баабай – всё! – Батыр улыбался во всю ширь солнечного диска.

Когда все наелись и слегка охмелели от тарасуна, на середину юрты вышел поджарый бурят маленького росточка с бубном и начал плясать, а потом и запел.

– Наш улигер! – с гордостью шепнул Батыр на ухо Лариону. Юноша понял, что перед ним – народный сказитель.

Голова улигера была гладко выбрита, лицо испещрено морщинами – по всему видно, человек старый, но очень пластичный и двигался легко, как молодой воронёнок. При этом он не просто отбивал ритм на своём ударном инструменте – он аккомпанировал, умело действуя костяшками пальцев и тыльной стороной ладони. Ларька не понимал слов исполняемой песни, но движения буряты были столь выразительны и артистичны, что сюжет легко читался. Ларион догадался, что сказитель поёт о замечательном воскрешении русского гостя. Действительно, в самом конце бурят повернулся к нему лицом, быстро-быстро замахал руками, словно крыльями, показывая, как гость улетает.

– Я понял, мне пора уезжать, – обратился Ларька к Батыру. – Улигер торопит меня.

Тот рассмеялся:

– Нет, он показал, что духи тебя не оставят, нужно только следовать туда, куда они укажут.

Наблюдая за улигером, Илларион невольно сравнил его с шаманом. Сказитель мало отличался от Мунхэ: в его пении и пляске угадывалась некая магическая сила.

Ещё несколько дней Илларион гостил у бурят – они никак не хотели его отпускать. Всяк зазывал к себе в юрту. Зайдёшь – выйти не так-то просто. Даже самая бедная семья старалась чем-то угостить и проявить заботу о пришлом русском.

Постепенно Ларька стал различать богатых и бедных жителей улуса. У тех, кто побогаче, зимние дэгэлы из овчин были обшиты плисом, бархатом или парчой. Шубы бедняков выглядели куда проще – никаких украшений. Зато сам процесс одевания был одинаков для всех и соблюдался строго: сначала обувь, потом халат и верхняя одежда, в последнюю очередь – шапка. Раздевались сверху вниз. Иначе нельзя – лишишься здоровья.

Буряты нравились Ларьке: добродушные, незлобивые, улыбчивые. Даже если хитрили, это выглядело по-детски наивно, врал и хвастались – смешно. Одно огорчало: и женщины, и мужчины курили табак. Табачного дыма Ларька никогда не знал. Во всём Тарбагатае, где проживало около семи тысяч человек, Ларька видел курящего человека лишь раз в жизни – то был ссыльный, заезжий.

А тут, в улусе, табак употребляли и мужчины, и женщины. Опять же у тех, кто богаче, трубки заморские, из Китая. У других – из местной древесины. Были и такие, кто не курил вовсе: например Батыр. Но у него всегда при себе был кисет с табаком и китайской трубкой – бурят с удовольствием угощал тех, кого уважал.

* * *

Пришло время, и юноша собрался в дорогу. Провожать гостя вышел весь улус.

– Оставайся, брат, – попросил Батыр и понизил голос. – Отдам в жёны дочку... Большой-большой калым дам.

– Нет! – испуганно отшатнулся от него Ларька.

Бурят заискивающе заглянул ему в глаза и пояснил:

– Дети мрут как мухи. Кровь мешать надо – за кваска хороша будет. Детей много будет. – И совсем полушёпотом: – Золота много есть. Батыр – корош мастер!

– Это хорошо, что ты большой мастер. Найдёшь для дочери достойного жениха. – Илларион похлопал бурята по плечу. – Спасибо тебе за всё.

Гарма преподнёс белому гостю подарок – расшитую бурятскую шапку в виде конуса. Прежде чем передать шапку Ларьке, он с торжественным видом держал её на обеих ладонях и взволнованно что-то говорил по-бурятски.

Илларион поклонился, поблагодарил и растерянно посмотрел на толмача – Батыра. Тот понял смущение русского. Взял у него шапку, пояснил:

– Брат сказал: «Пусть множится твой род, как лучи огненного солнца, и пусть никогда не иссякает твоя жизненная энергия». Помни, рус: шапка – подарок священный. В ней всё: огонь, солнце, воздух, вода и земля! – Он провёл рукой по конусу. – Тут божества, они будут тебя охранять. Шапку береги. И знай: на землю бросать нельзя, шагать нельзя, сни-

мать, когда важное дело, нельзя.

– Я всё понял. – Илларион вздохнул и принял подарок. Всем присутствующим поклонился в пояс. – Храни вас Господь и все ваши боги.

Недолго он скакал в бурятской шапке. Остановил Рыжую, снял с головы дорогой подарок и сунул в дорожный мешок. С горечью подумал: и выбросить нельзя, и в доме хранить опасно. Как быть? Не разрешимый вопрос...

Как признаться, что ел-пил у бурят?

* * *

Возвращаться в шалаш после тяжёлой болезни было бы глупо. Илларион решил отправиться в Тарбагатай. Добрался до Ганзурино – остановил лошадь, спешил. Постоял на горе, полюбовался свежим, лёгким кружевом тонкого льда на Селенге.

Как прекрасна жизнь! Как много в ней сладких, манких тайн, неизвестных вкусов. Расправить бы крылья, сорваться с высокого холма и полететь над Селенгинской долиной, объять всю красоту земную, напитаться воздухом свободы. Не страшно и задохнуться от счастья, переполняющего сердце.

Останавливаться в селе у родственников Илларион не стал – поспешил домой. По дороге думал, чем отблагодарит Гарму за шапку и за своё спасение, когда будет возвращаться весной на Щучье озеро. Чем порадует новых друзей? Вспомнил, как они хвастались перед ним своим огнивом – кожаной сумочкой, где хранится нож, трут и кремневый камень. Без огнива ни один бурят из дома не выйдет. Это самая необходимая вещь, и отношение к ней особое. Бурят украшает огниво, чем может, чаще – серебром и чеканным узором. Илларион видел кожаную сумочку Гармы – простую, без украшений.

Решил: к весне непременно купит своему спасителю дорогое огниво. И тут вспомнил про серебряную чеканку с растительным узором, которая хранилась в сундуке у деда. Тот сказал, что чеканке цены нет, мол, изготовил её пращур. Великий был мастер этого дела. Ну и что? Зачем она пылится два века в сундуке? Не лучше ли подарить хорошему человеку?

Только Ларька об этом подумал, как его обдало жаром: а ведь придётся признаться, что осквернился. Что будет? Неужели его отлучат от общины? А если узнает Михайла Чебунин, тогда уж точно ни за что не отдаст Ларьке дочку. Да и сама Дарья – разве пойдёт за осквернённого?

Илларион снова натянул поводья, остановил Рыжую у плиточной могилы.

Присел на камень. Дед сказывал, что этим могилам не двести и не триста лет, а несколько тысяч. Мальчишкой Ларька с друзьями пытался сдвинуть каменные глыбы, чтобы заглянуть в таинственный мир монгольских погребений и поживиться древними амулетами, которыми были обложены скелеты. Ничего хорошего из этой затеи не вышло. Один из друзей, оступившись, сломал ногу. А дед, узнав, куда и зачем они полезли, отлупил внука розгами, приговаривая: «Не ты клал, не тебе брать».

Строги, строги были Ларькины предки. Никто не выходил за рамки догм священных писаний. Хорошо это или плохо, парень не понимал, а рассуждал так: можно быть рабом Божиим, но идти за голосом сердца...

Фото Татьяны Семёновой-Дульской.

Борис УЛЕНДЕЕВ

ТРИ СЕСТРЫ СИМБИРСК-УЛЬЯНОВСК

Владимир

Было так, не было или только снилось...

Лёгкий зимний вечер. Тихо. Под ногами поскрипывает белый снежок. Что там под снегом, какой там тротуар, доски или земля, он не знает, но идти удобно, да и неважно это. А важно то, что это был Симбирск и он какой-то чиновник в уездной управе, и шёл сейчас с коробкой конфет после работы к своим знакомым девицам на выданье Ивановым, трём сёстрам, в домик на улице Московской. Он не торопясь прошагал мимо немецкой кирхи и спускался вниз по улице. Погода была замечательная. Изредка проезжали экипажи, и от спин лошадей поднимался пар. На перекрёстке на дереве сидела большая ворона с белым пером на крыле и смотрела на него в упор маленькими чёрными глазками.

«Бывают же такие!» – подумал он и поёжился, и вдруг вспомнил, что видел её рядом с магазином на Московской днём. Она летела прямо на него, чёрные навывкате глаза блестели, от неожиданности Владимир чуть ли не присел, а ворона бросилась ему под ноги, выхватила клювом что-то, тускло блеснувшее, и, тяжело взмахнув крыльями, улетела куда-то вниз по улице.

Ветра, столь обычного в Симбирске, не было. Владимир с удовольствием вдыхал холодный декабрьский воздух. На душе было хорошо и уютно, на работе дела обстояли прекрасно – ожидалось повышение, и можно было думать уже и о женитьбе и спокойном уютном гнёздышке где-нибудь здесь, на этой же улице Московской. Он представил, как они счастливо заживут с Лизой, и улыбнулся. Детей у них будет двое – мальчик и девочка. Да, конечно, двое. Лиза – красавица, всё в ней было ему по нраву. И такая домовитая, всё время что-нибудь делает.

Вот и домик уж виден, знакомые окна желтеют и занавески вышитые. И дом этот ему вполне нравился, и жить бы им здесь с Лизой. Только вот сёстры... Конечно, и сестра её, Мария, тоже на редкость хороша и сразу ему понравилась, по правде, он с ней и собирался роман закрутить, но как-то так всё сложилось... В общем, матушка их Маргарита Ивановна, царство ей небесное, умерла неожиданно в прошлом году, так вот, мистикой всякой увлеклась, таинствами. Книги разные читала и стала она стол вертеть и духов вызывать.

Он и не знал о них, но приятель его, Дмитрий – с ним работает в управе – прослышал про сеансы и спиритизм и напросился к Ивановым, через знакомых, и его позвал. Двадцатого августа, ещё звездопад тогда был сильный. Ну вот, вечером они и пошли к Ивановым. Жуткое дело, конечно, но интересно. Темно, ночь почти. Кухарка их в гостиную проводила. Там уже учитель из гимназии, Фёдоров, был. И женщина в шляпке, из газеты местной, Невзорова – феминистка известная, с ручкой и блокнотом. А позже ещё мужчина пришёл – приезжий вроде. Полутёмная комната и стол круглый посередине. На стене портрет – мужчина в сюртуке, в возрасте, бородатый и с усами – отец Лизин, умер уже давно. Посадила их Маргарита Ивановна за стол, смотрят они друг на друга, страшно... Сама вся в чёрном, в кружевах, строгая, платком утирается, жарко.

– Я, – говорит, – медиум – посредник между нашим миром и духами. – И застыла, глаза вверх подняла. А потом каким-то неземным, хриплым голосом: – Положите руки на стол!

На столе лист с буквами и в середине рулетка со стрелкой. А она продолжает:

– Я прошу всемогущего Господа дозволить доброму духу сообщиться со мной ради познания истины... Я вызываю дух... – он и не запомнил кого, от страха.

Тишина полная, только огонёк у свечек потрескивает. Сидят они так, и вдруг стрелка дрогнула и на буквы показывает! А Маргарита Ивановна вопросы задаёт разные. И ответы складываются из букв. Чудеса! Страшно было, не описать.

Тогда-то Мария ему и приглянулась. Она как зачарованная была, как статуя, не шевелилась, только завиток чёрный на виске иногда подрагивал. Но так сложилось, что рядом они с Лизой сидели, и потом за ручку держались, и гуляли во Владимирском саду, и на Венце под оркестр вальс танцевали. И всё в ней ему нравится стало – брови чёрные дугой и родинка на запястье. Всё...

А Вера, сестра их старшая, очень набожная была. Чуть что, крестится, и не нравилось ей столочерчение, грех это – говорила и уходила в другую комнату, а то и в церковь. И всё в монастырь уйти собиралась. Ну и ладно.

...Вот и окна, за занавесками движение какое-то в средней комнате. «Чай пить собираются!» – с удовольствием подумал он. Чай – самое то сейчас, зима всё-таки. Знакомое крыльцо, высокая деревянная дверь. Он потянул за чёрный шнурок. Тринь-тринь – отозвался колокольчик в прихожей.

– Иду, иду! – послышался протяжный, певучий голос.

Дверь открылась. Дарья, кухарка Ивановых,

раскрасневшаяся, в сером переднике, стояла, улыбаясь, перед ним.

– Здравствуйте, Владимир Петрович! Заходите быстрее, застудите! А Вас уже заждались, проходите. Лизавета все глаза проглядела! А я пироги приготовила!

– Молчи, Дарья, вечно ты болтаешь несусветное! Скатерть постели! Проходите, Владимир Петрович! – послышался голос Веры.

– Здравствуйте, здравствуйте все! Всё хлопочешь, Дарья? – отозвался он.

Владимир снял пальто, отряхнул и бережно подал его Дарье. Серое пальто из настоящей английской шерсти он сшил совсем недавно, перед зимой, и обошлось оно ему дорого и очень нравилось. Вид у него в нём был солидный и значительный.

Он вошёл в гостиную. За столом в небольшом кресле сидела с книгой Вера и что-то писала в тетрадь. У окна, рядом с пальмой в кадке, в тёмном с кружевами платье сидела Лиза и вышивала.

– А я в гости к вам! – сказал он, оглядывая комнату. – А где Маша?

– Здесь я! – весело отозвалась из кухни Мария. – Садитесь за стол, Владимир Петрович, чай пить будем.

«Как всё-таки Маша хороша!» – подумал он и подошёл к Лизе.

– Лизочка, что шьёте? – спросил он улыбаясь.

– Так, безделицу себе, – искоса взглянув на него, ответила Лиза.

– Да платок она вам вышивает! – громко сказала Дарья и поставила горячий самовар на стол.

– Дарья! Молчи, когда тебя не спрашивают! – грозно произнесла Вера, оторвавшись от книги.

Дарья взглянула, улыбаясь, на Владимира, и вышла, приговаривая: «Что там скрывать-то, обычное дело!».

– Садимся, садимся! – скомандовала Вера.

– Вот конфеты вам, – он аккуратно положил коробку на стол, рядом с чайным сервизом.

– Конфеты! – вскрикнула радостно Маша. – Ура! Георг Ландрин! Чур, я открою! – И, слегка коснувшись его руки, села слева от него.

– Открывай, конечно! – улыбнулся Владимир.

– Лиза, садись! – почти скомандовала Вера.

«Да она теперь тут вместо матушки, старшая», – подумал он.

Лиза положила на подоконник своё шитьё и села справа от Владимира.

– Что нового у вас, Владимир Петрович? – Вера отложила книгу и внимательно посмотрела на него.

– Как же вы на матушку похожи, Вера! Только, конечно, моложе, – удивлённо произнёс он. – Взгляд точь-в-точь такой же! – И продолжил как-то механически: – Отчёт за год готовим, всё вроде нормально. А у вас всё так же хорошо, без изменений.

– Изменения всегда есть, Владимир Петрович, – назидательно произнесла Вера, глядя на него, и он вдруг почувствовал себя неловко. – Вот маменькин портрет повесили рядом с папиным, а вы и не заметили.

На стене, рядом с портретом отца, висел портрет матушки, и как раз в том платье с кружевами, которое он на ней видел на сеансе в августе.

– Точно. Виноват – не заметил! – смугился он и вдруг добавил: – Да тут места нам всем хватит!

«Что это я плету?» – мелькнуло в голове. – Извините, как-то вырвалось. Работа, знаете ли! – Он неопределённо повёл рукой в воздухе и почувствовал себя вдруг неудобно.

– Ничего просто так не говорится и не бывает. Всё имеет свои причины, и всё связано, – со значением заметила Вера, взяв в руки книгу.

– Ну, Вера, хватит! А чай-то мы будем пить? Самовар остынет! И Владимир Петрович замёрз, наверно. Даша, подложи дров в голландку! – сказала Маша, взглянув на него.

«Вот, молодец какая! – с облегчением подумал он. – Отдыхать же собрались. А Лиза что-то молчит. Ну, тут Вера теперь начальник. Вместо матушки».

Он взглянул на её портрет и с изумлением увидел, что лицо Маргариты Ивановны как бы оживилось, краски стали ярче. «Да нет, такого быть не может, что это я?».

Рука его потянулась перекреститься, но было неудобно – спросят, что это он, и что он ответит? «Свет, наверно, такой», – подумал он. И точно, свечи вдруг вздрогнули и загорели ярче.

– Дарья, носи пироги! – снова скомандовала Вера.

– Несу, несу! – тут же почти пропела Дарья и поставила большое блюдо с горячими румяными пирожками на маленький столик у входа, рядом с тарелкой с чайными сухариками и вазочками с вареньем.

– Ну, давайте же быстрее! А конфеты-то какие красивые! Конфеты, конфеты, я вас люблю за это! – тоже пропела Маша и взглянула, улыбаясь, на него.

– Эх, развеселилась! – с укором сказала Вера. – А матушки нет – ещё года не прошло! Ну, да ладно, разливай!

– Сейчас, сейчас! Я вам налью, Владимир! – Маша поставила чашку с чаем перед ним. Лиза хмуро посмотрела на Машу, собралась сказать что-то, но передумала. Некоторое время они молча пили чай.

Он снова с опаской взглянул на портрет матушки. Маргарита Ивановна внимательно смотрела на него, мало того, и папенька тоже, казалось, заинтересовался происходящим.

«Что это со мной? Это мне только кажется? Видения? – мелькало в его голове. – Что за ерунда? Простыл, наверно, дрожь какая-то, надо взять себя в руки».

Он вострепнулся, как бы стряхивая свои страхи, и произнёс каким-то деланно спокойным голосом: «А чай-то замечательный у вас!»

– Чай ханский, он всегда хорош! – отозвалась Вера.

– А пирожки вам что ж? – недовольно, и вдруг в рифму, спросила от дверей Дарья.

– А пирожки – вкусней не пробовал! – почти весело ответил он, и все засмеялись, как будто груз с себя стряхнули. – А конфеты? Георг Ландрин!

– Георг Ландрин! Георг Ландрень! Мне б такие – каждый день! – смеясь, подхватила Маша.

– Да вы прямо поэтесса, Маша! – Он тоже засмеялся, и снова, как бы случайно, взглянул на портреты. Краски, казалось, потускнели, портреты как портреты.

«Чертовщина какая-то!» – Рука снова потяну-

лась перекреститься. Но стало уже весело и легко, и он с интересом смотрел на окружающих. Все развеселились. Да ещё Вера достала матушкину вишнёвую настойку из шкафчика.

Они пили чай с конфетами и настойкой, и Владимир рассказывал о своей службе, о том, что по итогам года ожидает прибавку, и как необходима государству его работа, и что надо думать о будущем.

Ему стало жарко, и он, накинув какой-то зипунчик, поданный Дарьей, вышел во двор. Стало теплее. Сквозь тёмные, мрачные облака неожиданно, с порывом ветра, показалась луна – большая, яркая и неестественно жёлто-красная. На фоне высвеченного луной облака он увидел сарай в углу двора и какую-то птицу на крыше. Ветер стал сильнее, и птица вострепнулась, повернулась боком, и Владимир ясно и с каким-то холодком в сердце вдруг увидел белое перо на крыле.

«Ворона! Снова та же ворона! Третий раз!» – Сердце у него сжалось и похолодело.

– Владимир Петрович! Вы здесь? А меня за вами послали! – Перед ним, кутаясь в горжетку, стояла Лиза. Владимир вздрогнул: «Лиза! Напугали вы меня!».

– Чем же это я вас напугала, Владимир Петрович? Что, я страшная, что ли, такая? То-то вы всё на Машу посматриваете!

– Да нет, что ты, Лиза! Ты – моя красавица единственная, – тусклым голосом ответил он.

– Обманщик вы, Владимир Петрович, – как-то тоскливо произнесла Лиза.

– Нет, Лиза, нет! Смотри, ворона с белым пером сидит на крыше!

– Да. Ну и что? Ворона как ворона! Только перо белое, вот и всё.

– Ну, вообще-то, я и не знал, что такие бывают. Я её видел уже. В первый раз, когда к вам летом на сеанс ходил. Матушка ещё была жива. А второй – когда она сегодня у немецкой кирхи на дереве сидела.

– Да она тут где-то ночует, видела я её. Пойдёмте в дом, холодно. – Лиза красиво повела плечами в горжетке.

– А когда же она здесь появилась, Лизочка?

– Кто?

– Ворона эта!

– Ну, не знаю, – протянула Лиза... – а нет, точно: матушку схоронили, и она появилась. Да пойдёмте, Владимир Петрович, холодно же! – И она снова повела плечиками под горжеткой.

– Когда матушку схоронили?! – изумлённо почти выкрикнул он, снова взглянул на нахохлившуюся ворону, ворона посмотрела на него, и они вернулись в дом...

«Что это я? Поцеловать её можно было, а я всё – ворона, ворона... Страху на себя нагнал. Может, к доктору мне пора, брома поглотать».

– Долго же вы гуляли! – Вера отложила книгу.

– Ничего недолго, – недовольно ответила Лиза и продолжила: – Ворона Владимира Петровича напугала!

– Ворона? Какая ворона? – Вера внимательно взглянула на него, переминая платок в руке.

«Ну, точно матушка, с платком белым!» – снова промелькнуло в голове.

– Да так, ворона обычная, только перо белое на крыле, я таких не видел.

«А платок-то у Веры белый, как у матушки был! – вдруг пришло ему в голову. – Да что это сегодня со мной?».

– Владимир Петрович, ещё чаю? – перед ним с цветастым заварочным чайником стояла, улыбаясь, Маша.

– Да, спасибо, Машенька! – ответил он и тоже улыбнулся. Лиза, нахмурившись, отошла к окну. Он сел за стол и рассеяно стал пить чай.

«Что это за вечер такой? И Лиза обиделась на меня. Ну сестру назвал Машенькой, и что? Она ведь и на самом деле очень весёлая и приятная. Да и вообще, я ведь с ней собирался познакомиться, ну и роман там начать. Это матушка так рассудила и Лизу ему посадила... Матушка! – И он вдруг понял, что боится матушки, даже сейчас, когда её нет в живых. – Как же нет в живых! Вот она, здесь, в комнате!» – Он взглянул на портрет. Краски снова стали ярче – матушка в упор смотрела на него круглыми чёрными глазами. «И ворона так на меня смотрела, спаси господи!» – Дрожь охватила тело, и он быстро перекрестился.

– Что это вы креститесь, Владимир Петрович? – Вера внимательно смотрела на него.

– Да так, в голову всякое лезет, чертовщина... – нехотя ответил он.

– С чего это у вас? Вы в церковь чаще ходите – и на душе ясно будет!

Владимир открыл рот, собираясь сказать, что в церковь он ходит, но тут странные вещи происходят – картины как живые и ворона эта с белым пером... Вдруг из прихожей послышался настойчивый звон колокольчика – тринь, тринь, тринь.

Все вздрогнули.

– Кого это к нам принесло? – недовольно произнесла Вера. – Дарья, открой!

– Иду! – торопливо откликнулась Дарья.

Дверь с трудом открылась, ветер со снегом влетел в коридор.

– Ну и ветрище! Прямо буря! – На пороге, отряхивая какой-то модный, серый в полоску балахон стояла журналистка Невзорова.

– Хозяева дома?

– Дома, дома! Заходите, Надежда! – отозвалась Вера.

– Здравствуйте всем! А я от тётушки своей домой иду. Тихо было, и тут ветер налетел, метель. Свет у вас увидела, вот и позвонила – переждать немного.

– Дарья, налей чаю Надежде! – скомандовала Вера.

Дарья, недовольно оторвавшись от своей чашки чая на кухне и пробурчав про себя: «Вот ещё сплетницу принесло! Невзорова! Незванова она! Не к дубру!» – прошла в гостиную и налила чашку чая.

– О! У вас тут Крым! А на улице прямо ураган со снегом! – И быстро оглядев гостиную и увидев Владимира Петровича, улыбнулась: – И вы здесь, Владимир Петрович. А что это вы читаете, Верочка?

– Да так, от матушки остались книги всякие: «Теософия», «Тайная доктрина» – всё Блаватская пишет.

– А, читала я! Перевоплощения разные, переселения душ. А что? Может, в следующей жизни я принцессой какой-нибудь буду?

– Вон чего? Принцессой! В кикимору ты превратишься, так вот! Сплетница! – пробурчала Дарья на кухне.

Владимир Петрович вдруг оживился. Какие-то, пока неясные, мысли появлялись в голове, и он неожиданно для себя сказал как бы в шутку: «И куда же мы переселимся? Не рано нам об этом думать?».

– Думать только поздно бывает! – снова поучительно объявила Вера. – Не нам выбирать! – И она указала рукой вверх.

– Как же так? – вдруг заволновался он. – И от нас тоже зависит, что дальше будет. Вот, например, я живу себе, никому не мешаю, ничем подаю, законов не нарушаю, ну, хотя иногда могу и нарушить, сознаюсь. Но себя я сдерживаю, сдерживаю в себе зверя.

– Ну тогда вам по делам и воздастся! – вдруг заговорила Лиза.

– Да, Лиза правильно говорит! – подхватила Вера. – Значит, вы не от души делаете что-то, а потому что наказания боитесь за неподобающее. Так ведь?

– Ну да, – сконфуженно признал он.

– Эх, в философию вас понесло. А настойки-то мне не нальёте, что ли? – оглядывая стол, сказала Невзорова. – Замёрзла я жуть!

– Ой, прости, кончилась, мы допили. Пойдите, сейчас ещё у матушки в комнате посмотрю, была там какая-то, в столе.

Вера встала и вышла, пройдя мимо портретов.

«Чисто мать!» – опять подумал он.

Вера вскоре вернулась с бутылкой и какой-то тетрадкой.

– Ну вот матушкин ликёр черносмородиновый, нам ведь и не давала его, да что делать, теперь попробуем. Наливайте, Владимир Петрович!

– Да вы портрет её повесили! Рядом с батюшкой, молодцы, память чтите! – высказалась Невзорова. – Одобряю! Ну, давайте за матушку вашу, большого ума была женщина, светлая ей память! – И все выпили.

– И ликёр-то какой интересный! Я такой пробо-

вала, а у вашего вкус особый, – добавила она.

– Матушка травами увлекалась – вот, похоже, и добавила, – ответила Вера.

– И травы ей не помогли. Ушла от нас, – продолжала Невзорова. – Как говорила, что в мир духов воспарит, так и случилось. А доктора-то что сказали? Так неожиданно всё!

– Да никто не ожидал! Удар, что поделаться, не убережешься, – хмуро произнесла Вера.

– Да, удар! – многозначительно подтвердила Невзорова. – Ну, вот и теплее стало, отогрелась почти.

– Что ж, давайте теперь за наше здоровье! – подняла стаканчик Вера.

Владимиру тоже стало тепло, а потом он почувствовал, что всё вдруг как бы прояснилось. Дрожь прошла. Голоса сделались громче. Взгляд его, казалось, сделался всевидящим, и всё вокруг представлялось ярким и живым. Он взглянул на портреты – матушка и папенька смотрели на него добрыми внимательными глазами. Всё стало близким, понятным и родным. «И правда, травы какие-то в ликёре», – расслабленно подумал он, но это было уже не важно.

– Да как же вот так взяла и умерла? – не унималась Невзорова. – А мне редактор статью заказал. Я уж название придумала – «Таинственное рядом», нет, лучше – «Мир тайн».

Ветер на улице вдруг натурально взвыл и сразу затих. Громкий треск и глухой удар падения чего-то большого послышался со двора. Дом вздрогнул.

Все на мгновение затихли. Владимир впился руками в ручки кресла. Дрожь снова охватила его и прошла.

– Что там, Дарья? – севшим голосом спросила Вера.

– Бочка опять упала, как с матушкой! – откликнулась раздосадованно Дарья.

– Дарья! – сердито прикрикнула Вера.

– Как с матушкой? – подскочила Невзорова. – Так матушку, что ль, бочкой ударило? То-то полицейский мне про ушибы говорил. А что за бочка?

– Да душ летний в сарайчике, и бочка на нём. Плохо укрепили – вот и падает. А матушка сама упала – плохо ей стало, вот и всё, – недовольно ответила Вера.

– Бочка? Да, и так бывает, конечно... – со значением протянула Невзорова и добавила, взглянув в окно: – Ну, погода! Как же я домой пойду?

Но идти домой ей явно не хотелось. В голове уже вертели строчки будущей статьи для газеты «Симбирянин»: «Не всё так просто», или, как Вера говорит, «Просто так ничего не бывает» и что-нибудь про переселение душ.

– Садись, Надя! Все мы скорбим по матушке, нам её не хватает. – Вера взглянула на портреты. – И папеньки, конечно, тоже. Так что давайте за нашу добрую память по ним! Добрую память! – со значением повторила она, глядя на Невзорову.

Вино сладко разливалось по телу. Ему снова стало легко и спокойно.

«Боже, как права Вера! Добрая память! Надо жить в мире со всеми, ничего не требуя и не обманывая. Жизнь протечёт быстро, не надо портить её хитростями, нужно всегда говорить правду, как бы

это ни было неприятно», – подумал он и посмотрел на Лизу. Лиза, отвернувшись, смотрела в окно.

– Так что же, Вера, это правда – переселение душ? Вы сами в это верите? – неожиданно для себя спросил он.

– Правда ли это? Я и сама не знаю, – ответила Вера. – Вот матушка верила. – И она подняла тетрадь в серой матерчатой обложке. – И вот, Владимир Петрович, что интересно – она пишет, что некто П. просит провести сеанс с В.П. и спросить его, но не сразу, а после вхождения в состояние, что необычное он видел? В.П. ведь это вы?».

– Да, наверное, я – В.П., – озадаченно ответил он. – А кто же П. тогда?

– Это, наверно, Пётр Иванович – приезжий из Петербурга. Да он с вами, Владимир, был на сеансе летом, когда вы в первый раз к нам пришли. Помните? – Маша, улыбаясь, посмотрела на него.

– Помнишь, Лиза? – Маша повернулась к сестре.

– Помню, – хмуро буркнула Лиза и отвернулась.

– Лиза, Лиза – сестрёнка моя ненаглядная! Ну что ты загрустила? Я же люблю тебя всей душой! Я всех вас люблю! – Маша обняла и поцеловала Лизу, а потом, пристально глядя на Владимира, добавила: – И Владимир Петрович... – она замолчала и, сделав усилие, продолжила: – ...нравится мне. Очень нравится.

«Что это она? Так же нельзя!» – растерянно подумал Владимир, но в то же время радость, свобода вдруг наполнили его сердце.

Лиза молча посмотрела на Марию, потом на Владимира Петровича и тихо произнесла, глядя на Машу: «Я тоже тебя люблю.» – И отвернулась к окну.

– Пётр Иванович, Пётр Иванович... Так вот, – радостно заговорила Вера, оторвавшись от матушкиной тетради, – я тут прочитала и вспомнила, матушка тогда, перед сеансом, цифры высчитывала, и надо было ей женскую цифру, чётную, я-то в церковь тогда ушла, а вас семеро получалось на сеансе. Дарья! Что она тебе сказала?

– О господи! – откликнулась Дарья, вставая с лежанки на кухне. – Маргарита Ивановна сказала мне идти на улицу и первого попавшегося человека приличного вида пригласить на сеанс. Ну вот я и позвала, как раз рядом с домом прохаживался – Пётр Иванович назвался. Восемь тогда вас стало. Он ещё потом приходил. В карты играли.

– Да, да! Карты Таро! Гадания о прошлом, будущем и настоящем! – подхватила Вера и добавила: – А на похоронах его и не было, странно это.

– Он потом приходил! – отозвалась из кухни Дарья.

– Восемь – цифра бесконечности. А мне в восемь лет папа куклу подарил. С головой фарфоровой... – как-то задумчиво произнесла Невзорова, отрезая кусок торта. – Да, живём, работаем, хоть и не ценят нас, а всё тлен. Вот были мы, радовались, волновались, надеялись – и нет нас. А есть только бесконечность. А нам конец есть, тлен.

– Ишь, как заговорила! – прислушивалась Дарья в кухне. – А ведь правду говорит, хоть и Незванова! Что это на них на всех напало! Маша-то, считай, в любви Владимиру Петровичу призналась! Эх, Лизу жалко! Белены, что ль, обьелись? – И она переkreстилась на иконку в углу.

– Да, Надежда, вы правы. Правы бесконечно. Строим какие-то планы, думаем о будущем, приобретаем, хитрим, а жизнь уходит, – вдруг заговорил Владимир, – а нужно-то радоваться тому, что есть в душе, что на сердце лежит.

– Так что у вас на сердце, Владимир Петрович? – улыбаясь, спросила Мария.

– Что? – он задумался на секунду. – Ты – Маша! – неожиданно ответил он, и ему стало легко и радостно, как бывало в детстве.

Ветер с улицы резко ударил в окно, стены вздрогнули и задрожали. От неожиданности Невзорова уронила нож на стол, свечи замигали, время вдруг резко замедлилось, провалилось, все застыли и, приоткрыв рты, смотрели, как нож медленно падает с глухим звуком на стол и так же медленно подпрыгивает: Раз! Два! Три! Распахнулась форточка, разбрасывая осколки стекла, и колючий снег влетел в гостиную, задувая свечи. В темноте слышались испуганные вскрики.

– Дарья, сюда! Окно закрывай! – кричала Вера.

– О Господи! Темень какая! Чем же я закрою? – Дарья схватила одеяло и шагнула в темную гостиную. – Владимир Петрович, помогите мне... да помогите же!

Кое-как Дарья заткнула окно одеялом и, наткаясь на стол, трясущимися руками зажгла свечи, свечи робко зажглись, потом повернулась к столу, охнула и застыла. Владимир Петрович полулежал на стуле, как будто выпил лишнего. Голова его свесилась набок, а по белоснежной рубашке медленно стекали алые ручейки крови. Не шевелясь, круглыми от ужаса глазами смотрели на него Вера и Невзорова. Маша, устремившись к Владимиру, застыла, держась за стол. Лиза, как статуя, стояла в дверях, с ладони капала кровь. Рядом на полу лежал столовый нож. Владимир Петрович что-то хотел сказать очень важное, открыл рот – и вдруг провалился в мягкое небытие. Всё исчезло.

Пётр

Им было весело. Ещё бы, наконец-то стало складываться, получаться что-то. Что-то – это, конечно, громко сказано. Но муха, бедная муха, исчезла, ненадолго – на секунду-две, но исчезла. Куда? Они могли только предположить. На пять минут, на десять – неизвестно. Но её не было в этом стеклянном стакане, перевёрнутом вверх дном. Не было несколько секунд. А потом снова появлялась и, казалось, недовольно смотрела на них из стакана.

Они сидели в институтской лаборатории и пили шампанское. Повод был – его день рождения и опыт, удачный опыт. Много пили... Молодые, увлечённые работой люди, собирающиеся сказать своё слово в науке. Да что слово! Переворот! Это будет переворот! Никто в институте не верил, что у них что-то получится, и они после работы, вечерами, занимались своим проектом. Два года трудов, неудач, пропущенных свиданий, догадок – и вот получается. А потом все ушли, и Лена тоже. Он остался один, и лежал на раскладушке в пустой лаборатории, и пытался обдумать план завтрашних опытов, экспериментов, как они писали в журнале. Пётр взял журнал в руки.

«22 мая 2050 года». Так, так... Он начал читать

ещё раз весь ход прошедшего эксперимента. Всё верно.

– Пстой-пстой! – Пётр заговорил сам с собой. – Вот последний пункт. Резонансная кривая не уравновешена и сразу же спадает. И муха появляется тут же. А если включить параллельно контррезонанс? Вот меня сейчас качнуло вперёд и... автоматически включается контрдвижение, напрягаются спина и ноги. И я в равновесии. Да! Это надо попробовать! Сейчас я попробую.

Он неловко поднялся с раскладушки – его снова качнуло – и подошёл к аппарату, стоящему у стены, включил его и начал устанавливать датчики, глядя в журнал.

– Так! А вот здесь мы изменим! – Он представил, что всё, конечно, получится и завтра все будут в восторге. – Готово! Управление, – Пётр взял в руки тускло блеснувший браслет – 2 – 2 – 1. Так, ещё раз 2 – 2 – 1. И нажимаю... Нет, ещё проверка... Так, стакан здесь. Муха! А где муха? Улетела?

– Жжж! – зажужжало слева.

– Ну, иди сюда! Последний раз! Ну, пожалуйста! И я тебя накормлю – колбаса осталась – и отпущу, честное слово!

– А, вот ты где! – Он потянулся за мухой, неловко махнул рукой и упал на раскладушку, придавив браслет. Браслет засветился голубоватым светом, гудение станции у стенки стало громче, и Пётр почувствовал, что его как будто резко выдернули и бросили куда-то.

...Он проснулся утром от холода, но глаза не открывал, лежал, думая о том, что надо бы принести в лабораторию плед. И, конечно, не стоило пить столько шампанского. Да, вчера вечером они хорошо приложились. Но оно того стоило – муха ведь исчезла! И он остался в лаборатории один. А! Опыт! Он же ввёл контррезонанс! И отключился! Нет, так пить нельзя... Холодно, в самом деле холодно. Надо закрыть окно.

– А что ты, мил человек, здесь делаешь? – вдруг услышал он незнакомый голос. Пётр, не открывая глаз, пробурчал:

– Хватит прикалываться, лучше окно закрой!

– Вообще-то это моя контора! – тоже пробурчал кто-то.

Пётр нехотя приоткрыл веки. Яркое солнце било в глаза. Перед ним в потрёпанном сюртучке, пошатываясь, стоял мужчина среднего роста, с бородкой, одетый по старой моде. В руках у него был браслет. Пётр вскочил, он уже понял, что произошло что-то невозможное, и выхватил браслет из рук мужчины. А тот, оторопев, пошатнулся и забормотал:

– Пожалуйста, пожалуйста, о чём речь, сударь. Мне материал вашего браслета интересен, технически, знаете ли. Как-то он как будто подрагивает и циферки какие-то... Не видал такого! И кровать у вас интересная.

Он восхищённо смотрел на раскладушку и причмокивал языком.

– На совесть сделана! Разрешите представиться. Семён Юрьевич Петров – владелец этой мастерской, у входа в которую я вас имел честь обнаружить! – витиевато закончил он и покачнулся.

Пётр стоял в одной кроссовке, открыв рот. «Лаборатория, ребята, Лена... – выпили вчера... муха.

Да, да! Муха исчезала! Они поэтому и напились! Дальше что? – Он оторопело глядел на мужчину в мятом сюртуке, смотревшего на него весьма благожелательно. За мужчиной была улица, мужик на телеге, в армяке, бородатый, проехал, глядя на них. Позади и по бокам стояли невысокие дома старинного вида, вдали церковь, как в фильмах про старину. – Что за приколы? Ну, ребята дают!».

– А, вижу, сударь, вы тоже вчера приложились! И я грешен! Но это того стоило! Часы батюшки Варфоломея отремонтировал, как новые стали! И он меня вознаградил, как положено, в соответствии, – мужчина икнул. – А давайте, сударь, ко мне в мастерскую – вижу, вы хлеще меня загуляли вчера и ботинок потеряли. Давайте-давайте! И постель вашу занесём, а то народ уж собирается.

И точно: в стороне, метрах в десяти, стоял мальчишка в выцветшей косоворотке, смотрел во все глаза на них и жевал баранку. Семён Юрьевич извлёк из кармана длинный, темного металла ключ и открыл дверь.

– Заходите, сударь! Добро пожаловать! – Он взял в руки раскладушку и стал заносить её в мастерскую. Раскладушка вдруг сложилась, и Семён Юрьевич восхищённо зацокал: – Вот это да! Вот так конструкция! И лёгкая какая!

Он придвинул к заставленному всякими железками столу табуретку: «Садитесь, сударь!». Потом взглянул на стоящего в какой-то прострации Петра и, заботливо сказав: «Э, подлечиться нам надо!» – достал откуда-то снизу бутыл, пару солёных огурцов, поставил на стол, вытащил тряпочную пробку и разлил в маленькие стаканчики на столе, перед этим тщательно их протерев.

– Давайте, сударь, за встречу. Чувствую, вы интересный человек. Как вас звать, извините, не знаю.

Пётр в каком-то оглушении посмотрел на Семёна Юрьевича, потом с тоской взглянул на незнакомый пейзаж за мутным, давно не мытым окошком, взял стаканчик и как бы про себя приговаривая: «Сейчас всё пройдёт, всё пройдёт!» – закрыл глаза и выпил разом рюмку.

– Точно, всё пройдёт, – сказал Семён Юрьевич, опрокинул свою рюмку, деликатно заел огурцом и вопросительно посмотрел на Петра.

Маслянистая крепкая жидкость обожгла горло и провалилась в желудок. Он открыл глаза и... увидел то же самое – мутное окошко, старые дома, мастерскую и вопросительно-доброжелательное лицо Семёна Юрьевича.

– Я – Пётр, Пётр Иванович, – каким-то охрипшим голосом произнёс он, снова ошалело смотрелся и добавил: – Но как, как я сюда попал, не знаю – сплю, наверно.

– Э, мил человек, абсолютная правда, вся наша жизнь – сон! – с готовностью подхватил Семён Юрьевич, аккуратно разливая самогонку по рюм-

кам. – Давайте, Пётр Иванович, ещё по одной.

Они выпили.

«Неужели не сон всё это? Нет, не может быть сон таким конкретным. Не розыгрыш же это? А почему нет? Ну, ребята! Реквизит что надо подобрали! И самогонка ещё. – Он оглядывал мастерскую, ища что-то современное и понятное. – А вот как надо! Сейчас Семён Юрьевич проколется!»

– Семён Юрьевич, а у вас газетки свежей какой-нибудь нет?

– Газетки? А как же! Вот – «Симбирянин». – И он подал с полки над столом газету.

Пётр Иванович осторожно взял пахнущие типографской краской листы. «Симбирянин», очень натурально... – Дата, дата какая? 18 мая 1915 года?» Глаза его расширились, он открыл рот и выронил газету.

– Да, да – газетка свежая, в прошлую неделю купил, – Семён Юрьевич аккуратно поднял газету, встряхнул и добавил: – Вот статья тут хорошая. Афанасьев Леонид Иванович, голова наш, американцем его зовут, о дорогах наших, о грязи непролазной пишет. Толковый мужик, центр замостил бульжником, электричеством воду качает... А вот и про войну германскую.

– Так это Симбирск? – изумлённо спросил Пётр.

– Точно, сударь. Симбирск, Чебоксарская улица. Не помните ничего?

– Чебоксарская? Это же Бебеля?! Лаборатория у нас там! – Он огляделся. – Здесь, значит, Симбирск?

С улицы послышался шум и крик:

– Семён, куда бочку сгружать? Маргарита Ивановна прислала – протекает.

– Извините, Пётр Иванович, – работа! – Семён Юрьевич поднялся и открыл дверь. Перед мастерской стояла телега с лежащей в ней дубовой бочкой.

– Давай сюда кати, в сарай! – Семён открыл дверь рядом с мастерской, и мужик в армяке, кряхтя, закатил довольно объёмистую, пропахшую квашеной капустой бочку в сарай.

И тут Пётр понял, что он действительно попал. Попал в Симбирск 1915 года. Конечно, здорово! Неужели всё получилось? Контррезонанс – вот чего не хватало мухе исчезнуть! Как ребята не догадались? Он ведь догадался и исчез. Исчез... Исчез? Ему стало страшно. Пётр нащупал в кармане браслет. Он вернётся, обязательно вернётся. Вернётся вечером, всё получится, конечно. Но надо с собой забрать что-нибудь, хоть вот эту газету «Симбирянин», а то ребята не поверят.

– Пётр Иванович, помоги мне, дорогой, поддержи бочку. Вон калоши мои надень.

Перед ним, с зубилом и молотком, стоял, улыбаясь, Семён Юрьевич. Пётр вздохнул, обул калоши, и они стали подбивать обручи у бочки. Потом таскали воду, наполняли бочку, снова подбивали, точили и отбивали косы, клеили расшатанные ножки

в стуле. Мимо мастерской в полдень проскакал на лошади полицейский в форме и, как показалось Петру, внимательно на него посмотрел. Желания куда-либо идти у Петра не было, он боялся влипнуть в какую-нибудь историю, всё было незнакомо, хотя по-книжному, со школы, он это знал в общих чертах. Ничего, вечером он вернётся.

Вечером, устав, они сидели за тем же столом в мастерской и пили чай с плюшками. Плюшки были неожиданно вкусные, и Пётр, немного расслабившись, слушал Семёна Юрьевича. Тот рассказывал что-то о том, что приходилось ему ремонтировать, и поглядывал выжидательно на отмалчивающегося Петра. За окном окончательно стемнело, и Пётр понял, что пора возвращаться.

Семён Юрьевич продолжал что-то говорить о том, почему он живёт один, о родственниках в деревне. Пётр поднял руку, и тот замолк.

– Знаю, Семён Юрьевич, ты узнать хочешь, кто я и откуда взялся. Я вот думаю, а надо ли тебе это знать?

Тут Семён Юрьевич немного надулся и обиженно сказал:

– Ну да, да, не по чину мне, наверно. Понятно, вы человек особый, вон и говор у вас другой какой-то.

– Нет, Семён, не так ты меня понял. – И тут Пётр вспомнил, что они с ребятами, сами не веря и веря в свою машину времени, разработали между делом кодекс поведения путешественника во времени и первым пунктом там было – никогда не признаваться, что ты из другого времени. Пункт этот вытекал из опасения нарушить происходящую естественно связь времён. Каким-то поступком или действием – в общем, максимальное неучастие в чём-либо, что уже случилось раньше. Что могло произойти при нарушении, было трудно представить, но историю переписывать нельзя. Но тогда всё это казалось абстракцией, какой-то далёкой невозможной вещью – и вот, пожалуйста, всё конкретно.

– Семён Юрьевич, спасибо тебе за то, что принял меня так по-дружески. Вижу я, ты хороший человек, – он замаялся, подбирая слово, – мастерской. А я... – он снова замолчал. «Ну ладно, скажу ему, ведь сейчас всё равно исчезну, вернусь к себе на глазах изумлённой публики... Нет, в кодексе сказано «никаких свидетелей»... да никто Семёну и не поверит – выпил, мол, лишнее. А я вернусь домой, в лабораторию к ребятам. Там, наверно, переполох, ищут меня. Лена что думает? Сейчас вернусь, конечно, вернусь». – Но я... – продолжил Пётр, – ты сейчас не подумай, что я безумец какой-то, я вообще из другого времени. – Он взглянул на Семёна.

Семён Юрьевич, широко открыв глаза, с каким-то детским изумлением, приоткрыв рот, смотрел на Петра Ивановича. Потом заговорил торопясь:

– Я понял, понял, что-то не то с вами, Пётр Иванович. Вон и кровать у вас какая, и обувь нездешняя. Да как же так? Воистину чудеса твои многогранны, Господь! – И он торопливо перекрестился на икону в углу. – Разве возможно это? В человеческом облики? Вы, Пётр Иванович, может, ангел какой-то? И пострижены вы как-то по-особому, коротко! – заволновался Семён.

– Нет, нет, Семён, я такой же человек, как и ты,

с руками и ногами. – Пётр Иванович покачал ногой в кроссовке.

– А из какого времени вы, сударь? И зачем здесь? Почему ко мне? – Семён Юрьевич неожиданно как-то успокоился.

– Не знаю, Семён, не знаю, почему к тебе! – с недоумением произнёс Пётр. – Мы эту станцию времени только что изобрели. Изобрели в лаборатории, в Ульяновске, Симбирске то есть. Вот получается как раз здесь она и находится, где мы с тобой сидим, на Чебоксарской улице. Но мы-то здесь сейчас, а она тоже здесь, но там. – Пётр повёл рукой куда-то в сторону и вверх. И сначала с недомолвками, а потом вдруг подробно рассказал всё Семёну, и ему стало легче на душе. Семён Юрьевич, как зачарованный сидел, широко открыв глаза, и слушал, качая иногда головой и приговаривая: «Иди ты!» или «Вот это да!».

– Ульяновск, значит, вместо Симбирска, а фамилия ваша как?

– Петров Пётр Иванович.

– Петров? Правда? А что? Не родственник мне? Мы с вами вроде и похожи, посмотри-ка на меня, борода мне сбрить только.

– Вряд ли родственники, хотя... все люди братья, – сказал Пётр Иванович и вспомнил, что кодекс строжайшим образом запрещал разыскивать родственников путешественникам во времени, чтобы не нарушить естественное течение времени. – Вряд ли, – повторил он, – Петровых тысячи и тысячи.

– Ну вот, Семён, всё тебе я рассказал, а сейчас мне надо возвращаться!

– Возвращаться? – огорчился Семён. – Только так подружился! Ну, да, да, понимаю!

– Семён, а дай мне газету твою – ребятам покажу!

– Да, пожалуйста, Пётр, бери. Бери что хочешь! – Он оглядел мастерскую. – Вот самогонки возьми, ребят угостишь.

– Нет, нельзя – кодекс!

– Пётр, а ты оставь мне что-нибудь: тебя не будет здесь – я взгляну и тебя вспомню! – Семён Юрьевич посмотрел на кроссовку на ноге Петра.

– Нет, Семён, кодекс запрещает оставлять вещи, тем более непарные. Сам представь – одна кроссовка там, в лаборатории, в 2050 году, а другая здесь. Это вообще весь ход истории нарушится, обувная промышленность там, ещё что-то, – неуверенно сказал Пётр.

– Ну, кровать тогда оставь, – попросил жалобно Пётр.

– Раскладушку? Пожалуй, можно, – снова неуверенно ответил Пётр. – Что там – железо да брезент, у вас уже и то и то есть. Вот только бирку оторву. – И он оторвал бирку и сунул её в карман.

– Спасибо! – обрадовался Семён.

– Сейчас я, пожалуй, в сарай пройду, а то мало ли что – видишь, к тебе попал и раскладушка со мной прилетела, а там пусто.

– Там бочка стоит, Маргариты Ивановны! – вспомнил Семён. – Ну и чёрт с ней. А меня, Пётр Иванович, ты можешь взять, хоть ненадолго! – Глаза Семёна загорелись.

– Нет, нет! Кодекс, Семён! Я пошёл!

– Чудеса! Невозможно это! Ты только от бочки

отойди, а то вдруг тебя придавит ей в лаборатории. И ребята пострадать могут, – с заботой произнёс Семён. – Эх, такой человек ты, Пётр Петров, и уже прощаться!

– Ну ладно, Семён, я вернуться постараюсь, – неуверенно пообещал Пётр. Они вошли в сарай, и Семён откатил бочку в сторону, приговаривая: – Бережёного Бог бережёт.

– Ты от сарая отойди на всякий случай. Я сам не знаю, что может произойти – в первый раз это. Прощай, дружище!

Они обнялись, Семён перекрестил Петра, покачал головой и вышел из сарая. Пётр поправил кроссовку на ноге, вздохнул, стряхнул пыль с одежды и, достав из кармана браслет, встал в середине сарая.

– Раз, два, три... Прощай, 1915-й! – Он набрал шифр, сжался, зажмурил глаза и нажал на браслет. Браслет вспыхнул холодным синим светом и... погас.

Семён Юрьевич постоял немного перед сараем, было тихо. Он перекрестился и осторожно приоткрыл дверь.

– Пётр! Пётр Иванович! Ты где?

Посреди сарая, вытянувшись в струнку, перед ним был Пётр Иванович с газетой в одной руке и браслетом в другой. Он стоял так некоторое время, потом вздохнул, сел на пол, оглядел браслет и стал сжимать его в руках. Браслет не отзывался.

– Сейчас, сейчас, Семён, не подходи, сейчас включится! – лихорадочно повторял Пётр. Слёзы текли по его щекам.

– Пётр Иванович, ну не получилось, брось, завтра заработает! Посмотрим – может, заело что-то! Что ты как дитё малое! – вдруг довольным и успокаивающим голосом сказал Семён. – Пойдём! – И он, приобняв Петра, повёл его в мастерскую.

Они долго сидели за столом, пили самогонку, и Пётр всё повторял: «Неужели я здесь застрял? Застрял навсегда!». И плакал, а Семён Юрьевич успокаивал его, и подливал, и говорил: «А мне и не верилось, что ты исчезнешь так. Как это так? Это же невозможно, против природы!».

На что Пётр с возмущением отвечал: «А как же я здесь появился?» – И показывал бирку от раскладушки с надписью «ЛайфМебель 2 смена, 18.09.2041».

Пётр рассказывал, как устроен браслет, что это на самом деле пульт, что он должен послать команду на включение основного аппарата в лаборатории, но почему-то заглох. А потом они совсем опьянели и уснули.

Утром они поели вчерашние пирожки с капустой, с чаем из самовара. Семён Юрьевич достал из шкафа набор часовых инструментов, и Пётр осторожно стал разбирать браслет. Всё выглядело вполне нормально, он осторожно замкнул контакты выключателя, браслет мигнул синим светом – и всё! Красного света – ответа от станции из лаборатории – не было. Может, там и нет никого сейчас. Они же не знают, что всё получилось и он сейчас здесь, в прошлом, на том же месте. Что сейчас они думают – загулял? и раскладушку пропил? Лена, Лена что думает? Его нет, браслета нет, раскладушки нет, только кроссовка валяется.

– Аккумулятор разрядился? Или станция не

включена? – тихо прошептал Пётр. – Всё, приплыли. – И что же он его не зарядил перед экспериментом? И где он возьмёт зарядку здесь, в 1915 году?

– А у нас, Пётр, электростанцию открыли, два года прошло, – сообщил Семён, – так что электричество найдём, не в деревне живём. И магазин по электричеству и технике на Московской стоит. Я там батареи видел.

– Дорогие? У меня и денег нет, сам знаешь! – оживился Пётр.

– Не дороже денег, не беспокойся! Поживёшь пока здесь, посмотришь, мы же родственники, – довольно ответил Семён, заваривая клей. И они взялись за ремонт стульев.

Так прошла неделя. Пётр понемногу привыкал, появилась небольшая бородка, волосы отросли, и они с Семёном стали ещё больше похожи. Интересующимся Семён так и говорил, что это его брат из Петербурга. Потом, по каким-то своим тайным каналам, оформил ему паспорт на Петрова Петра Ивановича. С браслетом вроде было всё в порядке, аккумулятор пока держал заряд, но красный свет не загорался. Наверно, ждут его, думают, что уехал ненадолго.

А они с Семёном вечерами ходили по Симбирску, пили прохладительные напитки в деревянных беседках на Венце, и он с удивлением находил знакомые черты Ульяновска в старом Симбирске. Волга с островами, конечно, была меньше, но красивее. Весь берег утопал в цветущих садах, и приятный дурмящий аромат висел над Венцом. Семён расспрашивал о жизни в будущем, но Пётр, ссылаясь на кодекс, рассказывал ему довольно размыто.

Наступила зима, аккумулятор в браслете едва включал синий свет, вибрации чуть ощущались, и как-то после обеда Пётр отправился за батареями в магазин электричества на Московской улице. Браслет привычно лежал в кармане, так ему было спокойней, но красный свет так и не загорался, вызов не поступал. Он купил батареи (приказчик упаковал их в прочный бумажный пакет с надписью «Магазин Юргенса») и вышел на улицу. Ветер бросал в лицо колючие снежинки, и Пётр, поёжившись, поднял воротник и вытащил перчатки из кармана.

«Вечером зарядю браслет, и всё получится, меня вызовут... – думал он. – И тогда прощай, Симбирск, прощай, Семён. Здравствуй, Лена, здравствуй, Ульяновск! И я всё объясню ребятам».

Он нёс пакет с батареями, и ему было хорошо. Вот уже Гончаровская, недалеко до дома.

Вдруг Пётр остановился как вкопанный. Браслет? Браслет! Не было привычной тяжести браслета в кармане! Пакет выпал из рук, он лихорадочно шарил по карманам – браслета не было. Поднял пакет, посмотрел – браслета нет, огляделся вокруг, потом повернулся и быстрым шагом, почти бегом, внимательно глядя под ноги, вернулся к магазину. Навстречу, торопясь, прошагал молодой мужчина среднего роста в сером шерстяном пальто и чёрной мутоновой шапке пирожком. Браслета не было ни на тротуаре, ни в магазине. Пётр выскочил на улицу, мужчина впереди перешёл дорогу и встал перед витриной кондитерской.

– Сударь, подождите! – закричал Пётр и подбежал к нему. – Извините, я браслет тут потерял, вы не

видели? – запыхавшись, спросил он. Мужчина – это был Владимир Петрович – удивлённо взглянул на Петра и, тоже извинившись, ответил, что не видел, и зашёл в кондитерскую. Пётр в панике перешёл на другую сторону улицы и несколько часов, скрываясь, ходил за ним по городу и к вечеру знал, что мужчина чиновник в управе и проживает на улице Покровской, в доходном доме.

Браслет пропал. Пётр с Семёном долго сидели за столом в мастерской. Семён всячески сочувствовал, разлил самогонку и обещал поговорить с полезными людьми, а утром на вывеске мастерской дописал: «Ремонт всяких механизмов» – вдруг кто-нибудь принесёт непонятное. И они снова взялись за работу... Так и прошли зима и весна, шла война с Германией, о браслете ничего не было слышно. А Владимир Петрович вёл себя вполне обычно, как обычный чиновник. Жизнь продолжалась, и прошлое, вернее прошлое-будущее, стало казаться Петру каким-то сном.

И вот как-то Владимир Петрович Григорьев и его приятель Димка Зеленов пошли к Маргарите Ивановне на сеанс столоверчения.

Пётр незаметно шёл за ними, по другой стороне улицы. Мужчины вошли в дом на Московской, Пётр приблизился к закрытой двери и вдруг почувствовал едва уловимую, но хорошо знакомую ему вибрацию. Она продолжалась некоторое время и пропала. Браслет! Браслет был где-то здесь. Пётр ошеломлённо стоял у дома и не знал, что делать дальше. Вдруг дверь открылась, и женщина в зелёном переднике оглядела его и пригласила войти, сказав, что хозяйка, Маргарита Ивановна, любезно приглашает его на сеанс.

– Сеанс? Какой сеанс? – спросил он и вошёл в дом. Владимир Петрович сидел за столом, рядом с Лизой. Но вибрации пропали...

Пётр Иванович расспрашивал Маргариту Ивановну о сеансах, о вызове духов, о таинственном, и они подружились. Он приходил ещё, и они вместе раскладывали карты Таро и предвещали судьбу. Вибраций не было.

С тех пор Пётр каждый вечер, иногда с Семёном, гулял по маршруту Венец – дом Владимира Петровича – дом Маргариты Ивановны. Вибрации не возвращались. И ему постепенно стало казаться, что они почудились, и почудились потому, что он их ждал, что это был обман восприятия.

А потом он узнал, что Маргарита Ивановна внезапно умерла. Умерла в день его рождения – 22 мая.

– Удар, – просто сказала Вера, – сердце. Дарья что-то пробурчала о бочке, проходя в кухню. Пётр почувствовал боль – он на самом деле подружился с этой немного театральной, эффектной женщиной, хозяйкой дома, семьи. В душе появилась смутная тревога, что-то не сходилось, и ему казалось, что это как-то связано с вибрациями, пультом, а в общем, с вмешательством в ход времени, в события, которые для его две тысячи пятидесятых уже произошли. И он ответственен за случившееся, он причина этого.

Кодекс требовал неучастия в том, что уже произошло, а он мало того что прибыл из будущего наугад, так ещё и пульт потерял. А главное, там, дома, никто не знает, что он здесь, в прошлом. Лена, Леночка! Как ему не хватает её!

Странно всё. Он вспомнил, как Маргарита Ивановна загадывала на своё будущее. Карты, к её удовольствию, говорили, что она уйдёт в мир духов. Иногда она загадывала на то, когда кончится германская война, и Пётр осторожно подсказывал ближнее будущее. События подтверждались, и доверие Маргариты Ивановны к нему росло. Как-то она сказала, что Пётр прирождённый медиум и хорошо чувствует суть вещей и колебания тонких сфер, это редко встречается. Пётр же ответил, что ощущает во Владимире Петровиче какую-то тайну, и попросил её, при случае, в ходе сеанса и вхождения в транс распросить его о непонятных ему таинственных происшествиях с ним. Маргарита Ивановна охотно согласилась. И... не успела.

А Владимир Петрович продолжал приходиться к Ивановым, и как-то раз Пётр встретил их с Лизой на Венце. Пётр с Семёном по-прежнему занимались ремонтами. Симбиряне несли им поломанную мебель, часы и швейные машины «Зингер», но пульт никто не принёс. В городе становилось беспокойно, вечерами были слышны выстрелы, повсюду ходили солдаты.

Наступило 17 декабря, день рождения Лены в той – другой – жизни, то ли будущей, то ли прошедшей. Весь день на душе висела тяжесть, а вечером они с Семёном отправились на обычную прогулку. Было тихо, в небе желтела яркая луна, снег сочно похрустывал под ногами. Впереди приятно светились окна дома Маргариты Ивановны. Вдруг Пётр снова почувствовал едва уловимую знакомую вибрацию, потом резко задул ветер и бросил в лицо охапку колючего снега, усилился, взвыл, и началась буря. Пульт, где-то здесь был пульт! Петра вызывали, вызывали в аварийном режиме, без подтверждения! А он не мог нажать кнопку подтверждения и был уверен, что пульт у Владимира. «Эх, Владимир Петрович, зачем ты не отдал пульт!».

Во дворе что-то глухо ухнуло и упало, дом вздрогнул, резко хлопнула форточка, и послышался острый звон разбившегося стекла. Свет погас, и из дома послышались разрозненные крики. Потом кто-то суетился у разбитого окна. Свет снова загорелся – и снова крики. Вдруг стало тихо. Пётр подбежал к двери, потянул за шнурок. Через некоторое время дверь открыла Дарья с испуганным лицом.

– Что случилось? – закричал Пётр.

– Там! Там! – сдавленным голосом повторяла Дарья, показывая на гостиную. Он вбежал в гостиную и увидел Владимира Петровича в кресле, в белой рубашке, залитой кровью, Лизу, лежащую без чувств около кресла, и нож на полу. Рядом, с расширившимися от ужаса глазами, театрально прижав руки к груди, стояла Невзорова, а в углу у иконы истово и громко молилась Вера.

Семён тут же был послан к доктору, жившему рядом. Пётр осторожно поднял Лизу и положил её на кушетку; она открыла глаза и тут же заслонила их ладонью, по пальцам стекала кровь. Пришёл доктор, огляделся, увидел разбитое окно, сказал, что холодно, и приступил к работе. Владимир был жив, тяжело дышал и смотрел вокруг ничего не выражающим взглядом. Раны были неглубокие, доктор смахнул с его груди осколки стекла, посмотрел на нож, лежащий на полу, перевязал, сделал укол и сказал, что

всё, наверно, обойдётся, только надо приехать в больницу, к хирургу – для консультации и перевязки. На вопросы Владимир Петрович не отвечал.

– Шок, – объяснил доктор. – Так бывает, пройдёт. – Он осмотрел Лизу, смазал чем-то и забинтовал ей руку, дал успокоительное и спросил что-то. Она молчала. – Шок, – ещё раз повторил доктор, взял деньги, пожелал здоровья и ушёл.

Владимира положили в комнату матушки, и он сразу заснул. Пётр снял с него сюртук и незаметно ощупал карманы. Пульта не было. Маша не сводила с Владимира глаз и присидела, без сна, всю ночь на стуле. Лиза заперлась в своей комнате и не открывала. Вера с Дарьей молились.

Утром Пётр с Семёном приехали с извозчиком к Ивановым. Семён быстро вставил стекло в гостиной, а знакомый Дарьин дворник поставил на место бочку. «Накрепко, никуда не денется!» – сказал он, взял деньги и ушёл. Владимир Петрович, перевязанный, молча сидел на стуле и пил чай. Он не отвечал на вопросы и, похоже, никого не узнавал. Рядом стояла заплаканная Маша. Пётр с Машей одели его, посадили в коляску и повезли в земскую больницу.

Григорьева быстро приняли – как раз освободилось место в лазарете для раненых солдат. Мария осталась на некоторое время в больнице, а Пётр отправился в мастерскую. Вибраций больше не было. Так прошёл этот день.

На следующий день Владимир Петрович пропал. Рано утром привезли группу раненых с фронта, а группу вылеченных отправили на вокзал. Мария была и дома у Владимира Петровича, и на вокзале – никто ничего не знал. Война была в разгаре. Солдаты уехали на фронт, и никто ничем не мог помочь.

Вечером Пётр сидел молча в мастерской. Всё было страшно и непонятно. Семён тоже молчал, смотрел на Петра, собирался что-то сказать, но медлил. Наконец перекрестился и произнёс: «Дело тут нечисто, Пётр». Потом потёр лоб и лицо ладонью, встал перед иконой и негромко начал молитву: «Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое...».

Пётр сидел, слушал, потом тоже встал и принялся креститься вслед за Семёном. Кажется, стало легче, и Семён открыл шкафчик.

– Наука, конечно, наукой, но не всё она может объяснить. Нечисто тут, Пётр, – повторил Семён, наливая рюмку. – Ведь Маргарита Ивановна, царство ей небесное, покоя ей желаю, грешна была. Нельзя духов тревожить и вызывать, как заблагорассудится, как будто слуги они. И ты, Пётр, извини, как малое дитё, туда пошёл по незнанию... Вот в деревне у нас дом сгорел с хозяевами вместе, а баня целая осталась. А перед этим собака лаяла, не как они на всех лают, а на дом – чуяла что-то. И кошка ушла. Неспроста это было – нечистая сила. Дом этот горелый отмаливал батюшка, а к бане, она в огороде стояла, и не подходил – может, торопился куда. И никто и близко туда не подходил, а потом, на Благовещение как раз, мужики пришлые, что в город на работу шли – так вот остановились вечером во дворе и баню затопили, а ночью шум там был, крики. А утром смотрят – а они все мёртвые лежат и следов нет никаких. Бесы-то из дома в баню переселились, вот и позабавились.

– А с баней что?

– С баней? Так и стояла, а после сжёг её кто-то.

Пётр слушал Семёна, а потом сказал:

– Я вину свою чувствую, Семён. Это я, как нечистая сила, тут появился, и всякое началось. Неслучайно это.

Семён взглянул на поникшего Петра.

– Брось, брат, какая твоя вина? Дарья же сказала, что бочкой её ударило – бочка упала! Ты же не по своей воле здесь появился, сам не ожидал. Это вот как раз нечистая сила тебя сюда подбросила. Тебе молиться надо за спасение.

– Зачем, Семён? Зачем? – пьяным голосом повторил Пётр, садясь на раскладушку. Глаза его закрылись, и он уснул.

Проснулся он рано, лежал и перебирал в уме всё случившееся. «Да, похоже, случайное только кажется случайным, а на самом деле всё имеет свои причины. И то, что он провалился сюда, в прошлое, было предопределено, нужно для чего-то, чего он не знает и, наверно, никогда не узнает. Кто же всё это решает? Кто может знать и предвидеть всю эту массу событий, кто этим оперирует? Не человек – это не в его силах. Компьютер? Суперкомпьютер? Но его тоже делают люди. Нет. Нет! Это кто-то верховный! Создатель, творец. Бог?»

А он, Пётр, просто участник, фигура в игре. Он должен был провалиться в прошлое, потерять браслет, встретить Владимира Петровича, прийти к Маргарите Ивановне. Всё было предопределено, и Лиза должна была чуть не убить своего жениха, и потом Владимир Петрович должен был пропасть без вести. Как и он сам пропал для Лены и ребят не по своей воле. Всё в руках тайных сил, добрых или недобрых. Это, наверно, чисто человеческое определение – добрые или злые силы. Резонанс и контррезонанс, баланс сил. На каждый плюс есть свой минус. Равновесие. И вот он каким-то непонятным ему до конца или совсем непонятным образом, интуитивно, нарушил этот баланс и провалился сюда, в прошлое. И мир не взорвался, не рассыпался, а просто впустил его для каких-то своих – неведомых ему – целей».

Ему стало жалко себя, Маргариту Ивановну, Владимира Петровича и почему-то особенно Лизу, хрупкую Лизу, которой некто определил такую жестокую роль. Очень жалко.

Он вытер слёзы и встал.

На следующий день Вера пригласила в дом батюшку. Батюшка пришёл, огляделся, взглянул осуждающе на портрет Маргариты Ивановны, ничего не сказал и долго ходил по комнатам с кадилом, и за ним тянулся успокаивающий запах ладана. Лиза дрожала и плакала, батюшка поговорил с ней и назначил ей на неделю прийти в храм.

Жизнь продолжалась. По воскресеньям Пётр с Семёном стали ходить на воскресные службы, и он как-то неожиданно для себя успокоился. Мария вскоре уехала, не сказав куда. Вера занялась шитьём, Лизавета пришла в себя и ей помогала.

Германская война закончилась, началась гражданская, а они с Семёном продолжали заниматься ремонтами.

Владимир Петрович

Солнце заливало тёплым жёлтым светом его комнату. Спешить было некуда, и он лежал, глядя на лёгкие белые облака в ярко-голубом небе. Всё хорошо. Всё вроде бы хорошо. Вот только сны тревожат... город где-то на Волге, и он – какой-то чиновник в управе до революции, немецкая кирха, и три сестры... Больше он ничего не помнил. Помнил только Тверь и что работал при церкви. Здесь же, в Калининне – тогда город Тверью назывался. Сны, сны... Обманы сознания, всё в тумане.

В его характере всегда была некоторая дотошность, стремление знать, разобраться и ещё расположенность к цифрам, подсчётам, и он курсы даже бухгалтерские кончил и работал при Троицкой церкви. И вот опять этот сон. Кто же он на самом деле? Кем он был? Калязин Владимир Петрович – так в паспорте у него написано. Почему не помнит, что было раньше? Что за шрамы у него на груди? Сорок лет прошло, а он так и не знает. Сорок лет назад отец Гавриил посмотрел на него внимательно, поговорил и велел ему молиться, не ворошить прошлое, и помог получить паспорт. Не помнит – значит так угодно Господу. Молись! Мало ли что – время-то лихое: война, революция. И сны...

Так он и жил эти годы. Незадолго до кончины отец Гавриил позвал его к себе в келью и сказал, что он, Владимир Петрович Калязин, ему как сын. И он молится за него ежедневно, и всегда желал ему спокойствия душевного, и рассказал, что через полгода после появления Владимира Петровича в церкви приезжала молодая женщина и спрашивала отца Гавриила – не здесь ли господин Григорьев Владимир Петрович. Вид у неё был болезненный и страдальческий, поставила свечку перед образом и стала молиться истово, как бы не в себе была.

– Ты тогда выздоравливать стал, помогал нам в церкви, и тут женщина эта. Помнишь, я тебе её показала, она молилась тогда. Ты сказал, что не знаешь её. И я боялся за тебя, за твоё здоровье, отпустил тебя по делам нашим. И грех на душу принял и не показал тебя, сказал, что ушёл ты в мир, уехал куда неведомо.

- А как её звали, батюшка?
- Мария, Мария Иванова. Знал ты такую?
- Не помню, батюшка! – ответил он тогда.
- Откуда она?
- Сказала – из Симбирска.

И вот отца Гавриила уже нет. А он, Владимир Петрович Калязин, теперь пенсионер и всё живёт, как во сне, и никто уже не отвращает его от поисков себя прошлого. Надо поехать, поехать в этот город. Хотя бы просто так, посмотреть. Наверно, это просто совпадения, всё это сон. Да что же это он за человек, себя не помнящий? Только сны, сны из прошлого. Над ними он не властен.

Значит – Симбирск.

Через два дня утром он вышел на небольшую привокзальную площадь в Ульяновске. Новый вокзал со шпилем и площадь, залитые майским солнцем, были ему незнакомы. Улыбчивый таксист на синей «Победе» вёз его по зелёным улицам к гостинице в центре. Город ему нравился.

Он долго ходил по центральным улицам и вдруг поймал себя на мысли, что ему легко и привычно.

Казалось, некоторые старые здания ему знакомы и в то же время были другими. Смущало, что не было церквей, как во снах. Но церкви, монастыри сносили по всей стране, в Твери тоже так было. Это он помнил.

Владимир Петрович заходил в старые здания, спрашивал, что там было раньше.

– Раньше? – переспрашивали его.

– Да, раньше, до революции? – говорил он. Люди удивлённо смотрели на него и посылали в музей. Он долго ходил по улицам, разглядывал старые дома, ничто в нём не откликнулось, и вдруг за памятником Карамзину, за кустами цветущей сирени увидел знакомые очертания здания. Владимир Петрович прошёл через сквер и... Да это же управа, где он и был чиновником во сне. Из раскрытых окон доносились звуки пианино. Музыкальное училище. А слева ещё памятная табличка: «Городская управа...».

На третий день в краеведческом музее на Венце, в экспозиции старого Симбирска он увидел фотографию. На старом, выцветшем снимке стояли, глядя на него, чиновники управы, и ему показалось, что многие ему знакомы, а главное – он узнал Димку, Дмитрия, своего приятеля. Тогда где же он сам? И он вдруг вспомнил, что опоздал тогда и его поставили в последнем ряду. Вот этот взъерошенный парень точно похож на него!

К вечеру он спускался вниз по улице Ленина мимо зелёного газона у немецкой кирхи. На углу стояла будка телефона-автомата, проехал, звеня на повороте, трамвай, и он увидел старое потемневшее дерево. На зазеленевшей листьями ветке, нахохлившись, сидела ворона. Сердце внезапно часто забило. Ворона посмотрела на него и отвернулась. Чёрная ворона из его снов. Ветер качнул ветку. Птица расправила крылья, тяжело поднялась и полетела вниз по улице, и Владимир Петрович ясно увидел белое перо на правом крыле. Та же ворона, только белое перо у прежней – из сна – было слева.

Ветер толкнул его в спину. Какая-то упругая тёплая волна охватила всё тело, и он вдруг почувствовал, что никакой он не бухгалтер на пенсии, а чиновник управы, идущий к своей невесте. Вокруг стояли старые деревянные дома, покрашенные выцветшей коричневой краской. Медленно, как будто его вели, он шёл и остановился перед старым деревянным домом с высокой облупленной дверью и свисающим сверху шнурком. Ветер стих. Владимир Петрович поднял внезапно отяжелевшую руку и потянул за шнурок.

– Тринь, тринь! – отозвался колокольчик. П слышались неторопливые шаркающие шаги и негромкий женский голос.

– Кто там?

– Извините, пожалуйста, здесь Петровы жили, как их найти? – спросил он.

Дверь открылась. Пожилая полная женщина в сиреновом халате смотрела на него из тёмного коридорчика.

– Ну я Петрова. А вы кто будете?

– Петрова? – удивлённо спросил он вдруг охрипшим голосом.

– Да, Петрова, Лизавета Васильевна.

– Лизавета? Правда Лизавета?

– Да, а в чём дело?
 – А вы давно здесь живёте?
 – Да как родилась, так и живу! А в чём дело-то?
 – Голос зазвучал раздражённо.
 – А сёстры у вас есть?
 – Есть. А вы-то кто будете?
 – Ох, извините! Я Калязин Владимир Петрович.
 – Он замешкался.

– Калязин? Не знаю такого! – Она пристально посмотрела на него, глаза её вдруг расширились, застыли, и как-то тихо прозвучало: – Заходите! Ветер сегодня.

Он вошёл, оглядываясь, в коридор. Велосипед, какие-то коробки, но коридор ему знаком.

– Вот направо у вас кухня была. А дальше гостиная.

– Да, а вы откуда знаете?

– Сам удивляюсь, я и не помню ничего, но вот зашёл и узнаю... А в гостиной у вас портреты на стенке висят.

– Ну да, они у всех висят в гостиных.

– Матушка там ваша, сейчас вспомню... Вспомнил! Маргарита Ивановна! Правильно?

– Да, Маргарита Ивановна. Откуда вы это знаете? – Женщина пристально смотрела ему в глаза.

– Не поверите, во сне видел, и не один раз. Прямо наваждение какое-то. Батюшка мне велел забыть, а мне снится...

– Так вы Владимир Петрович? Григорьев? – вдруг охрипшим голосом сказала Лизавета и быстро перекрестилась.

– Да, Владимир Петрович, но не Григорьев, а Калязин.

– Проходите в гостиную, чай поставлю.

Портреты висели на стене. Владимир Петрович подошёл ближе, Маргарита Ивановна, немного потускневшая, равнодушно смотрела перед собой. Рядом безучастно смотрел на него батюшка. По бокам висели фотографии.

– Вот и чай! – Лизавета Васильевна поставила чайник на стол. – Одну минуту, мужу позвоню, день рождения у него сегодня. Я пирогов напекла, ешьте... Он увидеть вас хотел, часто вспоминал, вы с ним знакомы давно. Неужели не помните? Ничего? – И она, как-то судорожно взглянув на него, торопливо вышла в соседнюю комнату. Владимир Петрович сидел оцепенев за столом и смотрел на портрет матушки. Краски на портрете, казалось, становились ярче.

– Вот и снова я! – неожиданно весело сказала, входя, Лизавета Васильевна. – А чай что не пьёте? Чай-то ханский!

– Ханский? Где-то я это слышал... Ханский? Так это же – китайский!

– Ну да! Только теперь он хуже стал. Вы вот здесь и сидели – и чай пили, и пироги ели.

– Дарья готовила, правильно? Так это было? Когда? Когда это было? – как-то торопясь, заговорил Владимир Петрович.

– Да уж сорок лет прошло. Вы ещё на мне жениться хотели! Лучше дальше не вспоминать, меня до сих пор трясёт, – сказала Лизавета Васильевна, вытирая рукой глаза.

И Владимир Петрович увидел родинку на запястье.

– Правда? Я не помню ничего.

– Как же вы не помните? – вдруг взволнованно заговорила Лизавета Васильевна. – Где кухня была – помните, матушку помните, портреты! И конфеты ещё принесли. А говорите, что не помните! А вот на стенке посмотрите фотографию! Кто это там?

И правда, на стене справа от портрета матушки висела старая выцветшая фотография, и с каким-то удивлением и ужасом Владимир Петрович увидел молодого и очень похожего на него человека, в том же тёмном сюртуке, как и на фотографии в музее. Внизу было выведено ровными каллиграфическими буквами «Владимир Петрович Григорьев».

– А вот ещё посмотрите! – Лизавета Васильевна открыла ящик у столика и вынула аккуратно сложенный носовой платок. – Берите! Это я ведь вам вышивала!

Он осторожно развернул платок и увидел вышитые синие цветочки и инициалы в углу – «В.П.».

– А что же мне тогда не подарили? – тихо спросил Владимир.

– Не помните ничего?! А я ведь вас любила! И матушка была не против. Духов вызывала, спрашивала. Правильно Вера против матушкиных увлечений была, нельзя так. Вот весь ужас и случился! Я себя не защищаю, что я? Девчонка была влюблённая, а вы ещё при всех Маше в любви признались! Каково мне было это слышать? За что так со мной? И буря была, думала – конец света, духи мстят за то, что их тревожили!.. Так вы правда не помните? – Лизавета Васильевна заплакала.

Что-то забрезжило в его сознании: какие-то обрывки разговоров, пронзительные глаза матушки, стол... – и всё.

– Не помню, извините.

С улицы послышались торопливые шаги, дверь открылась, и вошёл ещё крепкий седой мужчина, в бежевой куртке на молнии, примерно одних лет с ним.

– Ну и ветрище сегодня! Прямо буря! А с утра ясно было! Здравствуйте, Владимир Петрович! – улыбаясь, заговорил мужчина. – Узнаёте меня? Я Пётр Иванович, из Петербурга!

– Не помню... – озадаченно произнёс Владимир Петрович. – С днём рождения Вас!

– Спасибо. Да, да! Тогда я моложе был, и вы тоже! Сейчас вместе вспомним! – как-то радостно сказал Пётр Иванович.

– Давно мы не виделись. Когда это было? Август 1915-го... – Он вздохнул и покачал головой. – Сорок лет прошло... целая жизнь. А я вас искал... Где же вы были? А, погодите! Давайте за встречу! У меня настойка есть, по матушкиному рецепту. – И он повёл глазами в сторону портрета.

Владимир Петрович взглянул на портрет, и ему показалось, что краски стали ещё ярче и глаза матушки внимательно осматривают гостиную. Он быстро перекрестился.

– Вот и тогда вы крестились, Владимир Петрович. Помните? – сказала Лизавета Васильевна.

– Сейчас, сейчас, подождите. Вот и наливка! Я так рад, что вы пришли! Лиза, а торт у нас был в холодильнике?! – Пётр Иванович уже наполнял рюмки. – Давайте за встречу!

Они чокнулись. Вкус настойки был приятный и неожиданно странный.

– Лиза! Покажи гостю фотографии старые!

Лизвета Васильевна тяжело поднялась и прошла в соседнюю комнату.

– Всё как-то удивительно, Пётр Иванович, но я вот знаю, что это за комната!

– И что же? – заинтересованно спросил Пётр Иванович.

– Матушкина комната. – И он быстро взглянул на портрет. Маргарита Ивановна внимательно смотрела на него, и батюшка тоже, казалось, очнулся от сна.

– Владимир Петрович, bravo! Вот и память к вам возвращается. Давайте ещё по одной!

– И мне тоже! – Лиза протянула пустую рюмку.

– Лиза, может, не надо? Опять плохо будет! – забеспокоился Пётр Иванович.

– Нет, я хочу выпить с Владимиром Петровичем. Такой случай! – И она наполнила рюмку.

Они выпили ещё. Владимир сидел охваченный приятным теплом, рассматривал старые фотографии и ждал. Казалось, что вот-вот всё разъяснится, всё откроется и он узнает – кто же он.

– Владимир Петрович, а вот давайте вспомним, как мы с вами встретились! – Голос Петра Ивановича звучал отстраненно, как бы издалека.

– Как встретились? – растерянно повторил Владимир и взглянул на портреты. Всё вдруг потемнело, за окном повисла тёмная, почти чёрная туча.

– Да что это сегодня за погода! – раздражённо произнесла Лизвета Васильевна и включила свет.

– Что это со мной? Ведь я, кажется, вспоминаю! И почему-то не хочу вспоминать! Не надо мне больше пить! – вдруг заволновался Владимир. – Дрожь какая-то! Всё странно... Родинка у вас на запястье, помню.

– Помните? А замуж меня взять хотели, говорили, что я у вас единственная! Вот же я на фотографии с вами! – почти выкрикнула Лизвета.

– Лиза, успокойся, что было, то было, всё уже в прошлом! – привстал со стула Пётр Иванович. – Хватит! Больше не пей! Нельзя тебе пить! Успокойся... сегодня, в конце концов, мой день рождения!

– А мы, Владимир Петрович, давайте вспомним с вами вместе. Вот расскажите нам, как вы сюда пришли в первый раз.

– Как? Димка из соседнего отдела меня позвал, и мы пришли на сеанс матушкин.

– Да, да! Дмитрий Юрьевич Зеленов, из отдела учёта.

– Точно! Вспомнил! Рядом со мной работал. А вы откуда знаете?

– Так я же вас искал! А вы где были-то?

И Владимир Петрович, запинаясь, рассказал, что вдруг очнулся уже в монастыре, в Твери, и что было потом.

Лиза сидела отвернувшись, вытирая глаза платком. Пётр Иванович доброжелательно улыбался и слушал.

– Ну ладно, это понятно, – сказал он. – А вы расскажите, как зимой сюда пришли.

– Зимой? – с удивлением спросил Владимир Петрович.

– Да, да! 11 декабря 1915 года. Помните?

– Помню! – удивившись самому себе, проговорил Владимир Петрович.

– Продолжайте, продолжайте, всё-всё говорите! Вот вы вышли из управы, дальше что? Всё подробно!

– Я вышел, конфеты у меня ещё были для Лизы.

– Георг Ландрин... – глухим голосом произнесла Лиза,

– Лиза! Подожди! – недовольно остановил её Пётр Иванович.

Лиза встала из-за стола и подошла к окну с фикусом в кадке.

– Дальше, Владимир Петрович, что дальше? Вы вышли с конфетами...

– Да. Тепло было, снег вокруг. И тротуар занесло, скользко, помню...

– Это я знаю. А дальше что?

– Ворона большая... на меня летела, я пригнулся, а она выхватила из снега какой-то браслет и... – Владимир вдруг увидел всё ярко и замолчал.

– И что? – спросил напряжённо Пётр Иванович.

– И улетела.

– Улетела?! – разочарованно вскрикнул Пётр Иванович.

– Да...

Владимир поднял голову и взглянул на Петра Ивановича. Тот с несчастным лицом сидел перед ним, сжавшись, опустив глаза в пол, повторяя про себя: «Всё зря, всё зря!».

– А... вот вы о какой вороне мне говорили! – Лиза повернулась к Владимиру Петровичу.

– Да, – удивлённо произнёс он, – говорил.

– Погодите, погодите! – вдруг оживился Пётр Иванович, глаза его заблестели. – Давайте же за стол! Лизочка! Торт нарежь, пожалуйста! Владимир Петрович, ещё по рюмочке? Давайте, давайте! Сейчас всё вспомним!

– А вы-то кто будете, Пётр Иванович? Вы же из Петербурга тогда были?

– Кто? Да это и неважно совсем. Важно вам память восстановить, помочь вспомнить.

– Да как-то вы очень заинтересованы, странно это... – тихо произнёс Владимир Петрович.

– Лиза, так что он говорил про ворону?

– Да то, что второй раз её у нас во дворе видел на сарае. Что эта ворона вам сдалась?

– Да, видел, с белым пером на крыле, вспомнил сейчас! – неожиданно взволнованно сказал Владимир.

– Ворона! Ворона на сарае! Как я не догадался! – вдруг радостно воскликнул Пётр Иванович. – Сейчас, сейчас! Я быстро! – И выбежал во двор.

– Куда это он? – удивился Владимир Петрович.

– А, не всё ли равно? Вот лучше скажите мне, вы меня-то тогда любили? – Лизвета повернула заплаканное лицо к Владимиру.

– Вас? – переспросил он, снова посмотрел на Лизвету Васильевну и вдруг вспомнил прежнюю Марию, Машу, подрагивающий чёрный завиток на виске, яркие глаза, смотрящие на него с любовью, её смех. Всё вдруг стало складываться, и показалось, что всё разъяснится, и едва дыша, он спросил: – А где Маша?

– Вам Маша нравилась, вы её любили! – глухо и ожесточённо произнесла Лизвета, глядя в сторону и подняв руку с платком к лицу. На запястье он снова увидел родинку.

– Нашёл! Нашёл! – послышался радостный крик

Петра Ивановича, потом треск и громкий звук падения чего-то тяжёлого во дворе. Дом вздрогнул. Форточка на кухне резко хлопнула, и раздался острый звон разбившегося стекла. Ветер влетел в дом. Свет заморгал и погас.

Владимир Петрович и Лиза застыли за столом. Время как будто замерло, а потом провалилось вниз... полутёмная комната, свечи, неясные фигуры за столом... Его взгляд метнулся и остановился на портрете матушки. Краски сияли, глаза матушки вздрогнули, казалось, вдруг округлились от ужаса, лицо её двинулось в сторону вместе с падающим портретом, задевшим портрет батюшки, и они упали вместе на пол. Следом полетели вниз фотографии, поворачиваясь в воздухе. Он увидел себя в сюртуке, каллиграфическую надпись «Владимир Петрович Григорьев» – и всё вспомнил: Машу, улыбающуюся ему, завиток на виске, Веру с книгой в кресле, Лизу у окна, себя... Фотография, казалось, повисла в воздухе, потом плавно перевернулась и медленно опустилась на пол...

А Пётр Иванович, крихт, поднялся с земли. Рядом лежали сломанная лестница и старая бочка, уткнувшаяся в стену дома.

– Ведь хотел же починить лестницу, что ж не сделал? Тоже мне мастер! Да купил бы просто новую, вот и всё! Браслет! Где браслет?

Он лихорадочно зашарил поцарапанными руками по траве.

– Сейчас, сейчас, где же он? Только что браслет был у него в руках, и вдруг его нет! Сорок лет! Сорок лет он его искал! О! Вот оно – счастье! Вот он!

Пётр Иванович дрожащими руками поднял тускло блестящий браслет с какими-то цифрами, выемками и выпуклостями, осторожно протёр его и вдруг услышал шум падения чего-то в доме.

– Да что там? Лиза! Что случилось? Опять? – Прихрамывая, он вбежал в дом. Всё было тихо. Владимир Петрович сидел полужёла в кресле. Глаза его были закрыты.

– Лиза! Ты где? Что с тобой? – закричал Пётр Иванович и увидел на полу Лизу, лежащую возле кадки с фикусом, и столовый нож, выпавший из руки. Дыхание было еле заметно.

– Жива, жива! Слава богу! Это ничего – бочка просто упала!

Рядом в кресле зашевелился Владимир Петрович.

– Всё повторяется... Всё повторяется, – прошептал он и снова затих.

Пётр Иванович осторожно уложил Лизу на диван. Веки её дрогнули, она открыла глаза и спросила: «Что случилось?».

– Слава богу! Всё нормально! Все живы. Ветер какой! Бочка просто упала, и я с лестницы... просто бочка, – обрадованно повторял Пётр Иванович. – Как вы, Владимир Петрович?

– Знаете, я всё вспомнил! Лиза, как ты? А где Маша?

– В монастыре ваша Маша, в Ярославле. Она вас найти не могла. И Вера там.

И тут Пётр Иванович почувствовал вибрацию, знакомую усиливающуюся вибрацию в пульте.

– Сейчас, сейчас, одну минуту! – И он с подрагивающим пультом в руке, торопясь и хромя, с трудом открыл дверь и вышел во двор. Порывы ветра пригнали кусты и деревья. Пульт включили отсюда – наверно, из лаборатории, скоро будет вызов! Внезапная радость охватила его. Вот и случилось! Его не забыли. Лена, ребята. В его день рождения! Сорок лет он ждал вызова, жизнь прошла вдали от дома. Домой! Домой! Что там? Кого он увидит? Узнает ли их? Узнают ли они его?.. Мысли лихорадочно металлись в его голове. Да есть ли эти ребята, живы ли? А Лена? Может, это всё сон? Не сон, наверно, не может быть сон... Скоро он вернётся... Куда? Куда он вернётся? Домой? А есть ли дом? Остался ли он? И кем он там будет? Экспонатом, отставшим от своего времени, нарушившим кодекс. Вся жизнь здесь прошла! Семён... да, Семён! Забыл ведь лекарство ему купить! И Лиза – она же пропадёт без него, кто будет за ней ухаживать... И стекло в форточку надо вставить.

Он посмотрел на бочку, уткнувшуюся в дом, откатил её в сторону и тяжело опустился на скамейку. Пульт засветился красным. Вызов! Пётр Иванович вздохнул, взглянул на разросшуюся вишню, цветы, посаженные Лизой, и медленно набрал отбой. Вибрации прекратились, и красный свет исчез. Ветер стих.

Рисунки Льва Нецветаева

Наша справка.

Борис Александрович Улендеев родился в 1945 году. Ранние годы прошли в Иваново, а до конца 50-х жил в Китае, в Пекине (куда отец был назначен советником по сельскому хозяйству). Потом семья переехала в Ульяновск. Учился в школах №3 и №2. С конца 60-х входил в группу «чугунчиков», любителей неофициальной музыки, собиравшихся на улице Гончарова в сквере с чугунными решётками (отсюда и название). Написал цикл стихов об этом периоде. Учился в пединституте, изучал языки, литературу (даже поработал переводчиком во Франции). Занимался предпринимательством. В журнале печатается впервые. Живет в Ульяновске.

*Валерий ГАНСКИЙ, поэт, прозаик, краевед. Член Союза журналистов России.
Живет в г. Саратове*

БУРЛАК НА ВОЛГЕ

Несправедливо забыт выдающийся актер Василий Николаевич Андреев-Бурлак, чье имя, по словам современников, в 70-80-х годах девятнадцатого века «буквально гремело, несмотря на сравнительно короткую жизнь, и служило синонимом гениальности много лет спустя после его смерти». Архивы Саратова хранят память об Андрееве-Бурлаке.

Впервые с восьмилетним мальчиком Васей познакомился наш выдающийся земляк Н.Г. Чернышевский, когда в 1851 году после окончания университета он ехал домой вместе с публицистом и поэтом Д.И. Минаевым и Н.А. Гончаровым, братом известного писателя, педагогом симбирской гимназии. На несколько дней он остановился в Симбирске – городе семи ветров. Вместе они жили у друга Минаева Н.Е. Андреева, отца В.Н. Андреева-Бурлака. Чернышевский записывал в своем дневнике: «Вечером долго сидели, слушая рассказы Николая Ефимовича о Симбирске». Николай Гаврилович оставил описание Н.Е. Андреева, «человека маленького, худого, истощенного, с петербургским цветом лица».

В подвале дома гимназического пансиона, где учился Вася Андреев, когда-то содержался попавший в руки царских чиновников Емельян Пугачев. Среди педагогов гимназии выделялся преподаватель русского языка Н.А. Гончаров.

После окончания гимназии Василий Николаевич, как и многие из рода Андреевых, поступил в Казанский университет вольнослушателем. Позже он принял неожиданное решение – покинув университет, поступил помощником капитана на один из частных волжских пароходов. А через год становится капитаном. Зорко присматривается молодой капитан к пароходной жизни, к разнообразным волжским типам, запоминает характерные поговорки, прибаутки, прислушивается к различным говорам. Здесь, на речных волжских просторах во-

очию встают резкие контрасты нищеты и богатства. Бывший студент, променявший университетские аудитории на капитанский мостик парохода «Бурлак», стал остроумно поддевать обывателей в живых, дышащих своеобразным юмором рассказах. Позже некоторые из них были опубликованы в сборнике «На Волге». Андреев не придавал большого значения своим рассказам. Литературный труд был для него делом второстепенным, хотя его известность как рассказчика-импровизатора ходила по всей Волге раньше, чем он стал актером.

По версии В.А. Гиляровского, В.Н. Андреев начал свою театральную карьеру в Саратове. Вот как это было по рассказу самого Андреева-Бурлака в интерпретации Гиляровского: «Вез я как-то из Нижнего с ярмарки купцов. Конечно, пили в дороге зло. Один из купцов, самарский богач, мужчина здоровейший, начал бить посуду и баянить... Спустился я с мостика, отворил дверь да как крикну: Пожар! Спасайся кто может! Скандалист бросился наверх, сокрушая все на своем пути. На другое утро купчина за чаем обратился ко мне: «Ну, Василий Николаевич, отчего это ты зря на пароходе пропадаешь. Ведь какой бы из тебя актер вышел! Я в самом деле думал, что пожар. Как глянул тебе в глаза, так и хмель выскочил». Послушал я пассажира, поехал в Саратов да на литературном вечере и рассказал этот случай с пожаром. Успех – огромный! Не будь пьяного купца, командовал бы пароходом». Так, шутя, начал свою карьеру Василий Николаевич Андреев-Бурлак», – заключает Гиляровский.

Андреев поступает в труппу симбирского театра, где встречается с юной Пелагеей Стрепетовой, уже одержавшей первые сценические победы в Саратове, и приехавшим из Москвы Модестом Писаревым. «Писарев и Андреев быстро сошлись и стали большими друзьями, – позже вспоминала П.А. Стрепетова, – Андреев, остроумный, веселый, тонкий наблюдатель, интересный собеседник, – стал общим любимцем труппы».

В Симбирске актер берет сценический псевдоним Андреев-Бурлак, прибавив к своей фамилии название парохода, на котором служил капитаном, а окружающие стали называть его просто Бурлаком. Так он и подписывался в письмах. И начались скитания по провинциальным театрам. Служивший с ним в Саратове в 1877 году знаменитый впоследствии В.Н. Давыдов вспоминал: «Андреев-Бурлак в то время серьезных ролей не создавал. Человек в высшей степени одаренный, ролей никогда не знал, и только его громадная находчивость да большой сценический опыт выручали из беды. Но надо отдать справедливость Бурлаку: импровизатор он был замечательный».

Уже зрелым мастером Андреев-Бурлак будет представлять молодых артистов: «Актер является посредником между толпой и автором. Материалом

Василий Андреев-Бурлак

служит его душа, а средствами – внешние его органы. Он должен отрешиться от самого себя, забыть привычки, изменить манеры, жесты. Он должен в своем голосе найти струны для выражения чужих страстей, чужих страданий». Возможно, Давыдов ошибался, потому что образ Счастливецва в классической комедии А.Н. Островского «Лес» стал впоследствии коронным в репертуаре Бурлака. «Лес» принес ему успех и в Саратове. В саратовском театре спектакль был поставлен 17 апреля 1877 года для прощания местной публики с известным провинциальным трагиком А.К. Любским, исполнявшим роль Несчастливецва. Спектакль был особо отмечен саратовской прессой. Писарев вспоминал: «После спектакля «Лес» Островский, благодаря Бурлаку за исполнение, повторил: «З-замечательно. Только

знаете, что? Я эт-того н-никогда н-не писал... Но з-замечательно!».

Почти десять лет Андреев-Бурлак кочевал по провинции из театра в театр. Известно, что он много пил перед спектаклями – то ли от волнения, то ли от неуверенности в себе. Между тем в 1880 году открылся первый частный театр в Москве. В труппу вошли Стрепетова, Андреев-Бурлак, Писарев. За ужином жизнерадостный, остроумный Бурлак рассказывал анекдоты, копировал известных литераторов и актеров. Поэт Минаев в газете «Московский телеграф» напечатал экспромт: «Москва славна Тверскою... и нижнею губою актера Бурлака». Современники писали, что он все роли может играть с помощью нижней губы и указательного пальца.

Бурлак получил возможность удовлетворить свое давнишнее стремление к режиссерской работе. Режиссуры в современном понимании тогда не было. Режиссер в основном выполнял организационную и техническую функции. О трактовке ролей и общей идее спектакля актеры договаривались между собой, поэтому режиссерская работа, которой занялся Бурлак, воспринималась окружающими как подлинное новаторство. Актеров вначале знакомили с пьесой в целом. Потом Бурлак проводил беседы, объясняя замысел драматурга, характеры действующих лиц, их взаимоотношения. Раздавались роли, начинались читки за столом. Затем шли репетиции уже на сцене, устанавливались мизансцены. Когда черновой рисунок спектакля начинал ясно проступать, переходили к третьим репетициям, уже не прибегая к помощи тетрадок. Актеры должны были знать текст наизусть, не полагаясь на подсказку суфлера. И только достаточно проработав пьесу, выяснив все детали, приступали к генеральным репетициям. Создание художественно цельных спектаклей Андреевым-Бурлаком началось задолго до Ленского, Станиславского и Немировича-Данченко. Вместе с Писемским Бурлак создал «Первое товарищество русских драматических актеров», в которое вошли Горин-Горяинов, Шумилин, Гиляровский,

Свободина-Барышева, Глама-Мещерская, Варламов и другие. Маршрут, предложенный Бурлаком, – города Поволжья и Дона. Гиляровский, посланный в качестве «передового», законтрактровал на выгодных условиях ряд театров. Декорации и бутафорию специально везли из Москвы, чтобы каждый спектакль показать провинциальному зрителю в наилучшем художественном воплощении.

Восторженно принимают Андреева-Бурлака на Волге. Горин-Горяинов вспоминал, что ни до Бурлака, ни после него ни одному артисту не удалось добиться в приволжских городах такой огромной славы и горячего, единодушного признания. Он был своим народным артистом. Самара, Саратов, Астрахань... – там Товарищество актеров ждал подлинный триумф. «Колыбель истинных дарований – это провинция», – любил повторять Бурлак. «Гордость русского театра, артистический гений, пред которым преклоняется вся Россия», – писали о нем в газетах.

Но были и другие мнения против необходимости театральной школы и против Андреева-Бурлака как ее проповедника. «Этот дон Сезар де Базан

русской сцены, без коньяка никогда не игравший», – писал о нем провинциальный трагик Н.П. Россов. Трагедия Бурлака была в том, что он на исходе своих физических сил не мог воспользоваться собственной строго продуманной системой – он как бы завещал ее другим. Этим другим стал Константин Сергеевич Станиславский. Лев Толстой восхищался Бурлаком: «Ах, как я любил рассказы актера Андреева-Бурлака! Вот истинный талант! Простота-то какая!». И актер отвечал писателю той же любовью: «Дорогой Лев Николаевич, приехал я из Саратова больной. Вас хочется повидать, а профессор Остроумов приказал сидеть дома. Если будете в наших краях, заходите, очень утешите больного Бурлака». Умер актер в мае 1888 года в Казани. Ему едва исполнилось сорок пять лет. Актер, режиссер, импровизатор, писатель, рисовальщик – все соединил в себе Бурлак.

P. S. Автор известной картины «Бурлаки на Волге» И.Е. Репин запечатлел актера Бурлака в роли Поприщина в «Записках сумасшедшего» Н.В. Гоголя.

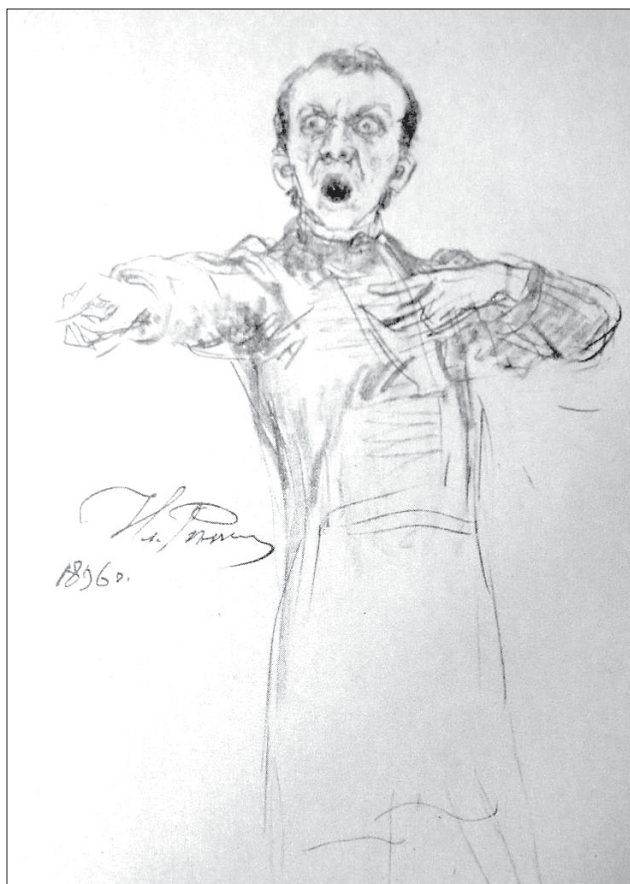

Рисунок Ильи Репина

Анна и Константин СМОРОДИНЫ

Константин СМОРОДИН родился в 1961 году. Поэт, писатель, драматург. Член Союза писателей России. Главный редактор журнала «Странник». Живёт в Саранске.

Анна СМОРОДИНА (14.10.1962 - 31.10.2012). Прозаик, поэт, драматург. Член Союза писателей России. В соавторстве с Константином Смородиным выпустила ряд книг прозы и пьес. Стояла у истоков создания молодежного журнала «Странник» (Саранск).

ПОСЛЕДНЯЯ ИДИОТКА

Пьеса-перекресток

Картина первая

Действующие лица:

Писательница.
Элла Петровна.
Юноша.

На сцене почти пусто. Это комната. Простой стол, два стула. На заднем плане во время действия идет видеоряд: улица и люди улицы. Впечатление жизни, которая вошла внутрь стен, и живет здесь на равных с хозяйкой комнаты, пожилой Писательницей. Видеоряд черно-белый, как бы в стиле ретро. Мелькает изображение Юноши, сидящего на парапете. Рядом стоят костыли. Он просит милостыню. Толпа обтекает его, закрывает. Лица толпы. Экран пригасает.

Писательница. А я с детства во сне летаю. Ни с чем сравнить не могу. Радость такая, восторг. Сны-картины, яркие, насыщенные. У мамы моей тоже были такие видения. Когда разлука случалась, она вроде и не скучала. Говорила: «Я тебя так ярко видела, ты в комнату вошла, разговаривала со мной». И у меня теперь так же.

Стучат. В комнате появляется вторая женщина, это Элла Петровна – за пятьдесят, крупная, статная. Беседа идет как бы параллельно, отстраненно, немного о разном.

Элла Петровна. Я же говорю: у вас способности явные. Агни-йогу изучать надо. Я принесу вам первый том.

Писательница (ласково). Ах, Элла Петровна, я вашу царственную фигуру в окошечко приметила. (В сторону.) Подруга моя. Пришла ко мне в литобъединение. Бывший инженер и математик.

Элла Петровна. Цифры свои любила – жуть! А к старости прорвало: и стихи, и сказочки. Взрослые дети в шоке. Уж сыну я стесняюсь сказать, а невестке говорю: давай стихи почитаю. А она мне: если я захочу стихов, то возьму Пушкина. И смех и грех. Не хотят замечать. Стыдятся – мать одурела.

Писательница. Сказочки про вещи пишет. Про карандаш и бумагу, например.

Элла Петровна. В следующий раз я про шкаф и табуретку принесу. Они у меня сами в голо-

ве разговаривают. И до того поучительно! Так что литобъединение наше просто отдушина для меня.

Писательница (в сторону). Вам неинтересно про табуретку? И мне – неинтересно. Мне про людей интересно. И Элла Петровна эта тоже интересна. Еще с детьми всегда интересно. А вот с молодыми писателями – скучно. Они, во-первых, крокодилов напоминают – столько от жизни хотят и такие жадные, а во-вторых, – павлинов. И потом они все «нетленку» пишут, на века. А я что? Я – литератор. Детская писательница. Я понимаю, что не на века. Спасибо, если на сейчас сгожусь.

Элла Петровна. А я сегодня такие мудрые мысли вычитала. О беспредельном. И о растворении человека в этом беспредельном. (С нажимом.) Вы обязательно должны прочесть. Просто как культурный человек.

Писательница. Как культурный, я читала, а в веру эту обращаться не хочу. Не агитируйте меня, Элла Петровна! (В сторону.) Удивительно мне! Все хотят меня приобщить. Элла Петровна – в агни-йогу. Есть и церковная знакомая. Живет, как правильно. Смотрю на нее – изменилась она в церкви. Закаменела как-то изнутри. Тон такой – поучающий, и жестко так: «Это вам за грехи!.. Вам надо то-то и то-то...». Не нравится мне эта фраза «вам надо». И света от нее не видно, от этой женщины, и тепла нет. Холодно рядом с ней. Не хочется с ней быть. И уж впрямь, коли свободна я изнутри, зачем же «надо» говорить и свободу убивать? Дайте самой решить. Я сама хочу... Сначала думала – со своим поколением останусь. Будем уж все мы – советские, нецерковные, некрещенные. Чтоб не притворяться. Бог ведь сам видит, как мы жили – и война, и голод, и труда столько, и сил, и радости, конечно, и горя... А теперь вижу – все сами по себе. Чем ближе к смерти – тем одиночей. Решать надо. Другая моя подруга детства, та – к баптистам. Вот где тепло на собраниях, душевно... А по мне – так слишком сладко что-то, ненатурально. И все тянут меня, раздирают: давай, давай, надо. Нет, не надо. Не надо торопиться. Пусть оно само созреет. Я ведь жизнь уже до краев полна. Я ужасно много накопила. И мне этот груз душевный нести тяжело. Кому я его отдам, кому поручу? И другим ведь тяжело. И страшно. Страх смерти гонит.

Элла Петровна. А я смерти не боюсь. Ну и что? Душа от тела отделяется. И я сразу полечу Пизанскую башню смотреть.

П и с а т е л ь н и ц а. Вы бредите, Элла Петровна. Такое таинство – смерть и так непонятно всё за чертой, за гранью, а вы – башню смотреть. При чем здесь башня?

Э л л а П е т р о в н а (*убежденно и горячо*). Потому что я всю жизнь мечтала побывать и посмотреть. А еще пирамиды египетские. Сфинксов хочу повидать. Должна же у меня душа отдохнуть, проветриться от этой жизни и от этой несовершенной оболочки.

П и с а т е л ь н и ц а. Прямо как в турпоездку. По странам и континентам. Тело – оболочка! Тело несовершенно. Его, по-моему, тоже ужасно жалко. Вот эти руки-ноги в прах рассыплются! У меня бабушка умирала, ручки свои обцеловала, приговаривая: «Спасибо, золотые, что столько работы переработали». И я так понимаю. Спасибо тебе, мое тело, что столько вынесло и послужило мне. И вовсе не оболочка никакая глупая, а образ мой. Бабушка моя акушеркой была. Исходила сколько по деревням, роды принимая. А мама медсестрой в госпитале работала во время войны. Это у меня от них, тоже жажду – помогать, отдавать, облегчать. Пусть маленькое дело, пусть крошечное, но хоть в чем-то помочь. А я вот филолог, пишу для детей. Помню так хорошо, как сама девочкой была, и обиды свои горькие, горчайшие, и первую любовь... Ох, страдала-перестрадала. И такая я старая, старая... Вроде уж заранее знаю, что дальше будет. Вроде прокрут какой-то пошел, повтор. Людей чувствую, болею ими, будто со мной это происходит. Вот – девочка-девятиклассница с крыши соседнего дома бросилась. Господи! Умираю в душе моей за нее.

Э л л а П е т р о в н а. А нельзя так переживать! Во-первых, карма у всех своя. Может, они за прошлые жизни отвечают. И сами свой путь выбрали. Сами значит виноваты.

П и с а т е л ь н и ц а. Да ведь не табуретки мы и не шкафы, Элла Петровна, дорогая. Не деревяшки бесчувственные. А дети? Тоже виноваты? И в карму никакую не верю – колесо мертвое. А жизнь – живая, живая, единственная, прекрасная и горькая. Не сто жизней. Одна. А если карма – ничто не стоит ни переживаний, ни сердца, ничего. Удивления перед миром нет тогда никакого. А он – удивительный. Да вы посмотрите!

Всё внимание на видеоряд. Крупные планы – лица «уличных» людей. Среди них – нищий с гармошкой, наяривает «Прощание славянки».

П и с а т е л ь н и ц а. Я ему всегда подаю. Он на ступеньках нашего гастронома сидит. Завсегда-тай. Кладешь монетку, а он отзывается: «Ах ты, княгиня моя марсианская!» И для меня специально – «Прощание славянки». Меня до слез пробирает. Вся жизнь – в этом. Сколько судеб перемолото, сколько горя. И сколько величия, сколько торжества пережили мы вместе с этой Победой.

Э л л а П е т р о в н а. Я нищим никогда не подаю. Принципиально.

П и с а т е л ь н и ц а. Конечно – алкоголики и сами виноваты. А еще у них коттеджи за городом, и доход выше, чем у нас.

Э л л а П е т р о в н а. Чистая правда!

На экране появляется женщина.

П и с а т е л ь н и ц а. Не знаю. Мама мне всегда говорила: «Лучше подать, чем просить. Если есть в кошельке – подай». А это вот – почтальонша наша. (*Указывая на экран.*) У нее дочка больная, заторможенная. А всё-таки она старается приучать ее к работе, и девочка ей всё время помогает – любит сумку почтальонскую таскать.

Э л л а П е т р о в н а. Откуда вы знаете?

П и с а т е л ь н и ц а. Спрашиваю. А теперь уж мы знакомы, здороваемся. Я у нее газеты покупаю и дочке на шоколадку даю, когда есть, конечно, в кошельке.

В уличной толпе крупно – седая, улыбчивая ста-рушка.

П и с а т е л ь н и ц а. А это (кивает в ее сторону) – кошатница наша. Виктория Михайловна. Одинокая, но всё зверье, все коты и собаки – ее подопечные. Всю пенсию на рыбу тратит. Выйдет во двор – сбегаются из всех подворотен и подвалов. Улыбается всегда, встретишь её – отраднo.

Э л л а П е т р о в н а. У меня такое впечатление, что мы в разных городах живем.

П и с а т е л ь н и ц а (*в сторону*). И у меня такое впечатление бывает. Принесет молодой автор рукопись, а я его героев не понимаю. Спрашиваю частенько: «Вы сами таких железобетонных людей встречали? Вы бы им слабину, слабину человеческую дали. Как же вы сосуществуете с этими героями?» Смотрят недоуменно, не понимают... А людей ведь вокруг – море. Каждый – со своей судьбой, простых не бывает. Начну жаловаться, ныть и вдруг – бац! Опомнись. А другие-то как живут? Как выносят? Как справляются? Обличают меня люди всё время. Страдать заставляют.

Э л л а П е т р о в н а. Ну, знаете, вы прямо удовольствие какое-то от страданий получаете. Если вам так нравится – страдайте.

П и с а т е л ь н и ц а. Не знаю, зачем я всё время думаю об этом. Не знаю, как другие ухитряются не замечать, проходят мимо. Как у них нервы выдерживают. Но я ужасно часто ругаю себя, что не могу преодолеть внутренний барьер, сделать шаг и хотя бы спросить: что с вами и чем помочь. Впрочем, хватит об этом.

Видеоряд гаснет. В комнате включают настольную лампу, становится уютно.

Э л л а П е т р о в н а. На днях я заходила в юношескую библиотеку. Там мне сообщили изумительный факт: за последний месяц у них украли книгу Шекспира и две ваши!

П и с а т е л ь н и ц а (*смеется*). Забавно. Ну вот, а то всё «на века, на века». Я Шекспира обставила. Два к одному.

Э л л а П е т р о в н а. Посоветуйте мне как литератор литератору. Какие сюжеты предпочтительней – выдуманные или взятые из жизни?

П и с а т е л ь н и ц а. Я исхожу только из своего опыта. Конечно, жизненные. Жизнь так закрутит сюжет – никакому выдумщику не угнаться. Но только я придумываю не то чтобы счастливый конец, а такой – лучик света обязательно. Надежду. Чтоб что-то такое сияло впереди, в конце тоннеля. И обещало, и звало. Потому что, по-моему, писатель не имеет права добивать читателя. Вот и всё.

Э л л а П е т р о в н а. Выходит, правда жизни – побок.

П и с а т е л ь н и ц а. Просто, если ты видишь всё в черном цвете, значит, ты чего-то не понял. Значит – ты еще слеп. Мне так кажется во всяком случае.

Э л л а П е т р о в н а. Мне давно пора. Вы помните, что завтра Мишина годовщина? И хоть мне претит бывать на кладбищах – там дурная энергия, – но всё же, чтоб не выпасть из коллектива, я приду. Мы договорились с членами литобъединения, что каждый принесет по красной розе. Помните Мишино сорокалетие? Сорок роз! Почтим первую годовщину.

В то время, как она говорит, возникает изображение: Миша в инвалидной коляске торгует газетами на улице. Наплывают какие-то люди, чьи-то руки с розами. Миша – дома, в скрюченных руках блокнот и ручка. Траурная процессия. Вдалеке, впереди гроб. Могилка с крестом. На кресте – круглый веночек. Близко надпись: Михаил.

П и с а т е л ь н и ц а. Год прошел?.. Я согласна. Хотя, может быть, я бы предпочла эти деньги отдать прямо Мишиной маме, ведь она очень нуждается, а розы дорогие.

Э л л а П е т р о в н а. Это я с розами предложила. Я думала – всем понравится. Будет символично. И празднично, и печально.

П и с а т е л ь н и ц а. Не огорчайтесь. Не всё же деньги, нужны и розы. Вы хорошо придумали.

Э л л а П е т р о в н а. Правда?

П и с а т е л ь н и ц а. Я приду к двенадцати. С розой. До свиданья, милая Элла Петровна, а про табуретку и шкаф вы прочтете мне обязательно, в следующий раз. До встречи.

Элла Петровна уходит.

Ночь. Голос Писательницы в темноте.

П и с а т е л ь н и ц а. Когда остаешься одна... Я имею в виду – по настоящему одна: муж в могиле, дети далеко, появляется время подумать обо всем. Сначала даже вставать утром незачем. А зачем? Потом ничего – встаешь. Ощущаешь себя как сплошную рану. Куда ни ткни – больно. Пупом вселенной себя ощущаешь. Никто до тебя так не страдал, не чувствовал... Я дачей спасалась. Зимой даже ходила. Зачем, спросите, зимой? Кошек, собак кормить. Идешь по колее ледяной, а они бегут – воют, голодные, со всех концов. Летом-то их кормят, балуют. Зимой – погибель. Кашу наварю с косточками, так и кормила. Мне легче было с ними, чем с людьми. Потом ничего. Людей опять замечать начала. В доме угловом, по дачным меркам – дворец, двухэтажный

особняк, сосед умирает, Славка. Жене – квартира после развода, ему – дача. И обнаружилась у него саркома. Соседи, конечно, про болезнь его знают. Кто ж, спрашиваю, ухаживает за ним, кто еду готовит, кто продукты носит? Сам, говорят, кто же. Именно – кто? Жена бывшая, и не знает, наверное. Умирает человек рядом, а мы спокойны, равнодушны. Не до этого нам, своего хватает, ведь он – чужой, не ближний. Иду теперь всегда со стоном душевным мимо этого особняка богатого, несчастливое. Занавесочка отдернута, дверь приоткрыта: вроде – зайдешь, помилосердствуй... Не захожу. Боюсь чужого в ближнего превратить. Обуза. Боюсь добро сделать. Себя за это ненавижу. Только иду – смотрю, занавесочка не шелохнется. Живой ли?

Много такого на совести – не сделанного. А ведь старая я, старая, времени мало совсем. Бомжиху недавно видела – на крыльце почты. Только она вышла и стояла так отчаянно, безнадежно, видно, ждала письма какого-нибудь спасающего... Не пришло письмо. Кто ей напишет? Я тоже мимо прошла, взглядом скользнула. Что ж она будто увязалась за мной и укоряет в памяти? Ведь и она – человек, пусть и люмпен. А дети, беспризорные? Внука ждала у батута разноцветного, веселого. Все скачут, радуются. А эти двое, сопливые совсем, вшивые, небось, босиком... Кто их пустит рядом со своими детьми? Никто. Мальчишка на рынке продавцам товар подносит, отлучился продавец. Специально у него я помидоры покупала, чтоб рассмотреть. А он мне сдачу никак сосчитать не может: из ста рублей девяносто вычитает – все у него полтора десятка рублей остается... Я ему: что ж ты, мол, не в свою пользу? А он и шутки даже не понял – какая шутка?

Так что не на кладбище энергии дурные, а в нас. А на кладбище, уважаемая Элла Петровна, красота, зелено, покой. Никто не укоряет, отошло всё, отцвело, отболело. Никто есть не просит, а только молчат и ждут нас, на вечное поселение...

А маму я часто во сне вижу...

Экран загорается. В ярких красках, на фоне синего неба, появляется женщина, сразу видно, что это – мама. В руках у нее яблоки, крупно. Слишком ярко для жизни. Это уже сон.

Яблоки из нашего сада... Здравствуй, мама, соскучилась? А как же мне девочкой хорошо быть!.. Рядом с тобой... Ни за что не отвечать...

Следующий день. Утро. Несколько секунд Писательница в комнате. Затем – выходит, хлопает дверь. На экране она на улице, она – в толпе. Подходит к киоску. Покупает у торговки розу.

Тем временем меняется декорация. Это уже кусочек города. Углом – киоски. Высокий паранет. Уличный шум. Мусор. Отблески ближнего светофора. Юноша-инвалид устраивается на паранете. Свешивает ноги в специальных ботинках. Ставит костыли. Зрители уже видели его среди других лиц толпы.

Юноша вытягивает руку, ладонь – лодочкой, застыивает. Осенний день, дует ветер, холодно. А он – без шапки.

Появляется в плаще и шляпке Писательница с

розой в руке. Видит Юношу, останавливается, колеблется. Медленно идет к нему. Кладет монету в его ладонь, накрывая и зажимая его руку своей.

На экране зади: эта же сцена – крупно. Крупным планом руки, цветок, лица, глаза.

П и с а т е л ь н и ц а. Ты совсем замерз.

Юноша молча смотрит.

П и с а т е л ь н и ц а. Кто тебя привел сюда? Почему ты здесь сидишь? У тебя есть родители?

Юноша пожимает плечами.

П и с а т е л ь н и ц а. И такой ветер, а ты без шапки. Подожди. (Скрывается. Возвращается быстро с черной вязаной шапочкой в руках.) Здесь рядом. В сэконд-хэнде. Ну и что? Я тоже там покупаю себе вещи. Держи.

Но Юноша не берет. Она кладет ему на колени цветок и одевает ему шапку, надвигая на лоб и уши.

Юноша. Я не выгляжу смешно?

П и с а т е л ь н и ц а. Ты что? Это ж модно. Молодежь носит. Ведь холодно сидеть до вечера.

Юноша (кивает). Да.

Она стоит, он сидит. Смотрят друг на друга. Она понимает, что надо идти, но уходит ей не хочется.

П и с а т е л ь н и ц а. Я хочу сказать тебе, что это место – счастливое. Тут когда-то Миша сидел, в инвалидной коляске. Он газетами торговал. А еще он писатель был. Настоящий. Потому что знал цену жизни. Он к пенсии своей прирабатывал, все копечки откладывал – книжку свою хотел издать. Рассказать людям, как надо жизнь любить, радоваться ей. Но никогда бы он, наверно, на эту книжку не скопил. Только однажды с этой вот остановки к нему двое подошли: женщина в годах и молодой человек. Как потом оказалось – главный бухгалтер и замдиректора одного крупного предприятия – и спрашивают его: «Чем мы можем помочь?». А он так и ахнул: издайте мне книгу, – говорит. То-то они удивились! Но – не обманули. Книжку издали. А на сорокалетие его, год назад как раз, день в день, огромную охапку голландских роз притащили. Сорок штук. Вот такая охапка! Чудо! И все, как одна. Как эта вот...

Юноша. А где он теперь?

П и с а т е л ь н и ц а. Теперь?..

Пауза. На экране в серо-черных тонах появляется кладбище. Знакомая могила.

П и с а т е л ь н и ц а. Теперь он к сестре уехал.

Изображение становится ярким, цветным. Это осенняя аллея, вдалеке, спиной, удаляющийся на инвалидной коляске Миша.

П и с а т е л ь н и ц а. У него сестра добрая, хорошая. Забрала его. В маленьком городке ведь и лучше. Так ведь?

Юноша кивает.

П и с а т е л ь н и ц а. А книжку его я тебе принесу. Хочешь? Ну, до завтра? И не забывай – ты на счастливом месте.

Писательница уходит. Оборачивается. Ощущение осеннего неуютта. Скрежет тормозов, музыка, обрывки разговоров. Ветер несет мусор.

П и с а т е л ь н и ц а (сама себе). Выдумала лучик в конце туннеля. Приукрасила сюжет. Вместо того, чтоб сказать, что эта роза на Мишину могилу, что почти год как он умер, что не бывает чуда и счастливой сказки и надо жить вопреки. Бывает, мальчик, бывает. Иначе – как тебе жить? (Шарит по карманам.) Куда валидол запропастился? Как легко – сделала шаг и впустила в себя чужую боль. Это не нужно, говорит Элла Петровна, это не нужно и нельзя. Нерационально, бессмысленно. Но я делаю это совсем не потому, что мне нравится страдать. Мне больно жить. Мне совсем не нравится эта боль в моем сердце. (Останавливается, прижимает ладонь к груди.) Какая я старая! Но я еще живу. Эта боль в сердце говорит, что я живая. Живу до тех пор, пока оно болит. (Шепчет.) Да здравствует боль!..

Картина вторая

Действующие лица:

М а т ь.

С ы н.

Б о м ж и х а.

Ночные сумерки в комнате. Слабо освещено только окошко на улице. Время от времени по стене бегут отсветы фар.

С ы н (голос в темноте). Мать, ты спишь?

М а т ь. Нет.

С ы н. Мать, давай к Иринке уедем. Я согласие даю.

М а т ь (устало). Да разве ж ты там, у Иринки, сможешь нормально жить?

С ы н. Я, мать, в подворотне жить стану. Честно. Я свое место знаю. А ты с Иринкой, у нее. Я ведь всё, мать, понимаю. Мимо пойдешь – дашь десятку. Иринка пойдет, сеструха, но она, мать, мне не даст. Нет. Не пожалеем больного человека.

М а т ь. Жалела уже. Она тебе и сейчас готова деньги высылать, лишь бы ты угомонился. У меня ведь ничего не осталось. Пенсии моей хватает только квартиру содержать, и так – супчик, макароны. Нет у меня денег, сынок, нету. Не спрашивай.

С ы н. Мать, ты чё разнюнилась? А знаешь чего? Давай мы завтра стенку загоним. Честно. На билеты к Иринке. Сразу билеты купим и выедем дня через три. Купим с тобой, мать, курицу, торт. Поллитровочку. Одну, одну, не пугайся. Отметим это дело и поедем. (Деловито.) Я считаю – надо с людьми попрощаться. По-хорошему. Димана позовем, Коляна, Женька. Женек меня в сторожа пристраивал, в порт. Без Женька нельзя, мать, ты как хочешь. Я должен ему. Работа счас сама знаешь – на дороге не валяется.

М а т ь (*перебивая оживление Сына*). А что ж ты, сынок, работать не стал?

С ы н. Там, мать, работа знаешь какая. Там воры одни. Вывезли уже всё. Ночью подъезжают с КАМАЗом. Туда-сюда, сукин кот, открывай ворота. Я: куда, мол, зачем?.. А мне сразу в носопырку. Я так не нанимался. Не могу. Нос у меня слабый. Чуть прикоснись – кровит. Мне его еще как тогда разбили иуды эти. Ну, помнишь, деньги еще украли из кармана. Ну, после отцовской смерти.

М а т ь. Помню. Это Иринка оставляла на сорок дней, на поминки.

С ы н. Ну, на поминки. И без ее денег обошлись. Иринка, Иринка. У тебя она, мать, прям какая-то Мария-Тереза. Я рот не успею открыть, а уже у тебя – Иринка. Так тоже, мать, нельзя. Я ж человек тоже.

М а т ь. Человек, человек. Не сердись, сынок.

С ы н. Я ей что избили меня. Лежу вот в синяках. И тогда избили, раньше. И из окна когда упал – пьяный был – тоже ведь разбился, не так себе... А она – деньги, деньги.

М а т ь. Ты, сынок, больше выпивши на подоконник не садись. Хорошо там виноград над подъездом густой такой, плотный, как люлечка спружинил. Удар смягчил. Не садись, ладно?..

С ы н (*смеется*). Мне, мать, и из окна упасть не страшно. Я не расшибусь. Не-е-ет! Водочка, она ж, матушка, смягчает маленько. Расслабляет. Упав человек, зажатый весь, все мускулы напряжены – всё. Верная смерть. А у меня мягко всё. Как у кошки. Прыг – и на лапы. Ты ж сама, мать, убедилась. Ну так что насчет завтрава? Кого зовем?

М а т ь. Да ты хоть синякам дай пройти.

С ы н. Мне ж не жениться, мать. А я и не хочу, ты не думай. Я ж как орел живу – вольно. Куда это на шею вешать, содержать. Детишки пицат, жена ноет. Не хочу, мать, не хочу.

М а т ь. Вот и у Иринки не заладилось. Разошлась с мужем-то. Живет как перст.

С ы н. Правильно. Она ж святая у нас. Мария-Тереза по совместительству.

М а т ь. Ну будет тебе. Что болтаешь?

С ы н. Пьяница он, видите ли. Вот что пить не умеет – это правда. Его с трех рюмок развозит. Не умеешь – не берись. А вот что пьяница – не скажу. Он ведь на работу всегда трезвый ходил, ну, Игорек-то. А с работы... Ну, на пивзаводе – кто ж удержится, мать, ты скажи мне? Он рассказывал мне – там и недодержанное, и передержанное, всякое. Люди в цехах есть ночуют, домой не могут уйти. А он всегда домой шел. Аккуратный, в костюме. Не в канаве валялся. А то – пьяница. Живи-ка вот теперь одна.

М а т ь. Одной тяжело. Отец-то вот умер – тяжело мне без него.

С ы н. Ну, мать, перестань. Хватит. Всё ж таки у тебя я есть. Забота. Это Иринка – нырк из родительского дома и вместо себя звонит на мобилу.

М а т ь. Приехать обещает. Может, в октябре.

С ы н. В октябре? Это ж – вот. Скорей, скорей, мать, стенку продавать надо. Встретим хоть сеструху по-человечески. Курицу там, вина. А то всё она

шлет, а тут мы – с гостеприимством. Я Димана завтра приведу. Он возьмет. Стеночка, конечно, бэу. Но и у него – не хоромы, сгодится. Подешевле отдадим. Ну, а уж как снесут ребятишки вниз, всем по сто грамм, мать. Это уж законно. Я люблю, чтоб всё чин-чинарём. С людьми по-людски. Они ведь всё понимают и доброе отношение ценят. А знаешь, как тебя ценят? Прямо говорят: ну, матуха у тебя, прям почтение вызывает. Честно, уважают, мам, тебя. Не такая, говорят, как другие. С понятием женщина.

М а т ь. И отец всегда говорил – не такая, как другие. И волосы, говорит, у тебя кудрявые, и нос – курносый, и веснушки. Рыжик лесной – говорил. Солнышко. А счас уж – не узнал бы, наверно. Кудри развились, седая вся.

С ы н. Ну что ты, мать, панихиду развела. Отец-то веселый какой был.

М а т ь. Веселый, балагур. Голос громкий. В компании-то – душа. Я любовалась им. И смешит всех, и истории рассказывает.

С ы н. Лётчик. Твердый человек, мужчина.

М а т ь. Раньше меня-то в могилу лёг. Вот тебе и лётчик, не вынес.

С ы н. Ты уж не меня ли винишь?

М а т ь. Что теперь? А любил он тебя, маленького. Души не чаял. Пресеклась фамилия, нету наследников. Это от такого-то корня! Да его ж, казалось, ничем не возьмешь.

С ы н. Замолчи, замолчи, мать. Разноешься совсем. Мне ведь тоже тяжело. Отец ведь мой, родной человек. Не ты одна страдаешь. А то одни страдалицы кругом. В общем, спим, мать. И насчет завтрава – железно. Так я тебя понял. Продаем – и к Иринке или наоборот – ждём её.

М а т ь. Спи, сынок.

Тихая, убаюкивающая музыка.

М а т ь. Вот и заснул. Поговорил со мной – и легче. И ласково ведь поговорил. Ласково. Значит, любит меня ещё. Мама, говорит. Непутевый ты мой, сыночек. Иринка зовёт – уезжай, мама. Буду ему деньги высылать. Сколько можно мучиться. А разве я мыслями не измучусь, если уеду. То вроде не могу, изнемогаю. То – могу ещё, живу ещё, люблю ещё...

Утро. При свете дня видна обстановка бедной комнаты: диван, с которого свисает простыня, обшарпанная стенка со стеклянной утварью на полках. В другом углу – кровать, на которой спит женщина.

М а т ь (*просыпаясь*). Сынок?.. Нету. Исчез. (*Встает, набрасывает халат, ходит по комнате, бормочет*). Как же я не слышала ничего? Каждый раз надеешься, что всё. Останется, хватит. Потому что – ну сколько же можно? И обманываешься, обманываешься опять.

Трезвонит дверной звонок. Мать выходит, затем возвращается вместе с Сыном.

С ы н. Я, я, я! Ну кто ещё придёт спозаранку? Ключи потерял. Не знаю где. Смешная женщина. Если б знал – пошёл бы и взял там. (*Кидается к стенке*.) Давай, давай, мать, вынимай чашки-ложки свои,

пока Диман не передумал. Я уж и задаток у него взял. *(Вышвыривает посуду прямо на расстеленную постель.)*

М а т ь *(встает у стенки, раскидывает руки, за-слоняет).* Я ничего не продаю.

С ы н *(опешив).* Да ты что, мать, опомнись. За четыре тыщи рябчиков Димана еле уговорил. Тыща – задаток. Он же передумает!

М а т ь. Отцово гнездо – не рушь. Тут – всё его руками, тут память его. Не рушь.

С ы н. Да ты офонарела, курица. Ты меня кем перед мужиками сделать хочешь? Счас, через полчаса придут, а тут капризы. Вчера – продаю, сегодня – не продаю. Пойми, неумная женщина, я задаток взял. *(Наклоняется, шипит в лицо матери.)* Отойди.

М а т ь. Развёл уже старые дрожжи? Нашёл? И кто только продаёт вам, иродам?

С ы н. Ты, мать, не заводи меня. Счас все пьют. И профессора, и все. В правительстве даже. И дети, сопляки. Счас пиво вообще не считается. Ты рекламу видела? Сопляки пиво жрут. А некоторые спайсы курят. Счас этого хлама полна улица. Ты против правительства вообще?

М а т ь. Отдай задаток, у кого взял. Что осталось – отдай. Остальное я с пенсии отдам. Или Иринка пришлёт.

С ы н. Ну всё – ты меня доконала. Выбирай: жизнь или эти деревяшки. *(Хватает, разбивает чашку.)*

М а т ь. Не надо, сынок.

С ы н. Я тебя счас, ведьма старая, подвешу за ноги на этой люстре. Будешь висеть, как Буратино, пока не сгниешь.

М а т ь. Не возмёшь ты на совесть, я знаю.

С ы н *(мечется по комнате).* Что ты знаешь обо мне? Что ты можешь знать, старая клушка? Ты задушила меня уже тут с Иринкой со своей вместе. Что ты знаешь? Когда всё нутро сгорает? Когда мира не жаль, думаешь – тебя пожалею? За то, что родила, а? А что я видел с вами хорошего? Причитанья одни. Да знаешь ли ты, что в окошко я сам, по своей воле, выпал. А ты мне санитаров. Ты в психушку меня норовила сдать. Тебя убить за это мало. Знаешь ты это, мать? Я уж не знаю – куда мне выпасть из себя самого, из жизни этой погибельной. Я ж понимаю всё. Не хочу больше, не хочу!

Сын кидается к окну. Мать вцепляется в него, хватая за ноги, волочит по полу. Оба падают.

С ы н *(отбиваясь).* Перестань, уйди, пусти!..

М а т ь. Не пушу!

Сидят некоторое время на полу. Молчат, при-ходят в себя. Сын встаёт, отряхивается, поднимает Мать, приносит из кухни веник, неловко метёт. Мать отбирает, подметает сама. Сын бродит по комнате, мешая ей, наконец опять оживает.

С ы н. Я, мать, сервиз ему отдам. Диману. Вместо задатка. Всё равно теперь чашки одной нет. Ладно, мать?

Мать молча кивает. Сын в наволочку заворачивает сервиз.

С ы н. Скажу Диману, что стенку передумал про-давать, самому, скажу, нужна. Ты, скажу, нажиться хотел – по дешевке хватануть, за четыре тыщи. А есть люди посolidнее, дороже дают. К тому же не влезет в его комнату стенка эта. На фига она ему? Правильно, мать?

Целует стоящую с совком, полным осколков, Мать, с узлом – выбегает.

Декорация изменилась. Справа – уголок сквера, скамья, урна. Слева – стенки киосков. Мусор, пробки. Доносится то скрежет тормозов, то выкрики, брань – шум улицы. Это почти тот же уголок города, что и в первой картине.

М а т ь *(сидя на скамье).* Я человек земляной. Это матушка моя говорила. Мамочка родненькая. Кре-стьянка. Ручками своими заскорюзлыми земличку любила в горсти держать. Говорила – теплая, руки греет. И я в неё. Ухожу из дома – на дачу. Целый день проведу там среди растений, и урожай у меня всегда. И сливы, и яблоки, и помидоры с перцем. У других – смотрю – и не уродит, а у меня и без ухода особого – всегда есть. А, может, Бог мне сострадает. Я ж сына кормить должна. Он, когда не пьёт, отъестся должен. У меня уж всегда для него – яйцо, стакан молока в день обязательно. Пусть мне нет. Ему – есть. Ну, супчик там, какой-никакой, с кубиками. Химия, говорят. А я так скажу: какое добро кто-то придумал. Спасибо ему. Вермишельки бросишь – есть чего по-хлебать. Ну, помидорки там, свежие или соленые, тоже имеются. Не пропадаем, в общем. А только то-ска иногда такая. Грех один. Как будто впереди – ни-чего. Яма и всё. Вот прям к горлу подступит и не от-пускает. Уж я хожу, хожу, хожу. Думала – сын домой вернулся. Где там?.. Вспомнила потом: ключи-то потеряны. Мобильник пропит. Здесь он где-нибудь. *(Кивает в сторону киосков.)* Голос у него громкий, в отца. Его ведь тоже везде знают. Он не дурак, не глупый. Если заговорит про политику или из истории что-нибудь – заслушаешься.

Мать ходит по сцене, подбирает желтые листья, любит.

М а т ь. Продать дачу и к Иринке переехать? Мо-жет, тоска исчезнет? Приценивался один, из налого-вой. Место уж очень у меня хорошее. У реки. И жаль, и край уже с деньгами. И при сыне продать нельзя, и умереть мне нельзя, не продав. А умереть я всегда могу. Запросто. Муж вон покойник. Всё ходил – ни-чего, лёг и не встал. Тоска удушила. По сыну. Вот и у меня – тоска.

От киосков появляется Бомжиха. Приближается к скамейке, заглядывает в урну.

М а т ь *(не замечая ее).* Как это он сегодня сказал: выпрыгнуть из этой жизни. *(Смеется.)* Как мы похо-жи все! Я ведь часто думаю, частенько: вот сесть где-нибудь на тумбе или у перехода, гделюдно, и забыть кто ты, как тебя зовут...

Б о м ж и х а (*прислушиваясь*). Меня – Анна Петровна. А зачем тебе?

М а т ь (*в растерянности договаривает свою мысль*). ...И никуда не спешить, не возвращаться никуда.

Б о м ж и х а (*усаживаясь на скамейку*). Бесплезно. Менты прицепятся, покоя не дадут. Холодно, сыро.

М а т ь. А можно дворничихой устроиться. Там каморочку дают. И чтоб найти никто не мог. Выпрыгнуть, как из окошка – и только рябь по воде. Столько сил требуется, чтоб держаться на плаву, быть не на дне, а на поверхности, барахтаться, сына содержать, себя. А сил-то нет. Так и хочется плюнуть, плюнуть – и на дно. И забыть себя, забыть совсем. Одни пузыри чтоб пошли.

Б о м ж и х а. Мокро на дне и воняет. Нюхай. (*Протягивает ей локоть*.)

Мать отодвигается.

Б о м ж и х а. Это ты устала. Тебе развеяться надо, развеселиться. Так выжить нельзя.

М а т ь. Как?

Б о м ж и х а. На трезвую голову. Счас в здоровой памяти не продержишься. Мир на уши встал. Надо соответствовать. Расслабляться по чуть-чуть. Вот, к примеру, пьяного стукни – ему ничего. Да проверено. А трезвого – попробуй. Если посильней – минимум больница. Расслабляться надо.

М а т ь. Я эту философию тоже на практике изучаю. Сын у меня – философ.

Б о м ж и х а. Скучно живешь. (*Показывает на урну*.) Какая от тебя польза окружающей среде? Ни тары пустой, ни разговора весёлого. Ничего.

М а т ь. А может, правда? Бросить всё – и в дворничую?

Б о м ж и х а (*доверительно*). Давай спрыснем это дело.

М а т ь (*открывает кошелек*). На. У меня всё-таки дом есть.

Б о м ж и х а. Не густо.

За киосками шум становится слышной. Доносятся брань, угрозы. Спиной появляется Сын, с кем-то выясняющий отношения. Размахивает бутылкой пива в руке. Наталкивается на Бомжиху, та падает, роняет деньги.

Б о м ж и х а. Черт! (*Поднимается, подбирает деньги*.)

С ы н (*с трудом удерживая равновесие*). Мать, ты как здесь? И в такой компании... А там идиоты привязались (*размахивает руками*).

Б о м ж и х а. Бутылочку аккуратней!

С ы н. Чего тебе?

Б о м ж и х а. Насчет тары, чтоб не разбить зря.

С ы н. Отвяжись. Мать, дай на пиво.

М а т ь. У меня пятидесятка только и была. Я отдала уже.

С ы н. Отдала? Кому? (*В пьяном изумлении оборачивается*.) Этой? А у меня, у сына твоего, есть, что ты ей отдала? (*Наступает на Бомжиху*.) Ты как посмела у матери моей, у достойной женщины просить? Она ж как камень у нас, как скала. У нее же снега зимой не выпросишь. И тебе дала? (*Матери*.) Я не узнаю тебя, мать. Ты, может, расслабилась уже? Ты, может, уже нормальная стала? Как все? (*Хватает Бомжиху за грудки, трясет*.) Отдай или я тебя счас этой бутылкой.

Б о м ж и х а. Сам пошёл, сам дурак. Иди отсюда. Нет у меня ничего. Тварь поганая.

Вдруг, перекрывая остальной шум, от киосков доносится, всё нарастая, превращаясь в вакханалию, песня.

С ы н. Кто тварь?

Б о м ж и х а. Стой! (*Поднимает вверх палец и вся преображается*.) Любимая!

Звучат слова песни: «А что это за девочка и где она живёт?». Бомжиха притопывает на месте, пляшет, указывает в такт рукой то на себя, то на застывшую статуей Мать. «А вдруг она не курит, а вдруг она не пьёт?».

Б о м ж и х а (*радуется*). Про тебя, про тебя, голубушку.

С ы н (*неожиданно хихикнув, включается в танец-представление, выкрикивает*). А мы с такими рожами... Диман-то ставку повышает, мать. Фиг, говорит, с вами, за пять возьму деревяшки ваши, обглоданные... Продавать будем завтра. Завтра, мать.

Б о м ж и х а. Вливайся, а то закаменеешь, как последняя идиотка. Которая на город обернулась. Ну, помнишь? Нет? Из Библии? Расслабься скорей!

Оглушает песня: «Возьмем да и припрямим к ней...». Притопывают Сын с Бомжихой, отчужденно смотрит на них Мать, будто из-за предела откуда-то.

Постепенно звук приглушается.

Главное сейчас происходит с Матерью.

М а т ь (*бормочет*). А может, правда? Выпрыгнуть из своей оболочки? И прямо – на дно. Мобильник выбросить. Если спросит кто-нибудь и попробует отыскать – то зовут меня «никто», живу я – «нигде», жизнью – «никакой»...

Картина третья

Действующие лица:

Д а р ь я И в а н о в н а.

В и к т о р.

Сумерки. Звучит сирена. Перемигиваются огоньки. На заднем плане вспыхивает ряд окон – это больница. На крыльцо выходит измученная, коротко стриженная женщина в простой, невыразительной одежде.

Д а р ь я И в а н о в н а (*оглядываясь*). А он, говорит, у вас умер. Медсестричка... Как умер? (*В недоумении*.) Умер, умер!

Обхватывает голову руками, садится на ступени, качается, воет. На протяжении монолога периодически высвечивается экран. Видны тени, слышатся голоса санитаров, врачей, чей-то смех, стон. Кого-то проносят на носилках. Все эти звуки – помимо ее сознания, она ничего не слышит, не видит.

Д а р ь я И в а н о в н а. Мне говорят: забирайте его. Да как же я его заберу, в простынях? Детям привезу. Нет, не могу. И оставить не могу, в коридоре, в простынях. Пока оформила *(по слогам, захлебываясь)*. В по-кой-ниц-ку-ю сдала. Всё самой, всё, всё. Теперь всегда всё самой. Куда ж мне? Гроб заказывать? *(Мечется по сцене.)* Бельё покупать?.. *(Снова садится на ступеньку.)* Не могу, не могу. В руки заглядывал – чего купила, чего принесла. Смерти боялся. Как он жить хотел! Батюшку ему прямо в реанимацию привела – соборовать. Уговорила – это тебе, говорю, во здравие будет, не бойся. За руку держал – так и умер, как заснул. Не вздрогнул даже. Я за руку его держу, а медсестричка говорит: он умер у вас уже, умер...

Голоса людей усиливаются. Дарья Ивановна стоит, зажимает уши.

Д а р ь я И в а н о в н а. Всё продолжается. Что ж Ты никого не взял? *(Смотрит в небо.)* Все живут. Бомжи вон – в подворотне валяются. Что ж Ты их не взял? Или такие и Тебе не нужны, пьяницы. Что ж Ты умельца нашего взял, папочку дорогого у детей? Чем же мы прогневили Тебя так? За что?

Полная тьма. В круге света – Дарья Ивановна в черном сидит лицом к зрителям. Слева – тумбочка с портретом и горящей свечой, воткнутой в крупу.

Д а р ь я И в а н о в н а *(говорит, как будто продолжает прерванную на полуслове речь)*. Сорок дней уже. И все, главное, знают как надо, все поучают. На работе укоряют – что ты так раскиселилась, раскисилась?.. У нас в отделе – одинокие одни, половина вдов, по сорок лет всем, я еще старше других – мне пятьдесят. Сестра его позвонила: ты, говорит, должна его рубашку и брюки нищим отдать, а то он снился – голый там ходит. Прости меня, Господи, но я ей прямо сказала – мне он не снится. Я б всё отдала, я б шкуру с себя сняла, чтоб его вытащить. Бегала, искала хирургов, на дом ходила. А рубашку его не могу отдать. Я рубашечки его все слезами полила, пока шкаф разбирала. Маечки все, бельишко. Тёплое всё, его. И это – чужим? Да я лучше новое куплю – раздам, это мне легче будет. Да и кто про меня подумает, чтобы мне легче? Это он бы подумал. На поминках-то и подать, и принести, и сварить, и проследить за всем. Как ноги я только таскала? Он бы давно сказал: «Присядь, присядь, Даша, посиди». Кто мне скажет «присядь», кто мне скажет «отдохни»? Никто, никто.

Дети-то... Что им, взрослые. Уехали в свою взрослую жизнь. Сын и дочь. А мне куда уехать? Когда у меня вот – встал ком в груди, дышать не дает. Не могу. Не могу. *(Плачет.)* И слезы-то какие *(удивленно)* большие льются. Дурных таблеток на ночь напьюсь, сплю – не сплю. Как будто забуду, что его нет. И вдруг очнусь: умер! Всё переворачивается во мне. Умираю сама. Мы ведь кожей срослись, кожей. Я теперь – сверху, а он – там, под землей. В гробу

тесном. Всё, говорят, легче будет. А мне не легче, не легче. Эти мгновения все, минуточки все – их ведь до одной каждую пережить надо. А я не могу, не могу, не могу!

Встает, ложится на кровать.

Д а р ь я И в а н о в н а. А то вроде засну. И вот – снится. Снится он мне, и спокойно мне так, будто здесь он, здесь. Подойдет тихонечко, в лицо дунет ласково. «Даша, – зовет, – пойдём за мороженым»... Мы ведь с ним всю жизнь за мороженым под ручку. Другие – за пивом, а мы – за мороженым.

Встает, сбрасывает черный платок, разводит руки и – весело, сразу помолодев.

Д а р ь я И в а н о в н а. Локоть мой прижимает. А как же тепло мне в его объятьях было.

Появляется мужская фигура. Это Виктор. Его лицо в тени. Обнимает Дарью Ивановну. Она продолжает свою речь, отстраняясь, всматриваясь в него.

Д а р ь я И в а н о в н а. Прошепчет: люблю тебя! В и к т о р *(тихо)*. Люблю тебя, Даша.

На экране возникает парк в праздничный день. Люди с воздушными шарами, дети. На пруду – лодки. Среди других – Дарья Ивановна и Виктор.

Д а р ь я И в а н о в н а. А в паркелюдно. Музыка, шум. А мы вдвоем всегда. Конечно, детишки... Но – вдвоем. Ах, небо какое было, листва какая! Шары воздушные, народ на лодках катается. А я с ним, а он – со мной.

Музыка усиливается. Дарья Ивановна и Виктор упоенно вальсируют.

Наконец обрушивается тишина. Виктор исчезает.

Д а р ь я И в а н о в н а. Господи! *(Падает на колени.)* Да так уж и не любит никто, не умеют. За каждый шагжок, за каждый шагжок благодарить мы должны. Сколько счастья! Этого просто не бывает! Какую же мы муку себе готовили все эти годы. Нет, так нельзя. Надо, как другие, – холоднее, равнодушнее, своё любить. А когда своего нет, чем же мне жить теперь? Всё унёс, все забрал.

Вся жизнь с ним как в картинках стоит. Детишек рожала, а он – под окнами бегал, караулил, сторожил. Сама на вредном производстве работала, а он дома больше, слабым здоровьем, дежурил – через двое суток, а деньги – я зарабатывала. Главная я, а? Главная! Кормилица! Вот кто главный был! Рученьки золотые, ноженьки. Теперь только поняла я – как любить было нужно. За каждый вздох – спасибо, что есть, что здесь, со мной. За каждое движение – спасибо. Спасибо, спасибо, спасибо.

Что ж ты, смерть, пришла учить меня, дуру, жизнью недовольную? Всё мне чего-то не так было, не сядь, то устала, то ещё чего. А разве б я сейчас устала, если б он жив был? Если б радость, разве б я устала? От горя я устала, от горя...

Смотрит на портрет. Извлекает из тумбочки

фотоальбом. Позади, на экране, крупно семейные фотографии. Улыбающиеся лица. Из тьмы опять выступает Виктор. Касается рукой плеча Дарьи Ивановны и отходит в сторону.

Д а р ь я И в а н о в н а. А поминки мы хорошие, Витя, справили. Блины, пироги, капуста – как положено. Не беспокойся. С деньгами на работе помогли, с оградой тоже обещали помочь. Учительница твоя пришла первая – Нина Петровна. Про банкет напомнила. Ну, вот, встреча выпускников была. Так ты один с женой пришел. Другие – никто. Я, помню, и не собиралась. А ты сказал: «Даша, я без тебя не пойду». *(Смеется, качает головой.)* Несовременные мы. И не то, чтоб там стеснялся, что с женой, и не красавица ведь, и не молодая... А наоборот – гордился вроде даже, что я – с тобой. Вот Нина Петровна и вспомнила.

Встает. Подходит к окну.

Д а р ь я И в а н о в н а. И за это – спасибо. И за то – что из окна даже смотреть не могу. Мерещишься ты мне, Витя. Возвращаюсь с работы – всегда стоит, как свечка, ждёт. Он уходит – я махну, я иду – он машет. Так ты и мерещишься мне на тропе этой, Витя. В сумерках особенно. Как живой. Вроде и фигура твоя, и походка, но – мимо подъезда, мимо меня. Не ты, Витя! А мне нужен ты, мне ты нужен! Сейчас, Витя! Полетела бы к тебе, побежала, понеслась бы. Хоть на край земли. Милый мой! Люблю тебя бесконечно. Навсегда.

А то позвонит на работу: «Хлеба не покупай!» Еду, а тут у него – творожники на столе, пироги. И всё ведь так – с сюрпризом, обрадовать меня.

Я-то думала – это мне насовсем! *(Глядя вверх, как бы обращаясь к Богу.)* Дал на время и отнял? А я понять ещё ничего не успела. Знать, спасти хочешь. Видишь Сам – муку какую терплю. Потому что так и живу: денёк – и к Вите моему навстречу шажок. Денёк – ещё. Ох, и медленно же они идут, эти деньки.

Хочу ещё любить. Хочу любить. А я всё одна, одна. Без Вити. А я всё думаю: за что, за что отнял, Господи? Что же это за любовь такая? Что же это за мука мученическая? Помоги же Ты мне, Господи, дотерпеть, дотерпеть, дотерпеть...

Картина четвертая

Действующие лица:

Д в о р н и ч и х а (во второй Картине – *Мать*).

П и с а т е л ь н и ц а.

Б о м ж и х а.

Б и з н е с м е н.

С ы н.

Э л л а П е т р о в н а.

Д а р ь я И в а н о в н а.

Знакомый зрителю уголок осеннего сквера, спрятавшийся за киосками, углы и стены которых выстроились слева. Справа – скамья, урна. Вороха листьев. Присутствует экран. Когда начинается действие, на экране возникает утренняя жизнь перекрестка. У здания – нагромождение коробок из картона. Появляется Дворничиха с метлой, приступает к работе.

Д в о р н и ч и х а. Доходный у меня сегодня день. Сергеич заболел, и его участок золотой, где палатки торговые понатыканы, мне перепал. Тут продавцы за уборку доплачивают, иначе – штрафы, а самим – не по чину. *(Останавливается, опирается на метлу, смеется.)* Ох, даже собрание собрали – делить, кому достанется. Тамарка орет всех больше: я, мол, достойна, я долго этой минуты дождалась. Но у нас все достойные. Решали, решали – никак. Вдруг мастер нашего участка говорит: «Тебе, чтоб никому не обидно». А почему мне-то? Не люблю я, где народ толчется. А он говорит: «Тебе, малахольная потому что». А ведь и правда – никто не обиделся. Разошлись спокойно. Одна Тамарка ворчала. Да я бы запросто ей уступила. Но мастер строгий у нас: смотри, говорит! Тамарка ведь языкастая, с кем только не поцапалась! Ну, где торговля – везде золотое дно. Перепадает. *(Сует руку в карман, извлекает горку мелочи, рассматривает.)* Вот Тишке радость. Пир ему устрою. Куплю путассу килограмм. Китикет не возьму. Нечего. Пусть натуральным питается, а то, говорят, привыкают они. Заделается еще кошачьим наркоманом. Лучше – тушенки банку. С картошечкой размять, надолго хватит. И коту надо праздник устроить, и себе, не всё макароны. *(Опускает мелочь в карман, звенит ею.)* А всё равно вроде чужое взяла. У Тамарки. Ой, не люблю я чужое брать. Не своё. Мне и своего девать-то некуда: каморочка теплая, кот, пенсия. Метелку новую обещали выдать и жилетку ещё. Эта – с чужого плеча, истертая. Чего ж мне ещё? И почему не бывает просто? Кому нужно – тем дать. Тамарка просит – на! А человек жадный. Хочет цапать, цапать, цапать. Своё, чужое – не разбирает. А зачем? Два века не проживешь. С собой не унесешь. *(Садится на скамейку, задумчиво.)* А может, это и невозможно, чтоб люди друг другу просто помогали. Не за деньги. Жалели чтоб. Бедного – одеть. Ребенка – накормить. Старуху – приютить. Получается ли хоть у кого-то жить по правде? Я день-деньской на людей смотрю. Машины мимо с затемненными стеклами – вжик! – проносятся. Я считаю, которые так проносятся, они жизни не знают, они людей не видят. Людей где узнать можно? На рынке, в автобусе, – где толкотня, и все друг друга – ух! – проглотили бы! Так прямо бы и сожрали с потрохами. Чтоб не трогал никто, не прикасался. А я вот всё смотрю и думаю: а где ж тот человек, который наоборот. Не так, как все. Церковники вот тоже – с бородами, с волосами длинными – их сразу видать. Многих, многих на стоянке у рынка иномарочки ждут. Правда, было один раз, видела. Прямо, как для меня. Стояла на остановке. На скамейке – парень лежит, пьяный. А одет нарядно. Народ всё – мимо. Кому охота возиться? Его растолкай – он спьяну обзовет, оскорбит, а то и драться полезет. Я вот тоже мучилась: подойти, не подойти? Вижу: мужичок идёт, церковный, волосы – в хвостик. Одет – так, в пальтецо на рыбьем меху, с авоськой. И тоже глянул на пьяного, и мимо. А ведь явно счас парнишку этого менты сгребут, упираться будет – отметелят там. Может, почки отобьют, в инвалида превратят. У них не заржавеет. Церковник – мимо. Ну, я внутри закипела вся. Ах ты, такой-сякой! Врун! В церкви, небось, поклоны бьешь, а тут – мимо. Пусть он пьяный, грязный. Да ведь ты в нем брата должен видеть. Не видишь, значит? И вдруг.

Прямо специально для меня. Шел он, шел и – застопорился. Наверно, и его эти же мысли истерзали. (*С торжеством.*) И он вернулся! Растолкал парня этого, удалось поднять его, не такой уж он и пьяный был, чтоб на ногах не стоять, а может, проспался уже. Довел он его до светофора, а дальше тот сам побрел. И целый день после того случая у меня настроение было хорошее. Думала я так: пусть он меня моложе, церковник этот, но ничему я его научить не могу. Это он меня, дуру старую, научил. Не надо бояться потому что. Людей бояться нельзя. Что они больно делают, или что они грязные. Это ж люди. Они детьми были. Ангелочками...

У меня в деревне соседка была – Татьяна. Алкаш у нее работал. Генкой звали. Всё он пропил, бобыль. Так и перебивался у Татьяны в работниках. Забор ей ставил, крыльцо поднимал. Мастер, но – алкаш. А уж она благодетельницей себя почитала. Кормила потому что. И правда ведь, кому еще нужен? Как-то слышу: орёт на него. Всегда голосила, но тут уж особенно. Я малину вычищала за забором, рядом. Ключи он, что ли, от бани потерял. Не помню причину. А только гляжу в щелку: он в сторонку отошел – в старье, дранье, ну, чучело и всё. Не человек. Стоит – пиджак, на локтях заплатки разные и плечи трясутся. Плачет. Алкаш. У него уж все чувства должны были умереть, а он – плачет. А вечером к Татьяне забежала – она плачет. Вот такие слезы капают! Что с тобой, – говорю? Кошка, – говорит, – птенчика слопала. Птичку пожалела.

Поднимается со скамьи, удаляется к киоскам. В большой прозрачный, полиэтиленовый пакет собирает мусор, то скрываясь за каким-то из киосков, то появляясь вновь.

Со стороны сквера входит Писательница.

П и с а т е л ь н и ц а. Осень какая! А думала – всё наизусть знаю. А всё опять как впервые. Небеса – синие, распахантые, воздух холодный, бодрящий. Листва – золотая. Красоты сколько! Только человек погибает среди всего этого великолепия. (*Шуршит листвою, останавливается, наклоняется.*) Смотряка – шприц валяется. И в подъезде иду – шприц. И на стене – потеки кровавые. Разве ж это не смерть? (*Оглядывается.*) Она поселилась здесь, разлеглась. Наглая, торжествующая, ледяная. И она всё время жрёт. Жрёт и жрёт, и жрёт. И раздувается, раздувается. Вытесняет жизнь.

Садится на скамейку, достает из сумочки и разворачивает газету.

П и с а т е л ь н и ц а. Мир чужой стал, враждебный, непонятный. (*Читает.*) «Опытная дама с нетрадиционной ориентацией, выдумщица и фантазерка, ищет молодую душевную подругу». Ну, что это? Если это есть, то это ж беда. Не выносить надо на всеобщее обозрение, а стыдиться. Этот листок в руки противно взять, он же грязный. Или вот нынче в автобусе. У водителя радио включено. Диджей ненатуральным, радостным голосом лепит такую муть: какой-то конкурс проводят про эрогенные зоны. Сначала – вопрос девушке, потом – её партнёру. Если ответы совпадут – приз. А в автобусе люди

– кто с работы, кто на работу, детишки – в школу, из школы. Слу-ша-ют! Угрюмо или наоборот – с хихиканьем неловким. Не знают, как реагировать. Если по радио и вслух, а тебе не смешно и не нравится, то ты, может, вообще дурак или ханжа и общего счастья не понимаешь... (*Вздыхает.*) Ну, со мной-то всё давно ясно – ханжа и законченная. Не вписываюсь. Последняя идиотка. Но на радио, конечно, не только про эрогенные зоны. Еще разумное и вечное пытаются сеять. По Библии программы делают. Меня приглашали подработать. Сценарии писать. Про ангелов. Мне подработать, конечно, нужно. Потому что в промтоварном магазине я мало чего могу купить. Коврик к двери. И всё. Поэтому деньги, конечно, кстати. Но про ангелов я не могу. Они у них там по замыслу между собой беседуют. Не могу – говорю. Ну что вы – возражают, и давай елей лить: вы такой мастер слова, автор того и того, и не можете – не поверим. Да и дело, мол, благое. Не могу. Слов таких не знаю, которыми ангелы между собой говорить станут. Это слова другие, другой природы, нам недоступные. Не понимаю. Мы, оказывается, тоже на разных языках говорим. (*Задумывается.*) Если б падший ангел, это б, пожалуй, мы ещё смогли. (*Смотрит внутрь себя, напряженно, размышляет вслух.*) На этом, например, заповедном кусочке пространства, в таком вот утлом городском скверике, отгороженном от шума улицы. Там – кипит жизнь, торговля, снуют люди.

Освещается и на какое-то время сосредотачивает на себе внимание экран, с изображением городской толпы.

П и с а т е л ь н и ц а. И вот они сошлись здесь, на этом клочке – два ангела. Ангел смерти и ангел жизни. Ангел смерти – наглый, дерзкий, он думает, что уже победил. Вокруг – его царство: низкие страсти, всё загажено, это – задворки. Он выглядит победно. Он шипит, визжит, брызжет слюной. Он подносит ко рту свою дудку-визжалку и дудит. Оглушённые люди, которые, конечно, не видят его, – шарахаются кто куда. А ангел жизни молчит. Он дует в сложенные домиком ладони. Ему тоже холодно, зябко в этот осенний день, но он никуда не собирается уходить. Он не уйдет. Напуганные люди, не видя его, не зная, инстинктивно тянутся под его защиту и образуют полукруг, прячась за его крыльями. Тот, другой, наступает. Но этот – не уходит. Он не уйдет. Потому что, если он уйдет, умрет всё. Так я понимаю про ангелов. (*Решительно встает со скамьи.*)

Давно прислушивавшаяся Дворничиха вступает в диалог.

Д в о р н и ч и х а. Какие ангелы? Где? Кто видел?

П и с а т е л ь н и ц а. Видели. И даже засвидетельствовано.

Д в о р н и ч и х а. А я фото в журнале видела. Младенчика крестят, а над ним ангел проявился.

Писательница пожимает плечами, выходит.

Д в о р н и ч и х а (*вслед*). Постой! Видели, говоришь, ангела? Кто? И я хочу. Или поздно? Улетел?

Ушла... *(Метет в раздумье.)* А как бы оно хорошо, если б ангелы... Можно спросить – так, мол, и так. Чтоб не по человеческому разумению, а как правильно. *(Усаживается на скамью, опирается на метлу, замирает.)* А скажи-ка ты мне, ангел Божий...

В это время среди нагромождения картонных коробок происходит шевеление и оттуда вылезает Бомжиха. Потягивается, достает из кармана жвачку, сует в рот.

Б о м ж и х а. «Стиморол» – всего две калории.

Д в о р н и ч и х а *(испугавшись)*. Кто здесь?

Б о м ж и х а. Кто, кто? Анна Петровна.

Д в о р н и ч и х а. А-а, Анна Петровна. А я уж думала...

Б о м ж и х а. Чего? Инопланетяне, что ли?

Д в о р н и ч и х а. Нет, не инопланетяне. Какое им до нас дело?

Б о м ж и х а *(горячо)*. Как какое? Из мозга информацию снять. Выспросить всё. Возьмут на тарелку к себе, усыпят и давай сведенья тянуть.

Д в о р н и ч и х а. Брось ерундить! Какие у тебя сведения? И у меня тоже. Ну и зачем?

Б о м ж и х а. Да я так, к примеру. *(Присаживается на скамейку.)* У тебя пожевать ниче нет?

Д в о р н и ч и х а *(роется в карманах, находит кусок булки)*. На сухарик. Я про другое. Вот если б ангел сейчас...

Б о м ж и х а. Ну, ангел. Он же невидимый.

Д в о р н и ч и х а. А если б видимый! *(Вскакивает со скамьи.)* Весь сияет. Крылья белые распротёр. И такой добрый, такой жалостливый. Спросил чтоб – что тебе сделать?..

Б о м ж и х а *(вскакивает, тараторит, горячит-ся, загибает пальцы)*. Паспорт найти, прописку туда, зубы вставить. Мобильник крутой. Дом, чтоб теплый был... Венька чтоб не намахивался. Пособие чтоб платили – десять, нет, пятнадцать тысяч. Чтоб схоронить меня кому было и на могилке поплакать...

Д в о р н и ч и х а. Стой! Стой! Ты чего, обалдела?

Б о м ж и х а. А чего?

Д в о р н и ч и х а. Ничего. Это ж ангел. Не архангел тебе, не самый там – серафим... Ангел. Я ж говорю: фотографию видела в журнале. Проявился, когда младенчика крестили. Явственный такой, красноватого цвета. Так он, знаешь, какой маленький? А ты наваливаешься! То, сё! Дом, прописка, зубы. Ты знаешь, сколько счас зубы стоят? У тебя мостов там, небось, не меньше пяти ставить надо. Совесть бы имела. А он – маленький, он столько не может. Он добрый просто очень и ему жаль.

Б о м ж и х а. При чем деньги? Я думала, он чудом может.

Д в о р н и ч и х а. Чудом не чудом. А так нельзя. Нехорошо. Маленькое что-нибудь проси. Так, в утешенье.

Б о м ж и х а. Чего ж тогда? Пива, что ли?

Д в о р н и ч и х а *(сердито)*. Тыфу на тебя. Высота какая – посланец небес, а ты – пиво. Алкоголь.

Б о м ж и х а. А тару можно заказать?

Д в о р н и ч и х а. Бутылки, что ли? Бутылки можно. Это труд все-таки твой. Чтоб послал он тебе побольше бутылок на пропитание. Это нормально, по-моему. Можно.

Б о м ж и х а. А себе чего пожелаешь?

Д в о р н и ч и х а *(думает)*. Себе? Не знаю. У меня вроде всё есть. Ну, может, чтоб просто увидеть его не на фотке, а так... Чтоб сиял весь... Чтоб даже глаза заболели... Чтоб я прям вся ахнула. Поклонилась бы ему низко: спасибо, мол, что явился. Я ж теперь всю оставшуюся жизнь мою летать просто буду.

Б о м ж и х а *(смеется)*. На метле. Как Баба-Яга.

Д в о р н и ч и х а *(подхватывает)*. Тут девчонка одна, крохотуля, с мамкой шла. Устала и тут на скамеечке отдыхала. Меня увидела, говорит: я боюсь, ты не бабушка, а Баба-яга, у тебя зуба нету и метла.

Б о м ж и х а *(ходит вокруг Дворничихи, рассматривает)*. Кого-то ты мне напоминаешь.

Д в о р н и ч и х а. Это не я.

Б о м ж и х а *(оторопело)*. Да я не помню кого.

Д в о р н и ч и х а. А это все равно не я, поняла?

Б о м ж и х а. Нет. А... *(Хочет что-то спросить.)*

Д в о р н и ч и х а. Тс-с! Ангела спугнешь. Счастье пропустишь. *(Кивает на коробки.)* Зимовать где будешь?

Б о м ж и х а. Это у меня демисезонный дом. Я уж кашляю тут. Перебираться пора. На трубы. Слышь, позавтракать бы, а?

Д в о р н и ч и х а. Ну идем! Ладно. Я тебе беляш куплю. С кошатиной. Только не жалуйся потом. Если хвост отрастет.

Б о м ж и х а. С хвостом теплее.

Д в о р н и ч и х а. Я богатая сегодня. *(Звенит мелочью в кармане.)* Свободно могу тебя угостить.

Уходят.

Появляется Бизнесмен, деловито прохаживается, замеряет расстояние, считает шаги.

Б и з н е с м е н. Раз, два, три... Семь, одиннадцать. Не с кем работать. Шестерки озверели. Денег требуют. А какие тут деньги? На пиве? При такой конкуренции. Тут денег – так, на карманные расходы. Вот на ликеро-водочном... Там – да, там шуршит. А мы по мелочи работаем. Стыдно сказать. За всем сам догляди. Нужники и те поручить некому. Здесь, здесь и здесь. Вот так два ряда влезет.

Возвращается Дворничиха, прислушивается.

Б и з н е с м е н. Кабинки, кабинки, кабинки. Бионужники. Пиво свое возьмет. Мэр лично условия поставил: «Я, грит, и сам, Серега, на пивной твой сабантуй побываю, если только чин чинарем нужники устроишь. Чтоб с твоего пива не заделали подведомственный мне город». Мэр меня уважает. И пацаны меня уважают. Я по понятиям живу. Я на благо общества работаю. Праздник людям органирую. Студен-

ток поставлю, в униформах. Плакаты везде: «Пиво от Сереги». Раков подвезу. Для рекламы бесплатно наливать буду. И нужников поставлю, чтоб без очереди. Пивца ноль-пять принял – в нужник, принял – в нужник. Без задержки. *(Оглядывается.)* Листья, коробки. Грязь, хлам. *(Замечает Дворничиху.)* Тут убраться надо начисто. *(Поддевает ногой коробку.)*

Д в о р н и ч и х а. Эй, это дом, демисезонный!

Б и з н е с м е н. Что за муть собачья! Всё у нас не так, не по стандартам. Да на Западе асфальт шампунем моют и щеткой. Я не знаю... Всё не так. *(Критически рассматривает Дворничиху.)* Это женщина? Скажите мне?.. Где здесь – девяносто – шестьдесят – девяносто? Да за границей – ей уж лет сто, песок сыплется, а она всё соблазняет. Лучше молодой. А это что? И не хотим, главное! Что за народ? Ты им цивилизацию, нужники – не хотят! А я запросто кого хочешь ошастливить могу. Ко мне девчонки в очередь стоят. А я и бескорыстно могу. Не веришь? Вон, у остановки, пацан с костылями сидит. Вот пойду и дам ему сто баксов. *(Достает купюру, размахивает перед носом у Дворничихи.)* Это ж по курсу – сумасшедшие деньги... *(Задумывается.)* На что ему? *(Прячет купюру в бумажник.)* Так что – баксы не баксы, а тыщу рублей запросто выделю. *(После паузы.)* Я недавно в детдом мячик купил. Пусть помнят Серегу. Меня все уважают. Ясно? У меня галстук один двести баксов стоит.

Д в о р н и ч и х а. Ты че-то нервничаешь.

Б и з н е с м е н. Я нервничаю? С чего мне нервничать? Меня все уважают. Меня мэр уважает. Меня братва уважает. У меня сынишка в Англии учится. Да меня сам... *(возводит очи горе)* уважает.

Д в о р н и ч и х а. Это кто же? Неужто?.. *(Кивает в небеса.)* Или, может, ты про ангела?

Б и з н е с м е н *(свирепеет).* Да ты лазутчица? Ты чё здесь ходишь, вынюхиваешь, карга старая? То-то я гляжу: пробралась здесь, то, сё, с метлой в зубах... *(Наседает на нее.)* Тебя Ангел подослал? Говори! То-то я его мерс неподалеку приметил. Козни строит. К мэру подъезжает. Дорожку перебежать хочет. *(С горькой усмешкой.)* Ему уж послать некого. Старух на меня натравляет. Не уважает меня. Совсем Серегу за чмо держит. Я ему покажу. Дуй, старуха, к нему и передай, что Серегу голыми руками не возьмешь и если я его мерс тут увижу, я за себя не отвечаю. Нервы тоже не железные!

Дворничиха, вытесняемая со сцены, скрывается.

Б и з н е с м е н. Забыться бы, оттянуться, оторваться.

Закрывает глаза, слушая неслышную еще зрителю музыку. Позади освещается экран. Там – дискотека. Молодые лица, томно изгибающиеся тела. Нарастает музыка, шум. Для застывшего Бизнесмена – это своеобразный аутотренинг, он и телом, и душой – там. Наконец всё стихает.

Б и з н е с м е н *(открывает глаза).* Нормально. Меня все уважают. Мэр, потом – пацаны. Шнур, Корявый... Все уважают. Бизнес мой честный, легальный. Я ж всё для народа. Я нужники хотел... И

поставлю. *(Вновь начинает прикидывать.)* Так – ряд, и здесь два, точно, войдет. Ну, Ангел – со старухами связался. Пацанам сказать – кто его уважать будет?.. *(Бормоча уходит.)*

Декорация изменилась. Сплошь – ряды будочек-кабинок. Только справа – чуть-чуть сквера с уголком скамейки. Вбегает Бомжиха.

Б о м ж и х а *(озабоченно выстраивает у скамейки пустые бутылки).* Ого-го! За полчаса – восемнадцать. Ну, улов!

На экране – происходящий за стеной нужников и киосков пивной праздник. Голоса. Что-то объявляют в мегафон.

Появляется Дворничиха.

Д в о р н и ч и х а. Привет, подруга!

Б о м ж и х а *(кружит вокруг нее радостно).* Сбылось! Сбылось! Ангел прилетел. Зря ты говорила «пива нельзя», наливают бесплатно. Прилетел ангел.

Д в о р н и ч и х а *(испуганно).* Ты что, его мерс видела?

Б о м ж и х а *(оторопев).* Ангелы на мерсах не летают. *(Показывает на бутылки.)* Вот оно! Правда, выходит. Попросила и сбылось. Насчет тары пустой. Ну, помнишь?

Д в о р н и ч и х а. А-а, это. Помню. Мне только пока не являлся. Ни сияющий, ни в костюме, никак.

Б о м ж и х а. А че это он в костюме должен?

Д в о р н и ч и х а. В костюме и с галстуком за двести баксов.

Б о м ж и х а *(изумленно).* За двести баксов?

Д в о р н и ч и х а. А может даже за триста.

Б о м ж и х а. Это ж сколько надо тары сдать!.. *(Оживленно.)* А там – бесплатно наливают. Ты видела?

Д в о р н и ч и х а. Наливают бесплатно, а нужник – пятнадцать рублей. Ну, давай помогу тебе.

Складывают бутылки в пакеты.

Д в о р н и ч и х а. Понесли.

Уходят.

На сцене смена декораций. Арка между домами. В этой подворотне Сын караулит прохожих. Появляется Элла Петровна.

С ы н *(кидается к ней).* Извините, у вас не найдется девятнадцать рублей пятьдесят копеек.

Э л л а П е т р о в н а *(с сарказмом).* Именно девятнадцать рублей и пятьдесят копеек?

С ы н. Да. Счас с приятелем разминулись, а мне надо до больницы доехать.

Э л л а П е т р о в н а. Не найдется. Десятка бы нашлась, а девятнадцать рэ. плюс пятьдесят кэ. – нет.

С ы н. Ну, десять дайте, если девятнадцать жалко.

Э л л а П е т р о в н а. Жалко. Такому здоровому лбу – очень жалко. Я-то свою жизнь отработала. Как не стыдно просить!

Сын (*угрюмо*). Было бы стыдно – не просил бы. Воспитательница нашлась. Мне Диман седня обещал за стенку отдать. Дома есть нечего.

Элла Петровна. И пить?

Сын. Мамаша у меня неизвестно куда запропала. Месяц уже. Мне и так неплохо. Только жрать нечего. Диман выручает. Ну и Женек еще. Берет барахлишко. Мать бы сейчас заныла. Ой-ой-ой! Кому эти черепки спеклись? Кому они упали, эти тряпки? Спасибо – люди выручают, берут. Но как-то мне не по себе без неё. Честно. Привык. Позвонить бы. Да номера не знаю. Ночью даже с ней всё разговариваю. И Иринка не пишет, сеструха. И не звонит. Мобильника нету. Но она никогда больного человека не пожалеет.

Элла Петровна. А вы в самом деле больны?

Сын. А то! Я ж облученный, можно сказать. У нас же здесь пятно радиационное. Нам же платить должны. Только у них не допросишься.

Элла Петровна. Пятно? Ничего подобного не слышала. (*Хочет уйти, вдруг останавливается.*) Как это она сказала?

На экране появляется лицо Писательницы.

Элла Петровна. «Лучше подать, чем просить». Но я принципиально не подаю. Вон какой здоровый лось! Да и кому лучше? Ему? Нет. Может, мне? (*Думает.*) Может, он не для себя, может, он для меня тут стоит. Чтоб мне лучше. Чтоб меня проверить. Чтоб я лучше стала. Бред это! (*Кричит.*) Ересь дикая!

Сын. Вы чего, дама?

Элла Петровна (*открывает кошелек*). На. Вымогатель. (*Высыпает ему в ладонь всю мелочь и сует несколько сотенных.*) И не стой у меня больше на дороге! И не лезь мне в глаза! Ишь ты! Мне же и лучше. А может, я о нем пекусь, чтоб он не погиб. Может, он всю душу мне за пять минут вымотал? Развелось тут!

Сын. Я вас не трогал.

Элла Петровна. О, беспредельность, пошли мне нирвану.

Уходит.

Сын. Подумаешь, из-за девятнадцати рублей...

Уходит.

Действие возвращается в знакомый сквер, спрятавшийся за киосками. Исчезли нужники. Снова – тишина. Вороха листьев. Скамья. Вся в черном появляется Дарья Ивановна, садится на скамью.

Дарья Ивановна. Всё остаётся по-прежнему. Живёт своей жизнью. Идёт своим путем. Только я – неприкаянная, как слепой кутёнок. Тычусь, а кругом

углы и стены. И выхода нет. Выхода нет. Вышла на работу, чтоб среди людей. На стенке сзади – календарь висит. Обернулась случайно, взглядом наткнулась: третье сентября. День смерти его. А прошло-то всего ничего. Два месяца. А как будто целая жизнь. Бездна как будто. Столько всего! Время бездонное бывает, а бывает – плоское, ничего в себя не вмещает. Выталкивает. Меня сейчас выталкивает. (*Встает, прохаживается.*) А мы с Витей любили этот сквер. Он заповедный какой-то. На двоих. Всё в отдаленье – перекресток, торговля. Здесь тихо. Как в раю. Я же не знала тогда, что это райский сад. А мне заново надо учиться жить. Ведь должна же быть какая-то радость. Пришла вот, ищу, смотрю. Не мелкие наши радости и не убогие наши праздники, временные. А какая-то огромная, для всего мироздания. Чтоб если пир – то для всех, чтоб ни одного голодного и жаждущего, чтоб для всех – любовь. И для меня, для нас с Витей. Чтоб боль залечила не смерть, а жизнь. Жизнь – навсегда.

Дарья Ивановна уходит и возникает на экране, среди других людей.

А на сцене появляется Дворничиха с метлой.

Дворничиха. Последние уже листья. Подмораживает по ночам. Лужи ледком затягивает. Последний месяц осени. Лету конец. Да и пора, пора. А мы бы рады нежиться. Нам только подавай, и побольше, и пожирнее. Ох, и жадные мы люди! А красотищи сколько! А небо! А листва! И всё – даром.

Смотрит на экран, где снует людская толпа.

Дворничиха. Люди эти – тоже последние. Потому что каждый – единственный. Прошёл и нет. Как умер для меня уже. И я для него умерла. И мы, как мёртвые, ничего друг другу доброго не дали.

Обращается к зрительному залу, она – связующее звено между зрителями и «людьми улицы».

Дворничиха. Ни я вам, ни вы мне. А ведь мы ж последние. Последние друг для друга. Вы – последние. Я – последняя. О чём говорю? Что думаю? Сама себя не понимаю. Может, объяснит кто-то мне – что оно такое – жизнь? Последняя я, последняя идиотка.

Снимает жилет, кладет на скамью. Аккуратно ставит рядом метлу, ведро.

Дворничиха. Последнее дежурство. Вот и всё. (*Зовёт.*) Сынок, ты как там без меня? Я уже иду...

Скрывается. И возникает на экране. Постепенно толпа заслоняет её. Зрители и «люди улицы» – наедине.

Конец.

ТЕАТР – ЖИВОЕ ИСКУССТВО

Ульяновскому молодежному театру в октябре исполнилось три года. Возраст младенческий, но ульяновский зритель успел полюбить этот театр, его репертуар, незаурядный коллектив молодых артистов. Мы встретились с художественным руководителем театра Алексеем Вячеславовичем Храбсковым (Вольным). Он же – артист-ведущий мастер сцены Ульяновского драматического театра имени И.А. Гончарова, зав. кафедрой актерского искусства УлГУ, кандидат педагогических наук.

– Три года театру. Много или мало? Тяжело ли рождался?

– Я не могу сказать, много или мало... Практически не удается рефлексировать, оценивать объем сделанного, степень вложения, уровень значимости. Всё время нахожусь в процессе. Внутри процесса. Всевозможные планы и отчеты в государственной структуре заставляют в какой-то степени распределять силы и подводить итоги. Но это тоже труд. В общем, «... поражение от победы ты сам не должен отличать».

Конечно, любое рождение проходит тяжело. Тяжело и радостно. И поэтому посильно и переносимо. Трудность скорее в том, что мы полезли в воду, не зная броду. И, конечно же, во многом находились в области идеальных представлений по отношению к реальной действительности. Но жизнь всё расставляет на свои места. А радостно оттого, что в новых условиях, в процессе преодоления происходят открытия. В первую очередь открытия молодыми актерами самих себя, своих новых человеческих качеств, которые проявляются в экстремальных условиях; открытия своих скрытых задатков – творческих или организационных – не важно. Главное – открытие. А это всегда радость. Причем не умозрительная, а всем существом.

– Знаю, что проблем много. Кинотеатр «Художественный» – не идеальное помещение для театра. Как решаются эти проблемы?

– Решаются медленно, но верно. Зданию требуется ремонт. Деньги в проект бюджета Ульяновской области на это заложены. В будущем году планируем разработку проектно-сметной документации на ремонтно-реставрационные работы. Нужно, чтобы в «Художке» всё равно кипела жизнь. Вот недавно взяли дружно и по-комсомольски устроили субботник. Устраиваем мозговые штурмы, изучаем, исследуем, проектируем, репетируем, ищем. Чтобы театр стал в «Художке» центром молодёжной культуры.

– Вы давно работаете в УлГУ, защитили диссертацию. Признанный артист и режиссер. Казалось бы, о чём ещё мечтать? Но Вы взвалили на себя тяжелейший груз и огромную ответственность. Зачем?

– Если я буду думать, что это тяжелейший груз и огромная ответственность, то надорвусь. Стараюсь не думать, что тяжело. Просто иду и все. И здесь, наверное, самым ценным для меня становится поддержка.

Алексей Храбсков (Вольный), художественный руководитель театра

Для меня Молодёжный театр – еще и возможность сохранить театральную школу, то направление, которое зародилось в Ульяновске в 1996 году на факультете культуры и искусства УлГУ. Тогда была идея открыть в университете учебный театр на основе нашего выпускного курса. Но руководители смотрели шире и открыли театр не только для университета, но и для всей области. Сначала – «Небольшой театр». Молодёжный тоже получился областным. Для всей молодёжи области. Он тоже, как и Театр юного зрителя, открытый в 2001 году, состоит из выпускников-актеров Ульяновского государственного университета. Это результат многолетней кропотливой работы, и моя диссертация стала катализатором, переворотом в сознании, в понимании, в оценке собственных сил и возможностей. Моей заслугой был только рывок, основанный на вере в меня моих учителей.

Мои театральные учителя – Борис Владимирович Александров и Михаил Вартанович Скандаров, а

в научной деятельности – Ирина Викторовна Юстус. Учитель верит в своего ученика больше, чем сам ученик верит в себя. И здесь я абсолютно счастливым ученик. Вечно, вечно буду им благодарен.

– Труппа. Какая она? Как собиралась? Что можете сказать о своих артистах? Ребята по-прежнему работают на энтузиазме?

– Ребята прекрасные. Живые, ищущие, настоящие. У них всё впереди. Все до одного – выпускники специальности «Актерское искусство» УлГУ. Три года назад на защите дипломного спектакля очередного театрального курса мы прощались со студентами с тяжелым сердцем. Очень жаль было расставаться. В очередной раз разлетались воспитанники Кларины Ивановны Шадыко. Я на ее курсе был ведущим педагогом, уделял ребятам много времени. Мы дружили. А через пару дней ко мне подошел Данила Мельников и предложил идею, чтобы остаться вместе. Чтобы курс, на котором они воспитывались, продолжил жить, вырос и превратился в театр. Меня очень взволновало это предложение. Действительно, можно было рискнуть. В репертуаре уже были наработанные за годы учебы спектакли, ребята готовы были экспериментировать.

3 августа 2016 года группа молодых актеров в креативном пространстве «Квартал» представила совершенно новый проект – «Шоу актерских импровизаций». И заявила о себе как Молодёжный театр. А 11 сентября того же года мы открыли свой первый театральный сезон. Зажмурились и открыли. Через год у нас уже было 9 постановок. К нам стали примыкать единомышленники. Тогда мы обратились за поддержкой к органам исполнительной государственной власти. Так начался диалог, который привел нас к Сергею Ивановичу Морозову. Губернатор услышал нас и дал шанс.

– Есть первые победы. Расскажите о них.

– Честно говоря, к победам отношусь трезво. Берем высоту, отдышались и – вперед. Но ведь во всех этих победах не только наши заслуги. В прошлом году мы стали государственным театром с бюджетным финансированием. Это же с ума сойти! Победа? Наверное. Точнее – благодать. Это случай, Бог, невероятное стечение обстоятельств. Сейчас театры не открывают. А в Ульяновске открыли! Тут сошлись и наши усилия, и воля руководителя области; наше жгучее желание и покровительство председателя регионального отделения СТД и директора драмтеатра Натальи Александровны Никоноровой; наши навыки, которые «выковывались» в недрах факультета культуры и искусства под руководством Татьяны Евгеньевны Никитиной и Елены Леонидовны Силантьевой, готовность к новым свершениям и сотрудничеству Оксаны Владимировны Солнцева и Ирины Владимировны Лукьяновой. Даже недоверие некоторых друзей заставляет двигаться дальше. Обстоятельств и заслуг сотни! Молодёжный театр захотели не только мы. Его захотели очень многие. Поэтому это не победа, а провидение.

– Вы много экспериментируете. Что это дает?

– Театр – живое искусство. Любой спектакль – эксперимент. Даже если мы опираемся на тради-

цию, все равно это опыт, а результат – либо успех, либо провал. Театр не может быть музеем, в котором законсервированы догмы. Для молодого человека любая традиция скучна. Именно потому, что молодые люди часто находятся в иллюзии, начинается все новое и покоряются вершины. Подспудно ими движет желание начать новую жизнь, свою, ни на кого не похожую.

Наши молодые артисты тоже хотят, чтобы с них начался новый мир, новый театр. Поэтому мы ищем современную драматургию, новые жанры, актуальные темы.

– Вы прекрасный актер. Никогда не хотелось бросить все и просто играть, реализовать себя как актёра?

– Всегда хочется. Бросить все и играть. Это так здорово. И безопасно.

Я знаю, что делаю большое доброе дело. Это возможность. Я не знаю, смогу ли сделать такое же большое, доброе дело, будучи только актером. Там тоже должны сложиться сотни обстоятельств. Пока они складываются в области Молодёжного театра. Здесь я чувствую себя сильным. И относительно независимым. А это очень для меня важно – чувствовать себя сильным и независимым. Как для любого мужчины, я думаю.

– Что в вашей жизни значит семья? Дарья Долматова – яркая актриса, самостоятельная творческая единица. Тяжело двум творческим людям в одной повозке?

– Семья – мое счастье. Моя самая главная поддержка. Я недавно получил водительские права, сел за руль. И в первое же лето мы махнули на море. Прокатили 2000 километров в одну сторону и столько же обратно. Если бы можно было ехать так вечно! Ехать, ехать. А рядом Даша и Петя. Всю жизнь.

Мы с Дашей хорошо друг друга понимаем, мне кажется. И прощаем. И ценим. 17 лет мы женаты. С каждым годом все чаще смеемся над одними и теми же вещами, горюем об одном и том же. Ну а ссоры – это в любой семье. Главное – прощать.

Даша – прекрасная актриса. Когда я смотрю ее работы, если не занят с ней в одном спектакле, потом говорю: «Я не знаю, это ты такая хорошая актриса или я тебя так люблю».

– Чем еще готовы порадовать зрителя в ближайшее время?

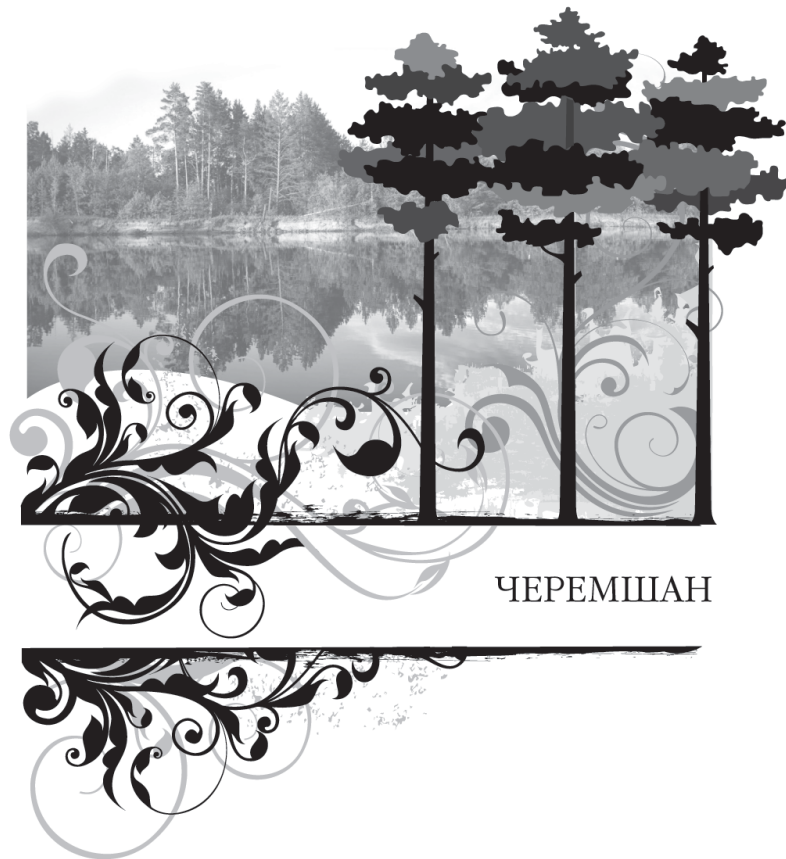
Молодёжный театр снова переедет! И начнет сезон на новом месте. Это всем известный Дом Техники на перекрестке Минаева и Железной Дивизии, д. 6. Мы откроем новый сезон 26-27 октября спектаклем «В день свадьбы» Виктора Розова в постановке замечательного режиссера Владимира Баева.

Это мудрый, глубокий режиссер. Мастер. Спектакль о любви. На разрыв, что называется. Знаю, что эта пьеса с огромным успехом идет в Питере в Молодёжном театре на Фонтанке в постановке Семёна Спивака. Очень хочется, чтобы и у нас она имела большой успех.

Беседовала Ольга Шейпак

Фото Марии Чурбановой

Группа театра в ВК: molodezhnyi_theatr_ulsk

Наталья СИМОНОВА родилась 16 октября 1982 года в г. Димитровграде Ульяновской области. Пишет стихи, рассказы, сказки. Участвовала в городских фестивалях творчества инвалидов, в литературных конкурсах и творческих встречах.

Инга Гаак о Наталье Симоновой:

«Наташа Симонова – светлый, солнечный человек! Наверное, она живет в волшебном выдуманном мире: ведь люди, окружающие её, как один – замечательные, погода за окнами – удивительная, каждый миг – уникален и достоин быть запечатлённым!»

Нет, Наташа не принцесса в хрустальном замке, она – человек, тонко чувствующий мир, переживающий не только из-за собственных трудностей, но вздрагивающий от каждого грубого вмешательства в мировую гармонию. Она не только сторонний наблюдатель мира за окном, Наташа вовлечена в культурную жизнь Димитровграда, насколько позволяет передвижение в коляске – она участник поэтических встреч на Верхнем пруду «На фоне Пушкина», восторженный зритель концертов «Летнего меридиана» open-air и спектаклей театра «Подium», постоянный слушатель концертов гитарной музыки.

И впечатления изливаются на бумагу. Стихи, рассказы, сказки... И что-то получается более наполненным, объёмным, что-то – менее, но Наташа – воин, работает над своими произведениями, не опасаясь возвращения к уже опубликованным вещам, и способна переписывать «провисающие» фрагменты. И порой её читатели даже не догадываются, что Наташе ежедневно приходится преодолевать несколько иные бытовые трудности, нежели им, но личные проблемы остаются, как правило, за гранью творчества: слабость тела – это, по большому счёту, для неё неважно, парение духа в области фантазий и способность любить всем распахнутым сердцем – в этом её большая сила».

Наталья СИМОНОВА, г. Димитровград

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К НОЯБРЮ

Рассказ

В этом году осень поспешила бросить на землю тонкий белый платок первого снега. Обычно она делала так только в начале ноября.

Мои второклашки слегка приуныли от лежащего на зеленых листьях белого пуха от платка осени. Увидев грустинки в глазах ребят, я спросила, что случилось?

– Очень быстро кончилось лето, – грустно сказал Паша.

– И оставило нам мало впечатлений, – вздохнула его соседка по парте, худенькая Марина.

– А мне нравится ноябрь, – послышался робкий голос с задней парты.

– Ему ноябрь нравится, посмотрите на него! – ухмыльнулся на сказанное самый острый язык класса, толстяк с румяным лицом Рома Муругин.

Он был всегда не против над кем-нибудь поиздеваться. Вот и сейчас, сощурив большие синие глаза, мальчик смотрел, как на задней парте от его слов густо покраснел Дима Орешин, худощавый с бледным лицом. Он учился в нашей школе не так давно, и ребята были для него чужие. Рома чувствовал себя лидером среди одноклассников и не упускал момента подтрунить над ним.

– Муругин, прекрати! – мой голос звучал тихо, но требовательно.

Рома вел себя так, как будто обращаются не к нему.

– Не вижу ничего хорошего в ноябре: холод, снежно, брр... такую погоду только медведи на северном полюсе любят и пингины в Антарктиде! А ты у нас кто – медведь или пингвин? – обратился он к Диме колким тоном.

– Я не пингвин! – с обидой выкрикнул Дима и привстал с места.

Видно было, что кулаки мальчика сжались.

Я отложила классный журнал и подошла к нему, чувствуя, что, если не вмешаться, может возникнуть ссора.

– Успокойся, пожалуйста, присядь, – ласково положила ладонь на плечо ученика.

От моего участия искры обиды, вспыхнувшие от слов Ромы, начали гаснуть. Тем временем в классе разгорелся спор о минусах и плюсах ноября.

– Меня, например, тоже прикалывает этот осенний месяц, – вступилась за Диму Ира, соседка Ромы по парте. – Новый год близко и вообще...

Каждый из детей бросал свой уголек в костер жаркой дискуссии. Пытаясь потушить пламя разгоравшегося спора, я громко предложила:

– Ребята, давайте вы свои мнения о ноябре выскажете не вслух, а на рисунках. Лучшие работы поместим в стенгазету. Итак, тема урока – иллюстрация к ноябрю. Хотя тема сегодня – натюрморт, но мы её перенесем на следующее занятие. А пока фантазируем на тему осени...

Раздав плотные альбомные листы, я с интересом наблюдала, проходя между парт.

На листе у Паши, загрустившего об ушедшем лете, широкое окно, за которым косыми полосами лил дождь. Велосипед с печальной мордочкой на руле стоял у окна. Маленькими черными глазами косился на полосы дождя. Рисунок Марины показывал темно-синее море, вздымающее вверх высокие волны. Белые пенные ледяные гребни волн доставали до серой плотной шторы – тучи, затянувшей всё пространство неба. Стоит тронуть тяжелый, низко висящий материал шторы, как из него хлынет бесконечный поток дождя, пополняющий штормящее море.

Склонив светлые длинные волосы над партой, трудилась Ира, используя яркие карандаши. Она решила остановить в цвете момент семейной лыжной прогулки ноябрьским днем. Розовощекие мама, папа и дочка в лыжных костюмах стояли на лыжне.

Я подошла к парте Димы, пытаюсь заглянуть, что он творил на бумаге, но не удалось. Мальчик плотно загородил локтем рисунок...

Увидела работу Димы только после звонка.

– Ты рисовал дольше всех, – улынулась я.

Дима убрал карандаши в пенал, а на столе остался рисунок старой разлапистой рябины. На её ветвях ещё сохранилось постаревшее золото осени. Золотое и багряное богатство листьев служило фоном для крупных рубинов ягод, припорошенных белой пудрой снега. Эту мелкую пудру так и хотелось смахнуть теплыми пальцами.

– Где ты видел такое дерево? – тихо спросила я, переводя восхищенный взгляд с листа на мальчика.

– Оно росло на работе у моей бабушки, в санатории «Волжские зори» в Самаре. Мы жили там. Моя школа была близко. После уроков я шел к бабушке на работу. Там играл с ребятами. Часто бегали мимо этой рябины.

– А почему Вы спрашиваете? – оживился Дима, в его глазах заплясал огонек.

– Я начинала работать в этом санатории восемь лет назад, помню эту рябину. Она и правда очень, очень красивая. Ты замечательно рисуешь! – взяв в свою руку потную от волнения ладонь мальчика, я заметила его стеснительную улыбку.

На следующий день, когда мои ребята столпились у импровизированной выставки в классе, услышала как Ромка присвистнув сказал кому-то:

– Орех-то не пингвин! А художник!

На перемене Ромка подошел к Диме:

– Послушай, давай дружить! Забудь пингвина! Я сам такой, видишь? – Ромка прошел несколько шагов походкой, как у пингвина...

Мальчики засмеялись и вместе пошли в столовую.

**ЗА БАЙКАЛОМ.
ФОТОГРАФИИ ТАТЬЯНЫ СЕМЕНОВОЙ-ДУЛЬСКОЙ.**

Бурятия моя родная

Багульник

Гора Омуревка

Пещера. Заиграевский район

На Селенге

Отражение в озере

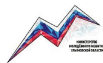
Фото Татьяны Семёновой-Дульской.

ЖИВОЕ ИСКУССТВО

УЛЬЯНОВСКИЙ МОЛОДЁЖНЫЙ ТЕАТР

Художественный руководитель
ОГАУ «МТЦ «Ульяновский молодёжный театр»
Алексей Храбков

ВИКТОР РОЗОВ

В ДЕНЬ СВАДЬБЫ

РЕЖИССЁР-ПОСТАНОВЩИК
ВЛАДИМИР БАЕВ

ХУДОЖНИКИ-ПОСТАНОВЩИКИ
ЕКАТЕРИНА КОПТЕЛОВА,
АННА КУДЕЛИНА

16+

Молодежный театр открывает сезон спектаклем Виктора Розова «В день свадьбы» в постановке режиссера Владимира Баева.

Интервью с художественным руководителем Молодёжного театра Алексеем Храбковым читайте на стр. 45-46

МИР НА КОНЧИКЕ КИСТИ ПЕЙЗАЖИ ИРЕКА НУРТДИНОВА

Гармония осени. Свяга. 2015 г., к.м., 70x100 см

Август. х.м., 60x80 см, 2004 г.

Окрестности. Село Прислониха. к.м., 50x70 см, 2011 г.

Банный день. Село Прислониха.к.м., 50x70 см, 2011 г.

Ветреный день на Волге. х.м., 80x90 см, 2010 г.

Волга. с. Ундоры. 2012 х.м., 88x110

В Центральной городской библиотеке им. И.А. Гончарова организована выставка картин постоянного участника Международного пленэра «Мир на кончике кисти», художника Ирека Нуртдинова.

РАБОТАТЬ НАДО ВСЁ ВРЕМЯ, КАЖДЫЙ ДЕНЬ...

Интервью с художником Иреком Нуртдиновым

Мы в мастерской Ирека Харисовича Нуртдинова – известного ульяновского художника, замечательного пейзажиста. Беседуем о жизни и искусстве.

– **Ирек Харисович, расскажите о своей семье, о детстве.**

– Семья у меня шахтерская. Родители – простые люди. Может, в магазине и были карандаши и бумага для рисования, но дома ничего такого не было.

Я видел, что родители письма писали на тетрадных листах, а химический карандаш прятали от меня на шифоньер. Я отрезал газетные поля, склеивал эти полоски и рисовал на них. Карикатуры Кукрыниксов срисовывал! Это еще до школы, лет в пять. А потом все время в школе и в армии стенгазеты рисовал. Позже закончил Чебоксарский худграф. Первая выставка профессиональных художников, в которой я участвовал, – это 1972 год. Потом во Всесоюзной в Москве – в 1983 году.

А позже меня пригласили в Ульяновск, в Ундоровский санаторий работать. Там художник был нужен, не оформитель, а именно живописец.

Так в 1986 году началась для меня тема Волги. Много пейзажей там написано.

А сейчас в основном в Прислонихе работаю. Это мои любимые места.

Я там много пишу, зимние пейзажи в основном. Здесь мы проводим международные пленэры. Каждый год осенью из разных городов приезжают художники. В этом году тоже приедут с разных концов страны – из Казахстана, с Урала, Поволжья.

Желающих очень много, это приглашение очень ценится. Дважды никого приглашать не приходится. Это мечта каждого художника – побывать на родине А.А. Пластова, где он свои картины создавал, его усадьбу посмотреть.

– **Ирек Харисович, вы как-то рассказали потрясающую историю про Прислониху...**

– Я приглашал на пленэр в прошлом году художников из Казахстана. У одного лицо было как бы опухшее, кожа красная. Очень он стеснялся своего лица. Объяснял, что это какое-то кожное заболевание. Его и в Израиле лечили, ничего не помогло.

Я сказал ему: здесь, в Прислонихе, есть родник со святой водой. У нас бог один, делай омовение по мусульманским обычаям и ходи на родник, читай Коран. И вот через четыре-пять дней все прошло у него – и краснота, и воспаление. Ходит – плачет. Говорит: я так радуюсь. Уехал здоровым отсюда. Увез отсюда несколько бутылей святой воды. Вот что значит Прислониха!

Берег Волги. орг.м., 60x70 см, 2009 г.

Мы открыли Дом творчества рядом с усадьбой Пластова. Можно приезжать туда в любое время года работать. На пленэре мы десять дней живем там в одном доме, едим из одного котла, общаемся много вечерами. Выставки потом делаем обменные в Татарстане и здесь, в Ульяновске. Мы же художники, всю жизнь учиться должны. И друг у друга в том числе.

– Как вы относитесь к рисованию по фотографии?

– Никогда этим не занимаюсь. Я же не пишу заказные работы. Не люблю это.

Повторение работы для меня тоже неинтересно.

– Ирек Харисович, что Вы читаете?

– Любил очень сказки в детстве. До сорока лет их читал, а сейчас читать некогда совсем. Смотрю альбомы с работами художников. *(В мастерской большая коллекция книг по искусству – Прим.авт.)*.

С утра до вечера в мастерской работаешь, времени нет. Меня дома тоже мало видят. Много ездить приходится на пленэры. Часто приглашают в Татарстан, в Чувашию мастер-классы проводить для детей. С ними интересно работать, у них тоже поучиться многому можно.

– Вы говорили, что Ваша внучка в детстве хорошо рисовала.

– Внучка ходила вместе со мной на этюды, когда маленькая была. На берегу из голубой глины лепила фигурки. Здорово так у нее получалось. Она занималась у Евгения Георгиевича Усерднова в художественной школе. Сейчас Милана учится на дизайнера в Казани. Выбрала специальность «ландшафтный дизайн».

Дочь Анжела тоже хорошо рисовала, но ее профессия никак не связана с искусством. А вообще в семье никогда художников не было.

– У Вас много выставок. Вы считаете, это важно для художника?

– Это важно, конечно: надо же и себя показать, и других посмотреть.

Для чего же я все это делаю? Это как отчет, персональные выставки нужны, чтобы ты мог показать, что ты делал пять лет. Коллеги пусть смотрят, есть движение или нет.

Дарю много своих картин. У нас же тут в доме

Болгары, р. Волга. 2007 г., к.м., 50x70 см.

поликлиника, стоматология. Главный врач мне сказал: у нас в конференц-зале пусто. Теперь там много моих работ. В школы дарю, в библиотеки.

– Как рождаются картины?

– Чтобы написать картину, нужно собирать материал, «кормить» картину этюдами. На природе надо побыть, осмотреться. Потом домой приедешь, в мастерской отбираешь удачные этюды. Из ста может иногда только два, три удачных этюда получиться. А потом строишь картину, меняешь композицию.

А работать надо всё время, каждый день. Не ждать вдохновения, оно может не прийти. Нельзя говорить, что сегодня я устал, не буду работать. Надо рамы делать, холсты, грунтовать, краски готовить.

Я на работу еду в маршрутке, а сам думаю, как мне краски смешать, как построить композицию. Художник не фотограф. Зритель не должен знать, что я дерево где-то убрал или цвет поменял, потому что это так важно для композиции.

И главное, не надо делать «красиво», не надо думать, купят картину или нет.

Самое красивое время – весна. Пластов ведь тоже любил весной в Прислонихе работать.

Летом труднее. Осенью и зимой пейзажи интереснее писать. Цвет тоньше, сложнее.

Часто спрашивают, какая работа у меня лучшая. Нет такой. Каждая следующая лучше должна быть, чем предыдущая.

Беседовала Ольга Тюрина

Наша справка:

Нуртдинов Ирек Харисович (1953 г.р.) родился на Урале в городе Кизеле в семье шахтёра. В начале 1970-х учился на художественно-графическом отделении Чебоксарского педагогического института. В 1986 году переехал в Ульяновск. В 1992 году принят в члены УРО ВТОО «Союз художников России».

Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, удостоенный благодарности Министра культуры Российской Федерации, участник международных, всероссийских, республиканских и областных выставок и пленэров, организованных в России, Италии, Польше, Ирек Нуртдинов с увлечённостью исследователя и взглядом романтика создаёт свой портрет природы, в которой точкой опоры его творчества становится земля Аркадия Пластова.

Постоянный участник международного пленэра «Мир на кончике кисти», Ирек Нуртдинов создал целую коллекцию пейзажей Прислонихи – родины народно-художника СССР А.А. Пластова.

МОСТ ДРУЖБЫ

Алина Осокина родилась 15 июня 1991 года в Ульяновске. Окончила исторический факультет Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова. Работает библиотекарем во Дворце книги – Ульяновской областной научной библиотеке им. В.И. Ленина.

Лауреат и дипломант областного молодежного литературного конкурса «Первая роса» разных лет.

17 сентября 2019 года в Минске прошла торжественная церемония награждения лауреатов IV конкурса молодых литераторов Союзного государства «Мост дружбы». Победителями конкурса стали 10 человек – по 5 авторов от российской и белорусской сторон. В число лауреатов вошла и Алина Осокина с рассказом «До первого снега».

Произведения победителей издали в альманахе сразу на двух языках: русском и белорусском. Литературный альманах, а также дипломы победителям вручил заместитель государственного секретаря – член Постоянного комитета Союзного государства Дмитрий Соловьев.

Алина ОСОКИНА

ВОЛХОВА

Рассказ

Вой сирены разрезает тишину ночного города. Машина скорой помощи сворачивает с дороги и подъезжает к торцу дома. Оконное стекло в квартире на первом этаже выбито, на земле валяется горшок с геранью. Рядом переливается огнями, как новогодняя гирлянда, сирена полицейского «бобика».

Открывается дверь скорой, из неё выскакивает молодая миниатюрная женщина в синей куртке, за ней худосочный высокий парень с оранжевым ящиком. Оба скрываются в подъезде.

Женщина первая заходит в открытую дверь квартиры, сотрудник полиции провожает её на кухню. У разбитого окна на столе валяются пустые бутылки, бычки сигарет, ветер треплет занавески. На полу лежит человек с разбитой головой, кругом стекло, кровь... Опоздали. Остаётся лишь диагностировать смерть.

– Обычная драка, бытовуха, – заключил полицейский с некоторой досадой.

Врач оформляет необходимые бумаги и спешит на новый вызов. Что-то беспокойная выдалась смена: второй труп подряд. На предыдущем вызове она зафиксировала смерть бабушки, долго и тяжело болевшей, вроде бы ничего особенного, а на душе гадко.

Смерть всегда преследует машину скорой помощи, а иногда бежит впереди, заглядывает в окна: ну что, ещё не пора? Такими страшилками её пугали на станции скорой помощи, когда она совсем молодой девчонкой попала туда. На самом деле смерть попадалась ей на пути не так уж и часто, это сегодня что-то не повезло.

Света пришла работать на скорую помощь три года назад. Никакой романтики, просто нужно было зарабатывать деньги, чтобы лечить парализованного деда. Она прекрасно понимала, что вылечить его уже невозможно, но поддерживать на должном уровне было необходимо. Мама специально ушла на пенсию, чтобы ухаживать за больным, так Света осталась единственной кормилицей.

Отца она никогда не видела, ходили слухи, что это хирург из больницы, у которого мама долго работала операционной медсестрой, но сам потенциальный отец на эти слухи никак не реагировал, а мама повторяла одно и то же:

– Зачем тебе отец, разве со мной и с дедом тебе плохо живётся?

Жилось и правда неплохо, особенно в детстве, когда дед садился играть на баяне, а маленькая белокурая Света в лёгком платьице кружилась рядом и пела:

Валенки, валенки,
Эх, не подшиты стареньки,
Валенки да валенки,
Эх, да не подшиты стареньки.

Соседки называли Свету егозой и певуньей и прочили ей будущее артистки. Мама от подобных перспектив всячески открещивалась: «Только артисток нам не хватало». А Света знай себе напевала по дороге в детский сад, играя с куклами и даже во сне что-то мычала под нос.

Особенно она любила вечером выйти в подъезд

и затянуть какую-нибудь народную песню, которую эхо разносило с первого и до последнего этажа. Соседи взмолились: «Отдайте девочку в музыкальную школу, пусть себе там поёт, сколько ей хочется! Хватит нас мучить!».

Мама, которая тоже изрядно устала от ежедневных Светиных концертов, решила отдать девочку в хор. У них каждый день занятия, может, хотя бы там она напоётся вдоволь и перестанет терроризировать подъезд. Света была рада: петь ей нравилось больше всего, она чувствовала себя птицей, которая свободно парит над гладью моря, или рыбой, которая в этом же море опускается на неведомую глубину.

Руководитель хора – статная, высокая шатенка лет сорока с низким грудным голосом – внимательно прослушала Свету и заключила: «Голос от бога, но нужно трудиться». И девочка начала заниматься изо всех сил, чтобы не просто сливаться в общем хоре детских голосов, а непременно солировать. Через год она стояла на сцене и высоким чистым голосом пела:

Слышу голос из прекрасного далёка,
Голос утренний в серебряной росе,
Слышу голос, и манящая дорога
Кружит голову, как в детстве карусель.
А хор подхватывал:

Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко,
Не будь ко мне жестоко, жестоко не будь.

Мама сидела в первом ряду и сдержанно аплодировала, чтобы дочь не задирала нос, а Света с нетерпением ждала, когда вернётся домой и они с дедом затынут любимые «Валенки».

Однажды в их город приехал столичный театр, давали оперу «Садко». Мама каким-то невероятным образом достала пригласительный на два лица. Сама она к оперному искусству была равнодушна, но решила показать дочери «настоящих» артистов. Света была очарована спектаклем: красочные декорации, костюмы, голоса.

– Да, это вам не Большой, – скептически шептались в зале заядлые театралы.

Но Света их не слышала, целиком и полностью она была там, на сцене. Казалось, музыка проходит через неё, и вот уже она на берегу Ильмень-озера видит новгородского купца Садко и морскую царевну Волхову, а вот уже она вместе с Любовью тоскует: «Ох, знаю я, Садко меня не любит», вот ей навстречу идут заморские купцы. Но все алмазы в каменных пещерах меркли по сравнению с морем, которое разлилось на сцене к пятой картине. Оно, конечно, было бутафорским, да и настоящего моря Света никогда не видела, но это было неважно. Девочку манили сказочные обитатели подводного царства, морские раковины и сама Волхова в белоснежном платье, которое сверкало драгоценными камнями в свете софитов. Сердце Светы замерло, когда Волхова запела колыбельную, ничего лучше девочка в своей жизни ещё не слышала. В тот же миг она поняла, что непременно хочет стать оперной певицей и выйти на сцену в этой партии. Ещё Света поняла, что оперные артисты – самые счастливые люди на свете.

После окончания спектакля мама насилу увела дочь из театра. Света уходила с твёрдой уверенностью, что однажды вернётся и обязательно будет петь!

Многие престижные вокальные конкурсы остались позади, все педагоги в один голос твердили, что у Светы талант, и никто не сомневался, что жизнь свою она обязательно свяжет с музыкой. Однако её будущее оказалось не таким уж и прекрасным. Когда Света заканчивала школу, дед тяжело заболел, а потом и вовсе слег. Мама разрывалась между работой и домом, денег катастрофически не хватало. Разумеется, ни о какой музыке речи уже не шло, зато были связи в медицинском институте. Света без труда поступила на бюджетное отделение, а по ночам подрабатывала санитаркой у мамы в больнице.

Мама была человеком практичным. Она рассудила так: в медицине у дочери всегда будет надежный кусок хлеба, а у артисток жизнь такая непростая, вот пропадёт голос, и что делать дальше? На что жить? А здесь какая-никакая определённость.

Для Светы это было трагедией, крахом её заветной мечты. Можно было рыдать дни и ночи напролёт, можно было скопить денег и уехать учиться в консерваторию, но Света этого делать не стала. Семью она любила больше, чем сцену, и бросить маму с больным дедом не могла. Все её концерты теперь проходили для одного единственного зрителя. Вечером она садилась у постели деда и начинала напевать «Валенки», а он слушал и пытался улыбнуться, но не мог.

К медицине Света относилась так же, как больные относятся к горьким таблеткам, которые нужно принять и не обязательно любить. Она с отличием закончила институт, потом интернатуру и пришла на станцию скорой помощи.

Миниатюрная блондинка с мелкими кудряшками, собранными в тугой узел – никто бы и не догадался, что врач, если бы не синяя куртка. В бригаде их было трое: она, водитель и фельдшер Игорь – двадцатилетний парень, который повсюду следовал за ней с оранжевым ящиком, как верный Санчо Панса.

Через несколько дней совместной работы Света знала о своём напарнике практически всё. После девятого класса Игорь неожиданно воспылал страстной любовью к медицине и выучился на фельдшера, после колледжа загремел в армию, а уже потом пришёл работать на станцию скорой помощи. Он хотел получить высшее образование и несколько раз пытался поступить, но безуспешно. Игоря нельзя было назвать целеустремленным или надёжным, зато он был коммуникабельным, и это качество иногда в их работе было просто необходимо.

Вызов. У больной диабетом женщины сахарная кома, нужна срочная госпитализация. Тётка весом за сто килограммов. Кто её потащит? Игорь да Света? Простят дочь найти мужиков, чтобы погрузить больную в машину, та бьётся в истерике: «Вам надо – вы и ищите! Вы обязаны! Вы должны!» Игорь бежит в подъезд звать соседей. Через несколько минут появляются трое здоровых мужиков, которые грузят тётку в машину, от дочери ни слова благодарности. Если разобраться, дело не такое уж и сложное, а выполнять его почему-то должен фельдшер.

Света с Игорем выходят из подъезда и быстро

садятся в машину. Следующий вызов.

– Притормози у киоска, а то жрать охота, – говорит Игорь водителю.

– Игорь, у нас вызов. Ты с ума сошёл? – вмешивается Света.

– Да ладно тебе, я же быстро. Тормозни-ка.

– Игорь, у нас пациентка с высоким давлением.

– Да у этой бабки давление по десять раз на дню скачет.

– Мне рассказать тебе об инсульте или о других последствиях гипертонического криза?

Света сверлит его взглядом, как старшая сестра непослушного братца. Машина останавливается. Игорь молниеносно выскакивает и через минуту возвращается с беляшом, который тут же жадно заглатывает.

– Поехали, – говорит он, и машина трогается.

Света отворачивается к окну, она не хочет разговаривать со своим фельдшером и всем своим видом демонстрирует это. Игорь не обращает на неё внимание. Включается рация.

– Ребята, Света рядом? – спрашивает диспетчер.

– Нет, – из вредности отвечает Игорь.

– Только что вызов поступил на её адрес.

Игорь выключает рацию. Света блее самого чистого медицинского халата.

– Останови! – кричит она водителю.

– Ты с ума сошла, у нас же вызов! – кричит на неё Игорь. – Это уже не шутки, Света! Успокойся, мы едем на вызов! Там ты ничем помочь не сможешь.

Света отворачивается к окну. Это всего лишь минутная слабость, сейчас она соберётся. Конечно они едут на вызов, иначе никак нельзя. Света достаёт мобильный телефон, пытается дозвониться домой, но никто не отвечает.

В квартире пациентки Света быстро достает тонометр, измеряет давление. Игорь аккуратно вводит магнезию. Бабка возвращается к жизни:

– Спасибо, сынок, такой молодой, а уже доктор.

Игорь что-то шутит в ответ.

Едут на станцию. Телефон по-прежнему молчит. Случилось что-то очень плохое, предчувствие Свету ещё никогда не обманывало.

В этот день умер дед.

– Отмучилась, – сказала мама, убирая его постель.

В квартире сразу стало пусто. Не то чтобы дед последние годы наполнял дом жизнью, но без него было неуютно. И только старый баян за ширмой напоминал о былых временах.

Нельзя валенки носить,

Не в чем к миленькой сходить.

Света сама прекрасно знала, что ничем не могла помочь деду. Но мысль о том, что тот злополучный вызов мог прийти на её машину, не давала покоя. Тогда всё было бы иначе. Она была бы рядом с дедом. Пусть даже в последние его минуты.

Света знала, что однажды деда не станет и в его положении это был не самый плохой вариант. Где-то в глубине души она была готова к такому исходу, но нужно было время, чтобы всё осознать и вернуться в привычное русло. Мама отнеслась ко всему спокойнее, сначала она с головой ушла в хлопоты с похоронами, потом раздала или выбросила вещи деда, только старенькому баяну удалось спастись, переехав на антресоль.

Внезапно у мамы образовалось много свобод-

ного времени. Первым делом она решила сделать генеральную уборку, затем пошла в поликлинику выбивать направление на путёвку в санаторий. Но вскоре эти занятия ей наскучили, и она принялась устраивать личную жизнь дочери. Сама родила Свету в тридцать шесть и теперь вдруг спохватилась, как бы та не повторила её судьбу.

– Ну что у вас мужчин на работе свободных совсем нет? – пыталась она дочь каждый вечер. – Ну взять хотя бы твоего Игоря. Ну моложе тебя, ну балбес, но он же остепенится, опять же всё время будет у тебя под присмотром.

– Мама, ну сколько раз тебе объяснять, что мне никто не нравится, – устало отвечала Света. – Ни Игорь, ни санитар Петя, ни сын твоей подруги. Мне никто не нужен, оставь меня в покое!

Света уходила в свою комнату, а мама кричала ей вдогонку:

– Смотри, так и останешься старой девой. А я всё равно тебя с кем-нибудь познакомлю!

Ну как объяснить маме, что единственной и безответной любовью её была сцена?

Маме всё-таки удалось получить путёвку, и она с радостью уехала на месяц в санаторий, оставив Свету одну. Оказалось, что жить в полном одиночестве не так уж просто. Было спокойно, но быть хотелось от тоски, как брошенной собаке. Спасали дежурства.

Как-то Света возвращалась с работы и завернула в магазин рядом с домом, кто-то окликнул её:

– Светка, ты что ли? Совсем не изменилась.

А вот Света с трудом узнала в модной столичной даме старую подружку по хору. Когда-то они вместе мечтали уехать в Питер, поступить в консерваторию и петь на лучших оперных сценах. Но в Питер уехала только подруга.

– Привет, Марин, – только и ответила Света.

– Мы с тобой лет десять не виделись. Ты всё такая же стройная, хорошенькая, – подруга крутила Свету, как куклу в магазине, внимательно рассматривая.

– Да что я, вот ты такая красotka стала.

– Ой, скажешь тоже, – подруга кокетливо махнула рукой.

– Ты поёшь где-то?

– Ну, консерваторию я закончила, потом замуж вышла, ребёнка родила. Знаешь, как-то не до карьеры стало, да и данные у меня оказались весьма средними. А всю жизнь оставаться на вторых ролях я не собираюсь. Так что пою я теперь только колыбельные. Ну что всё обо мне да обо мне, ты-то как?

Света могла бы рассказать ей о том, как работает на скорой и каждый день сталкивается с людскими болезнями, о том, как похоронила все свои мечты о сцене, и о том, как теперь пуста её жизнь без деда. Но вместо этого она сказала:

– У меня всё хорошо. Работаю врачом.

– И что, больше не поешь? Даже для себя?

– Нет.

Света опустила глаза, как будто признавалась в ужасном грехе.

– Ты что? Ты же так любила петь. Все были уверены, что ты обязательно станешь знаменитой певицей.

– Да какая из меня певица? Так, «Валенки» и не больше. Ты же знаешь, я не могла тогда уехать с то-

бой учиться, а сейчас уже поздно.

– Ничего не поздно. Знаешь, раньше в консерваторию и постарше тебя принимали.

– Я не могу в консерваторию: мне работать нужно, мы с мамой на одну её пенсию не протянем.

Свете хотелось уйти. Зачем Марина бередила с трудом зажившие раны?

– Слушай, а у меня есть для тебя подходящий вариант, – предложила подруга. – У нас в Питере пару лет назад открылась школа оперного пения. Возглавляет её одна заслуженная артистка, которая ушла на пенсию и теперь взялась учить молодых. Характер у неё, конечно, ещё тот, зато выпускники её школы потом поют по всему миру. И самое главное, что обучение там бесплатное, и общежитие дают, и стипендия есть. Так что с деньгами проблем особых не будет. Недавно, я слышала, она выгнала двух сопрано и теперь объявила дополнительный набор. Тебе нужно обязательно показаться, даже не спорь.

– Но я же... – промямлила Света. – У меня даже образования специального нет.

– Ой, да кому сейчас нужно это образование? Пойми, она ищет голос, а он у тебя есть, даже если ты его много лет прячешь.

И зачем только Света решила зайти в этот чёртов магазин? Поздно ей уже мечтать о сцене, не до того теперь.

– Так, я всё устрою, – продолжала Марина. – Пока идёт прослушивание, поживёшь у меня, а там в общежитие переберёшься.

И Марина действительно всё устроила. Света, как будто это было совсем не она, а другая девушка как лет на десять моложе, которая ничего не боялась, написала заявление на увольнение, собрала чемодан и отправилась в Петербург. Коллеги, конечно, удивились, как их трепетная Света решилась всё бросить и начать жизнь с чистого листа. Да и какую жизнь, артистки! Какая из неё оперная дива: ни внешности, ни фактуры, ни харизмы?

Маме она ничего не сказала. Обязательно найдутся добрые люди, которые позвонят, сообщат. А Света потом как-нибудь всё ей объяснит. Может, ничего ещё и не выйдет, и вернётся она в свой город на родную станцию скорой помощи. Там её обязательно примут назад, ведь врачей, как всегда, не хватает.

Прямо с поезда, как была: в джинсах, вязаной кофте, кроссовках, с неряшливым пучком на голове, – Света бросилась на прослушивание. Старинный особняк, везде лепнина, золото, совсем как в музее, а все ходят мимо, словно не замечают такую красоту. Света взлетела по широкой белоснежной лестнице наверх и вошла в небольшой зал с роялем.

– Куда это вы, милочка? – раздался низкий грудной голос.

Женщина в чёрном длинном платье, торжественно восседавшая в кресле, пронзительно посмотрела на Свету, как будто заранее всё про неё знала.

– Я-я на прослушивание, – с трудом выдавила из себя Света.

– На прослушивание? – женщина смерила её взглядом. – В таком виде? Это вам не собеседование в ресторан быстрого питания, милочка. Приведите себя в порядок и приходите завтра.

В этом стальном, холодном голосе не было ни нотки сочувствия к Свете, которая неделю не спала,

а готовилась к этому проклятому прослушиванию. Её, как нерадивую школьницу, выставили из класса. Что ж, сама виновата, не догадалась, что нельзя прямо так с поезда, запыхавшись, бежать на прослушивание.

– Да ты с ума сошла! – воскликнула Марина, когда подруга пересказала ей эту историю. – Явиться на прослушивание в таком виде. Да ещё к кому! К Васильевой! Она терпеть не может неопрятных певцов, она из класса девчонок даже за брюки выгоняет! Всё, не спорь. Я тебя так одену, что она тебя завтра не узнает. Будешь сверкать, как голливудская звезда.

Двери шкафа растворились, одно за другим стали вылетать платья, которые Свете приходилось примерять. Ближе к полуночи Марина нашла тот самый идеальный образ: просто, скромно, но со вкусом. Платье – это ещё куда ни шло, а вот каблук. Кажется, Света не носила их со школьного выпускного. Пришлось постигать и эту науку, потому что голос голосом, но встречают всё-таки по одежке.

На следующий день она снова стояла в том же зале перед этой суровой женщиной, похожей на чёрную хищную птицу. За роялем притаилась пианистка, которая нервно перелистывала ноты, искоса поглядывая на оперную диву. На стульях сидели ещё несколько педагогов, которые что-то фиксировали в записных книжках. Но Свете казалось, что она в этом зале одна. Только она и Ирина Георгиевна, которая сверлила её взглядом, словно хотела выпытать какую-то тайну.

– Что вы будете исполнять, милочка? – спросила дива.

– Колыбельную Волховы из оперы Римского-Корсакова «Садко», – по-школьному отчеканила Света.

Дива дала знак пианистке, и та начала играть. Света запела:

Сон по бережку ходил,
Дрёма по лугу,
А и сон искал Дрёму,
Дрёму спрашивал.

Чужой голос раздался под сводами дворца. Голос, который прятался долгие годы, теперь вырвался на свободу и взлетел ввысь, заполняя собой всё пространство.

Ирина Георгиевна внимательно слушала Свету. Сначала её брови поднялись вверх, затем вернулись в прежнее положение, она провела указательным пальцем по подбородку и жестом остановила пианистку.

– Где вы учились, милочка? – спросила она Свету, поглаживая подбородок. – Очевидно, в какой-нибудь провинциальной консерватории?

– Нет, я закончила только музыкальную школу, – неуверенно ответила Света.

Ирина Георгиевна вздернула брови.

– А вы знаете, что я принимаю только людей с высшим образованием? Мне нужны профессиональные артисты, а не самодеятельность.

Света опустила глаза, сжимая кулаки, чтобы не расплакаться. В очередной раз её мечта рушилась.

– И чем же вы занимались все эти годы? Вы ведь, как я вижу, не девочка, – продолжила дива.

– У меня медицинское образование, я работала врачом, – ответила Света, не разжимая кулаки.

– А знаете ли вы, что хороший врач лучше плохого артиста? Хотя оперный певец не нанесёт вреда окружающим, только себе. Что заставило вас уйти из профессии?

– Я всегда хотела петь, – твердо ответила Света. – Но раньше у меня не было возможности, а теперь она появилась.

– И что же вы считаете, что можно много лет не заниматься, а потом раз – и на сцену?

– Я просто хочу петь. Но если...

– У вас от природы поставленный голос, – перебила её Ирина Георгиевна. – Но этого мало. Нужно очень много трудиться, чтобы наверстать упущенные годы. Ещё у вас нет характера, а это для оперной певицы катастрофа. Но я всё равно беру вас на испытательный срок на полгода. Если не добьетесь за это время приличного результата – вылетите вон. И ещё: я больше не хочу видеть той ужасной одежды, которая была на вас вчера.

Сердце Светы учащённо забилось. Она будет петь, как и мечтала! И всё равно, что она потеряла столько лет в медицине, главное, что теперь она обязательно наверстает упущенное!

Света стала учиться в школе оперного мастерства. Она никогда не думала, что петь так трудно, что учить одну оперную арию можно целый месяц, раз за разом повторяя одни и те же фразы. Света не замечала город, он уходил на задний план, служил декорацией к её жизни. Она уходила рано и возвращалась поздно, в редкие выходные высыпалась и за всё время посетила лишь Исаакиевский собор, и то случайно, когда пряталась от дождя. Через неделю позвонила мама, она кричала, что Света её бросила и предала, но дочь молчала в ответ. Она знала, что рано или поздно мама простит её, а если Свете удастся закрепиться в Питере и забрать её к себе, то прощение придёт ещё быстрее.

Света приходила в класс заниматься раньше всех, с ней работал один из тех педагогов, что сидел на прослушивании, а вот Ирина Георгиевна не взглянула на неё ни разу. Лишь в коридоре, проходя мимо, кинула ей фразу: «У вас ужасный французский, милочка». И Света взялась за учебники и начала осваивать французскую фонетику.

Почему оперная дива так себя вела? Присматривалась? Прислушивалась? С другими она занималась хотя бы раз в неделю, а её словно и не замечала. Тогда Света стала работать ещё усердней, она оставалась допоздна, чтобы ещё раз повторить те моменты, которые ей не удавались.

– Вы сорвёте голос, если будете так много петь, милочка, – однажды услышала она знакомый низкий голос за спиной. – Всё хорошо в меру, идите отдыхать, пока не наделали глупостей.

Света сжала кулаки и наконец решила спросить:

– Почему вы не обращаете на меня внимание? Со всеми вы занимаетесь, а меня игнорируете. Но мне, что, совсем нет никакого таланта?

– Если бы у вас не было таланта, вы бы здесь не стояли. Пока у вас есть только голос, который дала вам природа. Этого мало. У вас нет характера. Пока вы мне неинтересны. Посмотрите на себя: ну какая вы оперная певица? Сходите в парикмахерскую, сделайте нормальную причёску. Вы должны сверкать, а пока только пищите, как серая мышка.

По большому счету, Свете давно уже было всё равно, во что одеваться. Синяя униформа вполне её устраивала. Превратиться в изысканную даму, которая всегда прекрасна, которая гордо шагает на высоких каблуках, выпрямив спину, оказалось не так уж и просто. Но Света взяла себя в руки и вскоре не узнала красивую блондинку в зеркале, которая смотрела на неё светящимися от счастья глазами.

Когда в детстве мама что-то ей запрещала, она могла топнуть ножкой. Так Света показывала характер. Теперь топнуть каблучком означало вылететь из школы и вернуться домой. Мама будет, наверное, рада и до конца жизни будет пилить Свету за то, что та всё сделала по-своему, не посоветовавшись. Игорь тоже будет рад, с ней он был как у Христа за пазухой. Но Света об этом даже думать не хотела. Она старалась перечеркнуть прошлую жизнь, забыть, кем она была раньше, и только петь, петь и петь. Она решила, что если будет упорно трудиться и слушать все замечания педагогов, то этим проявит характер и заставит Ирину Георгиевну обратить на себя внимание.

Испытательный срок подходил к концу, а Света только занималась в классе, в то время как другие участвовали в подготовке спектакля. Через месяц школа своими силами должна была представить на суд зрителей оперу «Садко». Для этого пригласили театрального режиссёра, дирижёра, оркестр, пошили костюмы. А Света оставалась в стороне от этого праздника. В глубине души она и сама понимала, что не готова пока выйти на сцену, но страстное желание обжигало. Она заглядывала в щёлку репетиционного зала, чтобы хоть немного прикоснуться к волшебству создания спектакля. За этим занятием её однажды и застала Ирина Георгиевна.

– Что вы здесь делаете, милочка? – раздался знакомый контральто.

– Я-я хотела посмотреть репетицию, – начала оправдываться Света, но Ирина Георгиевна жестом остановила её.

– Почему вы не войдете в зал?

– Режиссёр не пускает туда посторонних.

– Разве вы посторонняя? – Ирина Георгиевна дернула бровью.

– Я же не участвую в спектакле.

– А вы хотите?

Глаза Светы заблестели.

– Конечно. Вы себе представить не можете, как я хочу выйти на сцену, хоть даже в самой маленькой роли.

– Пройдемте в мой кабинет.

Оказывается, у оперных див тоже бывают кабинеты, правда, там всё как в музее: камин, портреты, фотографии, белый круглый стол на позолоченных изогнутых ножках, фарфоровая посуда. Света такой и не видела никогда, а тут ей подали чай в изящной белой чашечке с тонкой ручкой.

– Говорят, что маленьких ролей не бывает, – сказала Ирина Георгиевна, когда они сели пить чай. – Это все глупости, я знала артистов, которые навсегда застревают в ролях, в которых всего пара фраз. Вы же не хотите повторить их судьбу?

– Нет, – уверенно ответила Света, разумеется, она всегда думала, что будет исполнять только главные роли.

– Я смотрю на вас и вижу маленькую девоч-

ку, которая удивлёнными глазами смотрит на мир как на сказку. Но оперная стезя – совсем не сказка. Артист многим вынужден жертвовать, он очень зависим от агентов, директоров театров, режиссёров. Но самое главное: он зависим от голоса. Это очень хрупкий инструмент, который подвержен болезням, стрессам, переменам погоды. С голосом нужно уметь договариваться, чтобы он не подвел в нужный момент, а он бывает очень капризен. Потеря голоса для певца – это смерть, самое страшное, что может случиться в вашей карьере. Подумайте, нужна ли вам такая жизнь?

За полгода Света успела понять, насколько может быть трудна жизнь оперного певца, но она бы не променяла эту жизнь ни на какую иную. Только каждый день распеваясь у рояля, она была счастлива. И счастье это было столь же хрупко, как фарфоровая чашечка в её руке.

– Я буду петь, – ответила Света, всеми силами пытаясь побороть дрожь в голосе.

Ирина Георгиевна одобрительно кивнула.

– Вам повезло больше, чем моему поколению.

Для вас все дороги открыты, у вас миллион возможностей, а таких голосов, как в наше время, почему-то нет. Видимо, нам досталось больше испытаний, отсюда и сильные люди, и большие голоса. Я помню своё военное детство: блокада, голод, отец не вернулся с фронта, мать умерла от туберкулеза, детдом, кругом нищета, а я хожу и пою во весь голос. Многие думали, что я сумасшедшая, а мне уже тогда хотелось быть артисткой. Взрослые говорили, что это баловство, глупости, а я всё равно не пошла в строительный техникум, куда меня отправили после детдома, а сбежала в консерваторию. Меня не хотели брать, говорили, что я слишком маленькая, что голос должен окрепнуть, но я им доказала, что могу петь. На сцену Кировского театра я вышла примерно в вашем возрасте. Тогда я была абсолютно счастлива, просто потому что могла петь. Я никогда никого не любила. Только театр, только искусство. Все те страсти, которые творились на сцене, были ложными, а зрители им верили. Не раз меня сватали то за одного, то за другого тенора, а я хранила верность своему голосу, потому что ничего важнее в моей жизни не было. Но я не жалею о прожитом, много всего было и хорошего, и плохого. А вот готовы ли вы к такой жизни, милочка, я не знаю. Если вы хотите петь в спектакле, я позанимаюсь с вами, у вас есть три недели, чтобы убедить меня в том, что вы этого достойны.

Большого Свете и не нужно было. Она стала заниматься с утроенной силой, чтобы доказать, что она готова к сцене, что она должна петь в этом спектакле.

Три недели репетиций, когда хотелось плакать, а приходилось работать, когда хотелось закинуть куда-нибудь ноты, а надо было петь и выслушивать замечания, на которые Ирина Георгиевна не скупилась. Но Света дала себе зарок, что она справится, что она докажет, что она обязательно споёт в этой постановке.

В детстве Свету учили, что умершие родственники смотрят на неё сверху и помогают. Она всё чаще стала обращать взор на серое питерское небо, прося у деда поддержки, ведь не мог же он забыть, как сильно Света любила петь.

Когда до генерального прогона оставалось три дня, костюмерша окликнула Свету в коридоре:

– Ты когда зайдёшь на примерку платья? Я что, за вами всеми бегать должна?

– Какого платья? – удивилась Света.

– Пошли, – женщина тяжело вздохнула и направилась в костюмерную.

Среди груды разного тряпья висело оно – платье Волховы, Света сразу его узнала.

– Нравится? – с гордостью спросила костюмерша.

– Очень.

Света была рада просто прикоснуться к шершавой белоснежной ткани, усыпанной камнями, а костюмерша ещё предлагала его надеть.

– Оксанка, на которую шили, ангиной заболела. Её сняли со спектакля. Теперь ты будешь петь. Ты что, не знала, что ли? – костюмерша хихикнула и принялась вертеть Свету, подгоняя платье под фигуру.

Волхова смотрела на Свету в зеркале, и не было тех десяти лет, прожитых без музыки. Света всегда пела и всегда знала, что выйдет на сцену в этой партии.

Невидимые крылья сами несли Свету на автобусную остановку. Ещё совсем немного, всего каких-то пару часов, и она выйдет на сцену. И пусть это генеральный прогон, а не полноценный спектакль, пусть в зале будут только знакомые и родственники артистов, но всё же будет по-настоящему: музыка, декорации, костюмы, оркестр. Сегодня исполнится её давняя мечта, она станет Волховой!

Автобус как назло задерживался.

– Да что же это такое? – начала возмущаться низенькая старушка в вязанной беретке. – Полчаса уже ждём.

– Безобразие, совсем о людях не думают, – подержала её другая женщина.

Света отошла в сторону. Нужно ведь ещё распеться, загримироваться. Время безбожно таяло, а автобус всё не шёл.

– Ой, смотрите-ка, – крикнул кто-то.

Света машинально обернулась. Мужчина, который ещё несколько минут назад беззаботно сидел на скамейке, вдруг стал сползать на землю.

– Вызовите скорее скорую помощь, – закричала старушка в беретке.

Света незамедлительно рванула к мужчине, одной рукой она пыталась нащупать пульс, а другой набирала номер.

– Мужчина, около шестидесяти лет, потеря сознания, пульса нет, – быстро продиктовала она и добавила адрес, который ей подсказывали со всех сторон.

Даже при самом благополучном исходе скорая будет ехать минут двадцать, не меньше. Нужно было срочно действовать. Света расстегнула пострадавшему куртку, подложила под голову свою сумку и начала производить реанимационные действия. Непрямой массаж сердца, искусственное дыхание, снова массаж сердца и снова дыхание. Никаких признаков жизни. Света снова надавливает на грудь мужчины, снова пытается вдохнуть в него жизнь, но всё бесполезно. Она повторяет одни и те же действия пятый, шестой, седьмой раз... На миг Свете показалось, что грудь мужчины начала самостоятельно подниматься. Она бросилась проверять

пульс. Слабые искры жизни отчётливо пробивались в слабеющем теле.

Знакомый вой сирен. Машина скорой помощи подъезжает к остановке. Света передаёт бригаде своего подопечного.

– Пробки такие везде, думали, не доедем, – говорит молодой фельдшер, пока мужчину грузят в машину.

Игорь бы обязательно пошутил по этому поводу. Странно, что сейчас Света вспомнила про него. Полгода она была так увлечена пением, что совсем не думала ни о прежней работе, ни о бывших коллегах.

– Дочка, а ты что же, врач? – спросила у неё старушка в беретке.

– Да, – машинально ответила Света, но мигом опомнившись, замотала головой. – Нет, что вы. Я – певица.

– А-а-а, – разочарованно протянула старушка. – Сейчас все хотят стать артистками, а вот врачами работать не хотят. А ведь врачей всё время не хватает. Я вот недавно в поликлинику ходила...

Слова старушки заглушил мотор подъехавшего автобуса.

Света давно уже должна была сидеть в гримёрке, а вместо этого ехала в душном автобусе, который плёлся по столичным пробкам, как умирающая гусеница. Уже несколько раз звонили педагоги из оперной студии, пытались понять, куда она пропала. И Света врала, что скоро подъедет, что ей осталось совсем немного. В ответ ей сообщали, что Ирина Георгиевна вне себя от ярости, и что если она не появится через минуту, то её снимут с роли. Ничего страшнее этого со Светой случиться уже не могло.

Когда она подбегала к зданию оперной студии, оттуда уже лилась музыка. Репетиция началась без неё. Кто-то другой вместо неё сейчас выйдет на сцену и будет петь её партию.

Света сразу же рванула за кулисы. Там готовилась к выходу на сцену Волхова. Она прошуршала белоснежным платьем мимо Светы. Ещё несколько тактов, и она запела колыбельную.

Всё внутри Светы оборвалось. Её мечта исполнилась у кого-то другого. Винить во всём можно было только себя. Ну почему она пошла на эту проклятую остановку, почему сразу не догадалась вызвать такси? Сейчас бы она пела эту арию, а не стояла за сценой и неоплакивала свою горькую судьбу.

Света вышла из здания и побрела по улице. Торопиться ей теперь было некуда. Она прекрасно понимала, что Ирина Георгиевна никогда не простит ей этого опоздания, что о карьере оперной певицы можно забыть навсегда. Она уже никогда не выйдет на сцену, она не станет Волховой!

Мимо промчалась машина скорой помощи.

А может, сегодняшнее происшествие было не зря? Может, оказаться рядом с умирающим человеком и оказать ему столь необходимую первую помощь было важнее, чем петь? Может, мечта о сцене, которую она лелеяла с детства, была ложной? Может, спасти людей – это единственное её предназначение и судьба намеренно уводила её от оперной сцены всё дальше и дальше? Столько вопросов, на которые так сразу и не ответишь.

Света достала телефон и набрала номер мамы...

Павел КАРЯКИН

Родился в 1976 году. Живёт в Челябинске. Окончил Челябинскую государственную медицинскую академию. Пробовал себя на разных поприщах: работал экспедитором, грузчиком, врачом, торговым представителем, водителем такси, строителем-отделочником...

Прозаик, публицист. Член Союза писателей России. Руководитель Литературной мастерской Челябинской областной универсальной научной библиотеки, руководитель региональных выездных литературных семинаров «Исток-ПЛЮС», публикуется в журнал-газете «Большая медведица», в литературно-художественном альманахе «Чаша круговая», в журналах «Урал», «День и ночь». Автор книг «Иксион», «Подземка».

ТРАДИЦИИ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Виктория Иванова. Утренний дом (серия «Литкурс»). Рассказы. Челябинск: ЧГИК, 2017. 120 с.

Мне кажется, что опыт классических литературных традиций сегодня переживает некий ренессанс. И это тем более отраднo, что интерес к гуманистическим и антропоцентрическим воззрениям поддерживает молодое поколение. Последнее мы можем отчетливо видеть на примере новой книги молодого челябинского прозаика – Виктории Ивановой.

Центральной темой всех без исключения произведений сборника «Утренний дом», выстроенного концептуально, является человек. Со всеми его проявлениями в плохом и хорошем, извечным поиском смыслов и неисстремимым стремлением обрести счастье. Самый мощный же сквозной концептуальный мотив данной книги можно обозначить простым и вместе сложным вопросом: «Что может быть дороже человека?».

Открывает книгу рассказ «Трамвай». Здесь нет ярко выраженного сюжета и остро обозначенного конфликта. Центральный конфликт этого произведения – сугубо внутренний – у главной героини. Внутренний и где-то философский: жизнь стремительным маршем проходит мимо Светки, и героиня чувствует это, жаждет перемен, но является заложником сугубо внутренних же обстоятельств. Мы знаем, что все в наших руках. Мы и только мы творцы своей судьбы. Сколько раз мы повторяли и повторяем эту замечательную формулу, ждем понедельника, чтобы начать новую жизнь. Понедельник приходит. Проходит. Уходит. Мы ждем следующего понедельника. И так было уже много раз!.. Светка уже успела загрузеть на своей работе, но за этим доспехом скрыта тонкая, романтическая натура, которая все ждет чуда. И перемен. Новелла заканчивается так: «Как хорошо жить и дышать. Это ведь чудо. Просто жить и дышать. <...> Вот приеду домой, всё поменяю, слышишь? Всё изменю! Будут нам яркие звёзды». Поменяет ли? Чем взрослее читатель, тем с большей нотой грусти предполагает: «Вряд ли». Но это не важно. Важна жизнь! Во всех ее проявлениях. Человек, верящий в чудо, верящий в перемены, – живой человек. А лично я хочу верить, что Светка все еще изменит и дождется ярких звезд!

Проза Виктории Ивановой насыщена деталя-

ми. В большей степени это касается малосюжетных вещей. В рассказе «Усатые часы» скрупулезная детальность не только призвана в декорации. Здесь это еще и специфический прием, при помощи которого реализуется сюжетный замысел. Основная линия рассказа – нескончаемое, мучительное ожидание маленькой девочкой любимой мамы. Пока она ждет мамочку, читатель вместе с героиней имеет возможность познакомиться с этими деталями и прожить то самое мучительное ожидание. Ожидание, которое еще и не оправдалось. По косвенным штрихам становится известно, что с родительницей героини не все обстоит благополучно социально. Но какое это имеет значение для тех, кто еще не в полной мере умеет понять, «что такое хорошо и что такое плохо»?! Тот, кто любит всем своим маленьким, но горячим сердечком и, кроме мамы, не знает другого идеала!..

Безусловным флагманом книги «Утренний дом» является произведение «Трухлявый пенёк». Рассказ отличает высокий класс художественных решений: «Ветер увёл за собой тяжёлые серые глыбы туч», «И храм будто потряхнул с себя печаль, омылся людской заботой, воспрянул духом», «Впереди узорилась деревня, рядом на берегу пруда вытянулся переживший бурю кирпичный храм Архангела Михаила с трапезной, пристройкой и обломками каменной ограды. А над берёзами высились чёрное разбитое пятиглавие и покосившаяся немая колокольня». Произведение это, довольно масштабное по замыслу и очень мощное, объединяет в себе несколько сюжетных линий. Линия с маленькой девочкой Таей из бедной семьи открывает неприглядные моменты детских взаимоотношений, за которые можно испытать неловкость, – думаю, многие могут вспомнить что-то похожее из детства, как чинили обиды тем, кто «не такой» или кто слабее, вспомнить и то, как сами испытывали огорчение, терпя притеснения от тех, кто старше и сильнее. Другая линия связана с Раисой Ивановной – мамой маленькой героини. Про таких иногда говорят «не от мира сего» – есть в этом персонаже, не способном заступиться за собственную дочь, что-то от юродивой. Внутренний психологический конфликт этого действующего лица решается не просто сложно, но через душевную боль, через тяжелое ис-

питание. Третья линия выстроена вокруг возрождения местного храма. Религиозно-церковная, тема, в сущности, здесь центральная, и через нее транслируется главное идейное ядро – духовное возрождение через любовь, прощение, жертвенность: *«Тебя ангел-хранитель привёл сюда для Божьего дела, ты начала храм строить и не заметила, что храм строится внутри тебя. <...> Бог, Раиса Ивановна, любит каждого и всегда готов помочь в добрых делах».*

Лирические этюды, объединенные в мини-цикл *«Двенадцать с хвостиком»*, – особенные произведения. Это своего рода поэзия в прозе. Основным лейтмотивом через всю подборку самостоятельных, но связанных единой нитью этюдов протянулась музыка женской души – в самых разнообразных её обертонах и порой интимных глубинах. Сама концепция *«Двенадцати»*, вероятно, связана с цикличностью душевного состояния, которое, как времена года, может быть летним, осенним, весенним... Возможно, именно для того, чтобы подчеркнуть эту цикличность, эту переменчивость души, автор прибегает к некоторой стилевой неравномерности. В этой подборке отсутствует как таковой сюжет как ненужный в данном случае рудимент – всё, что душа хотела сказать, она сказала без помощи сюжета. Развитие событий происходит неспешно, в нём много пассивного, созерцательного, но одно можно сказать уверенно: лирическая героиня ждёт. Ждёт, возможно, не осознавая. Душа её неспокойна, взволнованна, временами напряжена. Она ждёт! Чего? Счастья? Странно, но это не такой уж простой вопрос здесь. Наверное, счастья. Но может и большего?..

На протяжении всего повествования мы встречаем редкие диалоги. Сами диалоги и небольшое их количество будто призваны подчеркнуть неспешность происходящего. Декорации же, которым автор уделит значительное внимание и отдельные элементы коих развил до тонких деталей, временами, как мне кажется, обладают функциями не только декораций. Они – декорации – словно бы приобретают качества живых существ и начинают непосредственно участвовать в определённых событиях. Это задаёт особый тон и особую атмосферу восприятия.

Общий концепт всей лирической подборки обусловлен философской подоплекой, которая ненавязчиво вплетена по ходу повествования. Философские выкладки нехитры по-девичьи, но суть их, наводящая на размышления: чего же хочет женская душа – счастья или чего-то большего, наверное, один из основных авторских замыслов, рассуждающих о том, какую внутреннюю глубину может скрывать простота суждений женской души.

Для читателя очевиден возраст лирической героини. И этот возраст юн. Он – возраст – в той поре, когда внутренне душа пытается добиться счастья, и это, в общем, временами удаётся, но остаётся столько вопросов: *«А это то счастье?»*, *«Если то самое, то счастье ли?»*, *«А хочу ли я именно такого счастья?»*, *«Быть может, есть что-то помимо счастья – нечто большее?»* Возраст, когда хочется всего и сразу. Такая душевная неустроенность лирической героини, вероятно, и продиктована обилием холодных полутонов, как при описании душевных состояний геро-

ини, так и декораций: *«Я опускаю ноги на студёный пол. Потираю руки, чтобы согреть их <...>, шмыгаю носом – снова простуда и холод!»*; *«Почему у тебя всегда (всегда!) горячие руки, а у меня, наоборот, холодные?»*.

Этот цикл, лишённый сюжета, порой воспринимается как попытка выговориться, как некая потребность обнажить определённые тайники души, что позволит отворить ту энергию, которая выходом своим придаст ощущение внутренней свободы. Слегка перефразировав Жюль Ренара, можно сказать, что проза – лучшая модель диалога с читателем, поскольку собеседник (читатель то есть) не может прервать оратора (писателя).

Одно из главных достоинств подборки – образность языка, его выграненная метафоричность, его музыкальность. Музыкальность же в особенной степени, с яркой эмоциональной составляющей, которая в определённой мере призвана заменить сюжетный компонент. Музыка метафор, в основном плавная, временами принимает взрывные свойства, и определённая экспрессия как необходимый инструмент подчёркивания состояний присутствует. В этом плане интересна и показательна миниатюра *«Нелюбимые»*, где героиня, вероятно, чем-то чрезмерно расстроенная, может и обманутая (не обязательно в чувствах), очень уж зла, неприветлива и несправедлива к другим, в аллегоричной форме пытаюсь отыграть на ком-то, кто и не виноват. А виноват, возможно, тот, кто дал ощутить весь комплекс негативных эманаций, обозначенных в миниатюре. Героиня столь захвачена, что, быть может, и не сопоставляет, что подобное неприятие чужих, но ни в чём не виновных, может равняться неприятию себя, вплоть до неприятия Бога. Сама героиня это понимает, но не желает прибегать к рассудку, полностью отдавая голосу обожжённого сердца, которое хочет осуждать, хочет обличать: *«Могут слепить кораблик с алыми парусами, подражая автору, но чуда нелюбимые никогда не сошьют. <...> Нелюбимые бестелесны. Они мертвы. У них нет рук, нет губ, даже запаха у нелюбимых нет. Они бестолковые призраки – через них можно пройти, на них можно наступить – секундный холод»*; *«Нелюбимые ничего не меняют, только лгут»*. И словно контрастом выступает буквально следующая миниатюра *«Спой мне»*, своеобразным зарифмованным построением обнажающая внутреннюю потребность нежности, сердечного тепла.

Другой этюд – *«Сломанное»* – в какой-то мере как некая экспериментальная вставка. Впитывается как мало контролируемый поток сознания, рождая ассоциативные связи: *«Я твоя, ушедшая, – два года жизни на четырёх гигабайтах»*; своеобразные под-сознательные и опять-таки ассоциативные образы: *«Паяцы пляшут на чёрном диване. Я смотрю на них, а они дают меня пустой коробкой, ковыряют укусы на теле»* и в особенной мере фрагмент: *«Ничего не было, в мусорной корзине извётка разбавлена. Съедает, съедает мои ладони. А ты жми, жми, может быть, в своей проклятой погоне ты поперхнёшься игрою. А мною корзина прилажена, поглажены занавески и ставни покрашены. Книжки новые мною представлены. Протяни свою руку в эту едкую уютную извётку, открой первый попавшийся экземпляр – об-*

меняем тела на товар, чтобы по совести. Видишь? Видишь? Смотри же. Как Чехова строки расплылись». При этом вся миниатюра словно бы решена в некой хаотичной манере.

Дальнейшие этюды вновь временами сходят на поток сознания, например миниатюра «Об осени», являющая раздражённым своим настроением шаг к апатии. Сложной игре душевных состояний, музыке

слова автором уделено значительное внимание. Атмосферно выстроенная канва ближе к финалу (особенно в последней миниатюре «Хвостик. Это мы») уходит в метафизическое пространство.

Книга «Утренний дом» – серьезная заявка на современном небосклоне русской прозы. Ценителям высокого литературного качества предлагается.

Виктория ИВАНОВА родилась 3 февраля 1992 года. Окончила филологический факультет челябинского государственного педагогического университета. Выпускница литературных курсов ЧГИК. Член Союза писателей России. Прозаик, автор книг «Двенадцать с хвостиком», «Утренний дом». Руководитель школьной литературной студии имени Е.А. Губиной «Ось». Организатор открытого фестиваля-конкурса детского и юношеского литературного творчества среди образовательных организаций Металлургического района города Челябинска «Как слово наше отзовётся».

Лауреат двенадцатого открытого интернет-фестиваля «Сочи-мост 2013». Лауреат международной Южно-Уральской литературной премии в 2017 году. Печаталась в литературно-художественном альманахе Южного Урала «Уральская линия», в сборнике произведений участников семинара-совещания «Мы выросли в России», в электронном журнале «Молоко». Публикация в сборнике женской прозы «Я научила женщин говорить» (2017 г.).

УСАТЫЕ ЧАСЫ

Рассказ

Моей прабабушке Фресе

Сонька лежала в мягкой тёплой постели. Она только вынырнула из сна. Полупрозрачное синее утреннее море затопило комнату. Девочка потёрла глаза, старательно убрала непослушные медные проволочки волос с лица. Рядом с кроватью на скрюченном стуле кряхтела бабушка, с трудом натягивая шерстяные, как будто связанные из сухой цветастой травы, носки.

Сонька повернулась к бабушке, необыкновенно сладкое чувство пощекотало её пятки и, испугавшись, юркнуло под одеяло. Кружка чего-то молочно-малинового опрокинулась внутри, в груди, в самой сердёвке, рядом с запрыгавшим сердцем. Девочка вскочила на коленки и с молчаливым нетерпением посмотрела на бабушку. Но та в своих утренних заботах не замечала внучку. Она аккуратно зачёсывала гребёнкой свои лунные волосы. Прикрывая шею, волосы послушно ложились под зубчики короны.

Когда последние пряди были убраны, Сонька снова забеспокоилась. Она торопливо заёрзала, глядя, как бабушка надевает поверх просторной сорочки синий халат.

– Сонька! Что не спишь?!

Стул жалостливо скрипнул, бабушка подошла к кровати. Соня уткнулась в круглый прянично-ароматный живот.

– Ранешное время, – бабушка погладила её по голове. – Всю ночь ворочалась, вскочила в такую рань – спи.

Сонька засопела.

– Кому говорено?

Девочка послушно укуталась в одеяло. Но как только бабушкины тапочки ушаркали на кухню, она снова вскочила и посмотрела на настенные часы. Длинный ус у них был вздёрнут ко лбу, а маленький совсем упал к подбородку.

Соня тихонько вернулась на остывшую подушку и придвинула к себе Хорька – выцветшую плюшевую белку, у которой не доставало одной лапы. Из кухни доносились хрип радио и звон посуды. Соня закрыла глаза, но сны не захотели высовывать хитрые чёрные носики из своего пухового домика.

Девочка принялась недовольно дёргать за ухо одеяло. Она толкала его ногами и откидывала в сторону. Когда оно оказалось на бабушкиной половине кровати, Соня отвернулась к стене. Теперь на неё смотрели олени с мягкого ковра. Соня стала тереть его бахромчатую красную бороду. Но вдруг ей почудилось, что часы перестали дышать. Она замерла и прислушалась: нет, тикают.

Немного поелозив, Соня успокоилась и не заметила, как к ней подкрались маленькие сны. Толкая и перебивая друг дружку, они шептали о сердитых дверях и хитрющих часах.

Но скоро свет разогнал всех сказочников. Девочка открыла глаза и посмотрела на часы – усы у них бодро торчали в стороны. Сонька спрыгнула с постели, скинула сорочку, натянула майку и шортики. Из кухни медленно выплывал плюшевый аро-

мат какао. Сонька скорее потопала туда.

– Носки где? – спросила бабушка, доставая из ковша яйца дырявой ложкой.

Соня выскользнула за дверь.

Выкрашенные в луковой шелухе шерстяные носки прятались под кроватью. Надев их, Сонька схватила Хорька и побежала вприпрыжку обратно.

На столе её уже ждал завтрак: молочная каша с утонувшим кусочком масленого солнышка, яичко и стакан горячего какао.

– Пошто притащила его сюда? Взяла моду, – проворчала бабушка, очищая яйцо для Сони.

Девочка осторожно посадила Хорька на краешек стола и принялась за кашу.

– Эка! – удивилась бабушка. – И даже заставлять не нужно, ишь как уплетает, – рассмеялась она. – А ты чего вскочила нынче в рань?

Соня пожалала плечиками, хитренько улыбнулась:

– Ты тоже рано встала, – и заболтала ножками.

– Ну так обо мне другой разговор. Я и не могу спать уж много. Сон нейдёт. А сегодня и вовсе почти глаз не сомкнула.

– Баба, расскажи сказку!

– Нельзя утром сказки сказывать, в Бабу-Ягу превратишься...

Трескучий дверной звонок перебил бабушку. Сонька пискнула, слетела со стула и, не чувствуя под собой земли, помчалась в коридор.

– Танька...Туфу ты! Сонька! Куда?! Пстой! – раздалось позади.

Но Сонька неслась не оглядываясь. Бабушка, тяжело переваливаясь, спешила за ней.

– Что бегаешь как савраска? Ну-ка, поди от двери, – осипшим голосом сказала бабушка в коридоре.

Опершись на дверь, она посмотрела в глазок, поджала сиреневые губы. Сонька следила за бабушкиными руками, которые коричневыми корнями тянулись к замку. Когда замок щёлкнул, девочка запрыгала на месте. Дверь открылась – на пороге появился дядя Витя.

– Привет, егоза! – растопырил он в стороны рыжие усы. – Мам, картошки вот тебе занёс, заходить не буду, побегу. Ольгу надо ещё в больницу везти.

У Соньки в глазах немного помутнело, потом её больно ущипнула обида. Не глядя на бабушку, девочка побежала на кухню. Там, рядом с остывающей кашей, её ждал Хорёк: «Ну?! Что?» Сонька промолчала.

Вернулась бабушка и сразу принялась сердито скоблить плиту. Девочка взяла своего облезлого глупого Хорька и стала щипать его хвост.

– Сонька, подай судомойку, – вдруг хмуро скрипнула бабушка.

Внучка протянула тряпочку.

– Ишь кашу.

Бабушка ещё сильнее заскребла металлической щёткой. Соня взяла ложку и стала размазывать кашу по краям. Показался рисунок на доньшке: синяя птица с длинным пёстрым хвостом. Соня с ней всегда соревновалась, кто быстрее съест суп. Девочка знала, что птица эта живёт в тарелке и ворует еду.

– Не балуйся, ишь! – сердито прикрикнула бабушка.

Сонька вздрогнула и затолкала в рот кашу. Ба-

бушка вдруг остановилась. Она повернулась к внучке, достала с холодильника праздничную синюю вазочку, заполненную печеньем, и мягко сказала:

– Ну! Чего кособенишься! Ранешно ишо.

Маленькие грибочки с шоколадными шляпками нетерпеливо выглядывали из вазочки. Девочка посмотрела на бабушку и тихонько улыбнулась.

– Ну что шарёшки выпучила, пей какаво своё, уж поди остыло. Да иди порисуй, тиливизер посмотри.

Вазочку поставили рядом с Хорьком. Когда Соня доела, бабушка вздохнула, взяла её за руку и повела в комнату к зеркалу. Заплела ей косичку-дракончика, достала с полки раскраски, книжечки, которые покупала на рынке. Внучка помогла ей застелить постель: сложила подушки в кривую башню с треугольной вершиной.

Когда бабушка уплыла в своё кухонное царство, Соня посадила на пол Хорька, высыпала из коробки фломастеры и карандаши и уселась на паласе.

Но она недолго листала страницы с котятками и мышатами, читая Хорьку стихи наизусть. Вдруг Соне показалось, что её позвал родной голос, тёплый, нежный, как молоко с мёдом. Она подняла голову и прислушалась. В комнате было тихо. Соньке показалось, что шевельнулась занавеска. Девочка вскочила и подбежала к окошку.

Серый облезлый двор, поджав хвост, вопрошительно посмотрел на неё снизу. Девочка в ответ пожалала плечами и стала искать. Никого. Даже птиц нигде не было. Пустой домик из кефирной коробки на их балконе тихо грустил.

Вдруг из подъезда кто-то выпорхнул. Это была тётя Марина с верхнего этажа – она подарила Соне голубоглазую куклу. Но Соне больше нравились тётенькины глаза – добрые и тихие, как у коровы. Плащ задрожал крыльями на ветру, и тётя Марина легко вылетела из двора. Маленький фонарик внутри у Соньки потух и провалился в какое-то тёмное холодное дупло.

Девочка приклеилась к стеклу и стала корчить рожи. Но это не помогло. Она принялась кружиться, заворачиваясь в занавеску, как в кокон. Потом включила бабушкину говорящую книжку с двумя антенками. Посадила Хорька в кресло смотреть мультяк, а сама сгребла все фломастеры и раскраски и села рядом на полу.

Фломастеры бодро пахли тройным одеколоном, которым недавно напоила их бабушка. Соня осторожно раскрашивала уши слона в розовый цвет. Сначала она старалась не выходить за границы, но потом серый фломастер решил закрасить всю картинку.

И тогда, собрав всё в коробочку, Сонька засновала по квартире: воспитывала подаренную тётенькой куклу, мирила её с Хорьком, стирала его облезлый хвост хозяйственным мылом, прятала куклу в сонное царство за подушечную башню, мерила бабушкины криволапые очки, читала у подоконника газету двору, сердилась и отчитывала усатые часы. Иногда заглядывала на кухню и смотрела, как бабушка лепит пельмени.

Наконец, Соня решила отдохнуть и залезла в шифоньер. Там её укутал аромат мандариновой кожуры, которой бабушка отпугивала моль. Соня на-

шла небольшую коробку со старыми открытками и принялась их разглядывать. Они пахли тайной. На дне Соня нашла круглую красную коробочку «Звёздочки» и попробовала открыть. Девочка поковыряла крышку, потом в ход пошли зубы. Когда крышка поддалась, Соня ткнула пальцем в бледно-жёлтую мякоть и намазала нос себе и Хорьку, чтобы не чихали. Яркий мятный аромат тут же обжёт прохладой нос.

Девочка закрыла мазь и убрала на место, достала небольшую стопку чёрно-белых фотографий, перевязанных зелёным бантиком. Соня развязала его и стала разглядывать снимки, на которых смеялись чужие люди.

Ей попалось небольшое фото, на котором маленькая, очень похожая на неё девочка прижалась к бабушке и дедушке. В руках она держала – Хорька! Сонька недовольно посмотрела на своего любимца: этого он ей не рассказывал. На фото у игрушки был бодро-пушистый вид и целы все лапы. Да и бабушка тут была другой: волосы кудрявые, тёмные, сама худенькая. У дедушки были такие же усы, как у дяди Вити, только он казался добрее.

– Сонька! Иди исть! – позвала бабушка.

Девочка вздрогнула и выронила фотографию. Тут она увидела, что на обратной стороне было крупными буквами выцарапано: ТАНЯ.

– Сонька! – снова позвал голос.

Девочка посмотрела на часы, их усы были вздыблены вверх, только короткий ус чуть отошёл от своего высокого брата, которому нравилось прилипать ко лбу. Время обеда. Быстро убрав фото и коробку обратно, она тихонько прикрыла дверь, чтобы бабушка не услышала, и поплелась на кухню.

– К трём часам надо на пошту поспеть. На рынок ишо, – сказала бабушка, перемешивая соус.

Сонька так и застыла в испуге, не дожевая пельмень. Сглотнув, она посмотрела на бабушку.

– Нече караулить, – даже не взглянула на внучку бабушка. – Ишь давай и собирайся.

Соня стала жевать медленно.

– Чай стынет, чего не пьёшь...

– Я кушаю, – девочка хитро-наивно расширила глазки и протянула тарелку с синей птицей, в которой перекатывались три пельменя.

Птица поняла девочку и тоже стала есть медленнее. Бабушка прищурила глаза. И скоро Соне пришлось идти искать колготки. Они, конечно, как назло куда-то запропастились. Но бабушка легко нашла их под кроватью и велела собираться живее.

Соньке стало вдруг нехорошо, заболела голова, и, кажется, она зачихала, вот даже нос намазала «Звёздочкой». Но за мазь бабушка отругала и её, и Хорька. Измерила температуру и отправила в коридор:

– Живёхонько, не придумывай. Одежу свою ищи. Куртёнка в шкапу. Да шапку не забудь, с кисточкой, синюю. Она теплее.

Наконец собрались и вышли в подъезд. Пока бабушка запирала квартиру, Сонька всё время прислушивалась: нет ли шагов на первом этаже, прижималась к перилам и смотрела вниз. Спускалась она со второго этажа медленнее бабушки, ей всё время казалось, что вот-вот скрипнет дверь... Зато на улице бежала скорее, всем своим видом торопя

бабушку, которая превратилась в тихую улитку с тросточкой.

Трость у неё была особенная, очень старая, но прочная, деревянная, с железными узорами у закружённой ручки, – дедова. Пока бабушку не сбילה машина, она очень быстро ходила. А теперь у бабушки диабет, и она не покупает сладкого.

На почте была большая очередь. Бабушка присела на стул, а Соня встала на её место. Перепрыгивая с ноги на ногу, она изучала маленький мир, в котором живут письма и газеты.

– Сонька, отстань-ка баловаться, – бабушка развязала ярко-фиолетовый с красными цветами платок и помахала им.

Девочка посмотрела на тонкие усики почтовых настенных часов, они сомкнулись в один толстый торчащий в сторону ус. Скоро от духоты и скуки Соня устала и прислонилась к почтовой стойке.

Когда до Сони дошла очередь, бабушка, тяжело дыша, поднялась и, прихрамывая, подошла к окошку. Пока она возилась с бумажками, девочка смотрела на маленького синего дракона, стоящего в стороне. Какой-то дедушка скормил ему свои письма. Такой прожорливый и такой худой. Соня потрогала узкий длинный рот дракона.

– Сонька?

Девочка обернулась. Бабушка отошла от стойки, пряча гомонок в сумку. Соня побежала вперёд, открыла и придержала непослушную дверь.

На улице, весело спрыгивая со ступенек, девочка посмотрела на небо. Солнце то и дело важно отворачивалось от неё, прячась в лохматые облака.

К остановке, кряхтя, подполз грязно-оранжевый автобус. Соня с бабушкой уселись вдвоём. Девочка положила голову на бабушкино плечо и поглядывала в окошко.

Ехать до автостанции на рынок совсем близко, но Соне показалось, что автобус водит их за нос и нарочно едет какой-то заколдованной и неверной дорогой.

Путешествие по громкому и разноцветному муравейнику рынка очень быстро надоело Соне. Ей хотелось скорее в автобус и домой, но бабушка оставалась у каждого прилавка, уточняла цену, подолгу рассматривала продукты. Она обошла чуть ли не все лавочки. Особенно долго бабушка спорила из-за крема «Мумиё», который стоил неделю назад на рубль меньше.

– Ай, какая хорошая девочка! Смотри, какие игрушки, – позвал Сону чернобородый голос.

Девочка стала рассматривать резиновые мячи, и ей приглянулся один – голубой с тёплым рисунком. На нём лохматый пёсик поднял ухо и звонко приветливо залаял. Девочка улыбнулась.

– Сонька! Сколько можно кричать? Оглохла? Айда скорее, автобус сейчас подойдёт.

Бабушка дёрнула внучку за руку. Соня посмотрела на неё.

– Сколько? – спросила бабушка продавца.

– Пятьдесят рублей.

– Э-эка-а-а-а...

– Сорок пять для вас.

Расплатившись, бабушка и внучка заспешили к автобусу. Там встретили бабу Тасю. Увидев соседку,

она тут же стала жаловаться на врачей и больницы. Сонька прикрыла глаза и почти уснула. Сквозь дрему она услышала недовольное шипенье.

– Непутёвой этой деньги сняла?

– Шшш! Таньке, Таньке. Кому ж ишо? Пособить надобно.

– Сдурела? Внучку-подкидыша воспитала, а та тебе правнучку на шею посадила!..

– Чего орёшь как оглашенная?!

Внутри у Сони сжался в клубок маленький ёжик. Девочка крепче обняла мячик с пёсиком.

На улице старушки неторопливо зашагали в сторону дома, а Соня погналась за отскочившим мячом. Девочка нашла его у песчицы. В песке вдруг что-то блеснуло. Соня бухнулась на колени и принялась рыть клад. Добралась до игрушечной железной тарелочки. Соня достала её и увидела на дне ямки чёрную землю. Девочка испугалась и скорее зарыла её, прихлопывая и приговаривая:

– Раз, два, три, чтобы не было войны!

Сонька знала: нельзя чёрное оставлять, это к ужасной беде.

– Егоза! – позвала бабушка.

Сонька схватила мячик и помчалась к подъезду.

Дома бабушка приготовила чай и поставила на стол смородиновое варенье. Сонька ела его ложками, щурясь от удовольствия. Бабушка одобрительно кряхтела и подливала в кружку кипятка. После чаепития она снова отправила внучку рисовать.

Девочка тихо бродила по дому. На цыпочках вместе с Хорьком шла по скрипучему тёмному коридору к двери, садилась на пол, прижималась к ней. И ждала, не заговорит ли скрипучим голосом её железная подъездная подружка. Но обе двери молчали. После этого Соня заглядывала на кухню, недолго смотрела, как бабушка кипит и красит связанные из разных ниток вещи, и опять уходила.

Потом, решив познакомиться пёсика, который жил в мяче, со своим двором, Соня перенесла свои игрушки на подоконник. Но день уже расчёркивал тонкое небо цветными фломастерами. От этих красок внутри у Сони чувство, которое утром щекало её, заскулило. Девочка, бросив игрушки, пошла на кухню.

– Баба!

– Что?

– Расскажи сказку!

– Опосля посумерничаем. Нельзя днём сказки сказывать, не то в Бабу-Ягу превратишься.

– Кто? Я? – удивилась Соня.

– Не я же. Мне куда ишо старее? Принеси карты.

Внучка быстро сбегала за ними в спальню и вернулась. Когда бабушка стала гадать, Соня прилегла рядом.

Бабушка, задумчиво хмурясь, раскладывала карты веерами. Переворачивала по очереди, представляла каждую и что-то иногда шептала. Сонька, заглядывая через её плечо, пыталась понять, что они отвечают. Но вскоре, фыркнув на Соню, бабушка собрала карты и взялась за кастрюли.

Девочка тихо вышла из кухни и побрела к окошку в комнате. Стала приставать к цветам. На подоконнике у бабушки был свой маленький палисадник: душистая бархатная герань с цветочными зонтиками, широкое старое алоэ и высокое сочное

денежное дерево. Соня расковыряла в горшках рыхлую чайную заварку. Бабушка никогда не выбрасывала её, сушила использованные пакетики. На кухне на окошке у них был целый солнечный пляж! Соня вытерла об себя руки и снова принялась рассматривать двор.

Он, опустив облезлые серые уши, жался от холода и засыпал. Общипанное ветром дерево держало в своих руках последний осенний листок. Сонька посмотрела на небо: разлив красно-оранжевую краску, день скользнул вместе с солнцем за крышу соседнего дома и исчез.

Облезлые качели, на которых обычно Соня каталась, были заняты какой-то взрослой девочкой. От озорных взлётов её чёрные недлинные волосы рассыпались, не касаясь плеч. Сонька взглянула на морковный кончик своей косички и тоже захотела на качели. Она покрутила головой, чуть вытянув утёнком губы, изображая тётенек из рекламы. Но её косичка не летала плавно и красиво, как того хотелось Соне. И девочка опустила голову, подпёрла руками подбородок и снова принялась разглядывать мир за окном.

Вдруг во двор вполз ярко-жёлтый жук-такси. Соня, затаив дыхание, следила за его приближением.

– Сонька...

Соня обернулась на бабушкин голос и дёрнулась в сторону двери. Но тут же отвернулась и, вцепившись в подоконник, снова глазами нашла машину. Такси ехало очень медленно, словно осматриваясь по сторонам.

– Сонька!

Девочка даже привстала на носочки от нетерпения. Где же оно остановится?

– Сонька! Паразитка такая!

Машина остановилась возле их подъезда. Сонька бросилась на кухню.

– Закатай рукав, мешает, – попросила бабушка. – Ты чего такая ошаленная?

– Мама приехала! – Сонька метнулась к кухонному окошку.

Бабушка испуганно ахнула и тоже нырнула за занавеску к внучке. Но было поздно, они увидели только, как захлопнулась дверь подъезда и такси отъехало. Внучка и бабушка, словно наперегонки, бросились в коридор.

Задрожав вместе с бабушкиной рукой, щёлкнул выключатель. Бледно-жёлтый парашют света раскрылся под потолком. Притаившись и почти не дыша, Сонька и бабушка слушали стук приближающихся каблучков.

– Бабачка! – запищала радостно Сонька. – Открывай! Это мама!

– Тшш! – шикнула бабушка, сама же вытянулась, как струна контрабаса – вот-вот лопнет.

Цок-цок, цок-цок – звонко болтали каблучки у самой двери. Бабушка сжала руки. Сонька сердилась на неё: ясно же, что мама приехала, надо открыть ей дверь, чтобы она знала, что они тут, что они ждут её, очень ждут!

Цок-цок, цок-цок, цок-цок... Каблучки стали говорить тише и глуше. Бабушка посмотрела в глазок и отшатнулась от двери.

– Сонечка, иди порисуй. Скоро исть будем, –

прозвучал сдавленный и чужой голос.

Бабушка тяжело заковыляла обратно на кухню. Оставшись одна, Соня долго не двигалась с места. Она медленно подошла к двери – прижалась ухом к её сердцу и услышала тишину. Тишина эта стала горчить во рту у Сони.

Потом девочка пошла в потемневшую спальню, высыпала фломастеры, исчеркала маленького толстого слонёнка в раскраске. Залезла под стол, прижала к себе Хорька, уткнулась носом в его облезлую голову и тихо заплакала.

Скоро глухой голос позвал её ужинать. Соня не отозвалась, она слушала предательское тиканье. Поглядев на часы, она заметила, что усы у них недовольно и обиженно опустились вниз. Бабушка больше не звала Соню. И девочка вздрогнула от этой тишины, она поскорее выползла из-под стола, вытянула за собой Хорька и побежала на кухню.

Войдя в комнату, Соня увидела на столе отложенные бабушкой деньги. Они были аккуратно перевязаны шерстяной апельсиновой ниткой. Бабушка убрала их в карман халата, затем молча спрятала глубоко в шкаф ненужную праздничную вазочку.

Соня села за стол. Вместе с Хорьком она смотрела, как остывает суп, как появляются и застывают круги жира. Птичка не ела суп. И Соня не ела.

– Соня, ишь, – мягко попросила бабушка. – Сонечка, ишь... – голос бабушки дрогнул.

Внучка подняла глаза и увидела, что плечи бабушки трясутся. Девочка испугалась! Она бросилась к бабушке, обхватила её своими тонкими ручонками, уткнулась в мокрое, как моченое яблоко, лицо и залепетала:

– Бабачка! Я скушаю весь-весь суп быстрее птички! Бабачка, хочешь?! Я весь-весь скушаю, только ты не плачь! Бабачка, я буду хорошей девочкой, – Сонечка стала целовать бабушку в мягкие теплые яблочные щёки. – Я всегда буду кушать суп! Бабачка!

Бабушка плакала и обнимала внучку, крепко-крепко прижимая к себе. Качаясь вместе с девочкой, она говорила:

– Бедная моя масенькая, егозатушка моя золотая, морковонька моя...

Сонечка прошептала в самое ухо:

– Бабачка, ранешно ишо. Мама завтра приедет...

Бабушка ухнула, уткнулась лицом в Сонькино хлипкое плечико, но рыдать не стала, сильнее прижала внучку:

– Я нонче тебе скажу самую хорошую сказку. Хочешь?

– А я в Бабу-Ягу не превращусь? – испугалась Соня.

– Нет, ночью сказки можно сказывать, – беззубо рассмеялась бабушка, утирая слёзы.

В Ульяновске появилась литературная остановка

Волонтеры преобразовали остановку СНТ «Вишневый сад» в литературный арт-объект. Название остановки «Вишневый сад» совпадает со знаменитой пьесой Чехова. Остановка нуждалась в реновации, было решено не просто обновить ее, а превратить в арт-объект с литературными граффити и полками для буккроссинга. Для этого пригласили местного художника Сергея Хохрина и волонтеров.

Данила Ноздряков стал дипломантом Волошинского конкурса

В Севастополе и Коктебеле прошел XVII Международный литературный Волошинский фестиваль, в ходе которого наградили победителей одноименного литературного конкурса. Одним из дипломантов стал ульяновский поэт Данила Ноздряков, получивший диплом в номинации издательства «Воймега» за рукопись книги «Поволжская детская республика».

В Ульяновске прошла встреча с поэтом из Новой Зеландии Дэвидом Ховардом

На встрече второй гость писательской резиденции, работавший здесь по программе «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО», представил поэтический триптих, первая часть которого посвящена композиции мастера-умельца Алексея Морозова в музее Ульяновского театра кукол, вторая – известным российским поэтам, третья – воображаемому диалогу Сахарова и Обломова. Гости также услышали музыку композитора Софьи Филяниной, написанную специально для этих текстов. Модератором встречи стал поэт и журналист Сергей Гогин.

В Ульяновске открылся литературный коворкинг Literary Hall

На 3-м этаже Дворца книги открылось коворкинг-пространство для писателей Literary Hall. Оно станет презентационной площадкой литературной сферы региона и международных проектов сети креативных городов ЮНЕСКО, а также местом совместной работы ульяновских авторов и площадкой для проведения литмероприятий. По вопросам проведения мероприятий в литературном коворкинге можно обращаться по телефону 44-30-85 в отдел литературы на иностранных языках (Светлана, Антон).

По Ульяновску проехал Литературный троллейбус

Этим летом по городу уже в четвертый раз проехал Литературный трамвай, теперь же организаторы решили провести акцию на другом берегу города – в Заволжье, пояснили в дирекции программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО». Проза и поэзия звучали в исполнении актеров, журналистов, общественников. Свои тексты прочитали и местные авторы (Игорь Улитин, Вячеслав Савин, Данила Ноздряков и др.). Специальным гостем Литературного троллейбуса стал поэт из Данидина Дэвид Ховард.

Прием заявок на семинары Союза писателей Москвы

В этом году пройдут семинары по поэзии, прозе, драматургии и кинодраматургии, критике. Выбранных авторов пригласят на обучение под руководством известных писателей и поэтов (4-8 декабря, Московская область). Участие в семинарах для авторов бесплатное, проживание оплачивает принимающая сторона, проезд до места проведения семинаров – за счет авторов. По итогам работы лучшие авторы будут приглашены вступить в Союз писателей Москвы. В семинарах поэзии будут опубликованы шесть авторских поэтических сборников в издательстве «Воймега». Подробности: <https://www.masterclass-spm.com>.

Книга Ирины Богатыревой вошла в шорт-лист «Книгуру»

Детская книга Ирины Богатыревой «Я – сестра Тоторо» вошла в шорт-лист Всероссийского конкурса детской и юношеской литературы «Книгуру». Интервью с Ириной можно прочитать на сайте www.ulyanovskcreativecity.ru.

Подробнее ознакомиться с этими и другими новостями можно на сайте программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО» <http://ulyanovskcreativecity.ru>.

Подпишитесь на новостную рассылку: для этого просто отправьте письмо на адрес infopoint.ulsksityofliterature@gmail.com.

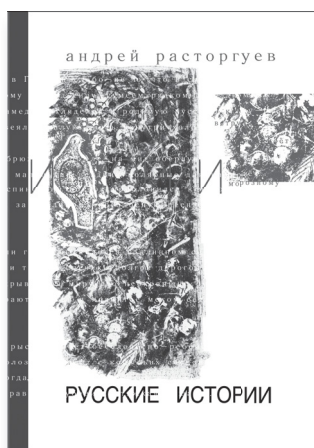

СТРАНА ПОЭЗИЯ

Валерия ЛИТВИНЕНКО

Родилась в 1995 году в г. Магнитогорске. Окончила факультет журналистики ЮУрГУ, кафедру русского языка и литературы. Живёт в Челябинске.

Автор поэтических сборников «Прольётся дождь сухим вином» (2013 г.), «Лёгкие» (2017 г.). Член Союза писателей России.

ДИКИЕ ЯГОДЫ

О книге Андрея Расторгуева «Русские истории»

Сегодня, на мой взгляд, невозможно не вписать какое-либо художественное явление или событие в социальный, политический или международный контекст, потому что границы и государств, и культур, и сфер жизни постепенно становятся все более прозрачными. И, конечно же, в подобных условиях книга с названием «Русские истории» непременно должна была привлечь на себя пристальное внимание современных читателей и получить большое количество трактовок и толкований.

Должна сразу честно признаться: брала эту книгу в руки с некоторой настороженностью. Сложно было соотнести «Истории» с поэзией, опасалась, что автор решил в строгой, может быть даже «громогласной», манере научить читателя, истину ему открыть.

Теперь, когда книга прочитана, знаю, что в ней – живая жизнь. Здесь собраны очень честные, простые, пронзительные, глубокие произведения о самом главном и вечном – любви, вере, истине, мире, жизни, России. Когда читаешь «Русские истории», возникает ощущение, что только такие образы, слова, темы по-настоящему важны, а все остальное – эпоха, государственное устройство, международные обстоятельства – очень декоративно, менее значимо. Главное не в этом.

В чистом поле

Книга разделена на четыре смысловые части: «След на земли», «Игра в города», «Осколки» и «Материк». Каждая из них объединяет поэтические произведения со схожими образами, идеями, художественным состоянием автора. Каждая начинается тематическим черно-белым рисунком, к которому прибавлены строки одного из стихотворений.

Изобразительная завязка для каждой части выбрана, на мой взгляд, изумительно: на рисунках – ягоды, и строки – тоже о ягодах. Причём ягодах диких: рябине, волчьей ягоде, чернике. Такая композиция создает совершенно особое настроение: мы уже с первых строк оказываемся ближе к земле, к живой русской природе, становимся абсолютными детьми, непосредственными и понимающими голоса природы и жизни с первых звуков.

В первой части – «След на земли» – автор создает многомерное художественное пространство, в котором легко и привольно дышится, чувствуется простор, как в чистом поле. И удивительная вещь: стихотворения и неразрывно связаны между собой, и каждое из них является самостоятельным и глубоким произведением. Первая часть пропитана природным духом, воспоминаниями о детстве и дорогих сердцу автора людях, и все это сплетено с русским духом и русской душой. Здесь так связаны друг с другом мысли и чувства автора о разных местах и народах, о маме и вере.

Поражает то, что автор берет необъятные темы и запросто смешивает их с чем-то, казалось бы, маленьким и обычным. Но именно благодаря такому смешению и не возникает сомнений: да, вот такой он, мир, вот такая наша Родина, и мы сами – частицы всего вечного. Гармоничные движения от малого к глобальному и наоборот очень ощущаются, например, в стихотворении «Северней совсем похолодало...»:

...Но и в мировую перемену
вековых основ не хороня,
мы-то знаем истинную цену
вешнего и внешнего огня.

Мере неизменные и долгу,
мы-то можем, к небу или вглубь
обратя дыхание, подолгу
от живых не отрывать губ...

И мы погружаемся в этот мир вечных символов, знаний и истин. Приходим к векам через огонь и возносимся к небу благодаря любимым тёплым губам.

Ещё один яркий пример подобных полетов через малые и большие миры – заключительная часть поэмы «Тридцать шесть и семь», действие в которой начинается с утренних хлопот на кухне, а завершается рядом с Гомером!

Между светом и тьмой

Во второй части книги автор переносит нас уже в города. Особенно много он пишет об уральских городах и об Урале – своей малой родине. Городские образы и строки уже не так просторны и воль-

ны, здесь очень выразительно переданы бетонная многоэтажность городской жизни, монолитность, темное и тесное железо. И здесь уже много образов – символических форм: литьё, колокола, башни. Здесь полёт мысли борется с городским заточением, а малое с большим или обыденное с вечным уже не могут быть в гармонии. Вот, например, стихотворение «Невьянская башня»:

...Вечная тяжба ростка и металла,
белой берёзы и рыжей руды.
Горнозаводская доля Урала –
трата народа, земли и воды...

Но, упираясь в железные плиты,
с края последнего восьмерика
ты убедишься, что воды разлиты,
люди малы, а земля широка...

Но дух оказывается шире и сильнее, русская земля берёт своё. Потому что не может искусственное превзойти природу, часть не может покорить целое. И об этом очень точно говорит автор в поэме «Игра в города», которая эту часть завершает:

...Когда корешками на тысячи лет углубиться –
не всё ли едино, какая верста и столица?
И раньше бывали медвежьи углы-времена,
да вновь прорастали из тёплой земли семена...

Осколки

Третья часть носит одновременно простое и метафоричное название – «Осколки». И в ней автор рассказывает нам о каких-то «осколочных», единичных военных событиях в городах и селениях, причем здесь нет временных рамок: мы читаем о событиях, произошедших век или два века назад, о современных людях и делах. Но все произведения объединены тем, что в них лейтмотивом становится понятие «дух», «русский дух». В стихотворениях сконцентрированы сила, выдержка, умение бороться, терпеть и ждать.

Вместе с тем в них сплетены горечь и ирония от вещей, которые изменить невозможно и воспоминания о которых горьки и тяжелы. В «Балладе о высшей расе», например, уже с первых строк забавное, шутливое находится рядом со страшным:

Слову поверь или телом пойдя проверь:
серая крыса – очень серьёзный зверь
и по уму-приплоду, и потому,
что человеку сроду несла чуму...

В третьей части книги вечный свет: семья, жизнь, любовь, вера – сталкивается с вечной тьмой: войной, смертью. И на таком противопоставлении изображается победа духа.

Главное о главном

Финальная часть называется «Материк». Если вспомнить определение, материк – это большой участок земли, окруженный водой. И здесь автор говорит нам о закольцованности всего происходящего: в конечном итоге главным врагом человека

становится сам человек, и постепенно его развитие, изобретения, открытия получают место в мире и начинают жить своей жизнью, зачастую в противостоянии со своим изобретателем. А ход времени не останавливается, и жизнь идет. И в стихотворении «Беззащитную озимь морозы в полях обожгли...» об этом очень точно сказано:

...Так мешаются в недрах небес водяные пары
 круговертью воздушных клубков
 и туманных потоков –
 между каплями не различишь ни отцов,
 ни потомков:
 все едино вода, вознесенная в тартарары...

В заключение хочу сказать, что вся книга «Русские истории» – это цельный, очень искренний живой организм. Эта книга очень сильна по душевному размаху, и я считаю, что прочитать ее нужно непременно. Автор говорит в ней главное о главном, делает это предельно честно, чисто, открыто и глубоко. В «Русских историях» я прочитала живую жизнь, я её прочувствовала. Вместе с этим я с радостью вспомнила, что я русский человек, что я живу в России XXI века, что я верю и люблю, дышу именно этим воздухом и собираю именно эти дикие ягоды. Это ли не главное?

Андрей РАСТОРГУЕВ

Расторгуев Андрей Петрович – поэт, переводчик, публицист, член Союза писателей России.

Родился в 1964 году в Магнитогорске. Окончил Уральский государственный университет и Российскую академию государственной службы при Президенте России в Москве. Кандидат исторических наук.

Автор книг стихов, переводов и литературно-критических статей, многих публикаций в литературных журналах, участник ряда антологий. Лауреат Государственной премии Республики Коми, премии имени Бажова и ряда других литературных наград.

Живёт в Екатеринбурге.

ДОЖДЯ И АНГЕЛА В ДОРОГУ...

* * *

Уходят мысли бестелесными,
 а жизнь бессмысленно длинна,
 когда над крышами железными
 висит сырая пелена,
 и непроглядно избавление
 в непроницаемой дали,
 и атмосферное давление
 не держит сердца у земли.

Но есть иные дни – прозрачные:
 одолевая слабину,
 уводит ветер воды мрачные
 и обнажает глубину,
 и обретают просветление
 и пеликан, и великан,
 и атмосферное давление
 сердца возносит к облакам...

Со дня рождения до судного
 одна природа и судьба
 столба медлительного ртутного
 и атмосферного столба,
 и кровеносные неистово
 сосуды рвутся неспроста,
 когда высокого и низкого
 переменяются места.

* * *

Нынче осень долго ставит точку
 буйному размаху лопухов.
 Я пройду по ближнему лесочку –
 погляжу грибов или стихов.

Оскудели щедрые грибницы,
 впитывая стылую росу.
 Что ж – насобираю голубицы
 и тебе в ладони принесу...

Полночь било во Владивостоке:
 кто не спит, наверное, глядит,
 как Земля вонзается в потоки
 чиркающих небо Драконид.

И желанья множатся во мраке,
 сказанные наспех, наугад...
 Тишина. Дыхание собаки.
 Скоро звездопад. И – снегопад.

* * *

Иные книги нынелетние,
 нам возводимые в закон,
 напоминают: мы – последние,
 кто пишет русским языком,
 рябые рыбины подлёдные,
 огнеупорные кроты,
 седые птицы перелётные,
 свалившиеся с высоты...

Не коршуны, но и не голуби,
из-под земли или воды
мы пробиваемся сквозь проруби
и потаённые ходы.
И как дыханье ветряное,
глотаемое сгоряча,
нам слово однокоренное,
понятное без толмача.

* * *

Душа усомнится: надо ли?
Да спросишь кого – беда:
Алатырь ему, Анадырь ли –
неведомые города...

Когда в золотистом облаке
восходит осенний свет,
в Алатыре спеют яблоки –
в Анадыре сеет снег.
Пока вороха крылатые
подымутся на юга
и заморосит в Алатыре –
уже занесло в Анадыре
порошею берега...

Обычные, нестоличные,
как в борозды семена,
разбросаны пограничные
в различные времена,
да оба молвой неброскою
по рекам наречены:
один – над равниной Русскою,
другой – у морской волны.

Бревенчатými острогами,
стенáми монастырей
страна полегла дорогами
сквозь марева до морей.
Равны, да не одинаковы,
прочны, да не кирпичи...
Анадырь – что на Анадыре.
Алатырь – что на Алатыре...
Прислушайся, различи.

* * *

Как на осень лето поворачивает,
ходит ветер, груши околачивает,
молодые яблони трясёт,
золотые молнии пасёт.
И как будто праведники с грешниками,
стукаются яблоки лобешниками:
тук да тук – разносится окрест,
точно урожайный благовест.

А далече – бух да бух – заманивает:
Екатеринбурх грехи замаливает.
Азиатец, да коли алкал –
будет тебе, братец, колокол...
Намахни да вдарь – а нам стесняться кого?
Мы без государя с восемнадцатого...
Как намёк на скорую судьбу –
пятнышко у яблока во лбу.

НАД ГАНИНОЙ ЯМОЙ

В яму натекли потоки снега,
календарь смыкает времена.
За кресты заякорилось небо,
чтобы глубже не ушла страна.

Так совпало – или не совпало?
Поп крестил – народ приговорил:
на земле из камня и металла
Ганей прозывался Гавриил.

Промышлял – не рыл другому яму,
духом не архангел, но горняк.
Золото отыскивал упрямо,
а нашёл кровавый железняк.

Меру ли отчаянно превысил
или мезью за благую весть?..
Мистика простых имён и чисел,
лотерея неслучайных мест.

Лёгok снег – сердца тяжеловаты,
не смягчатся жертвою пока...
Свежих облаков азростаты
раздувают белые бока.

* * *

Не обрекая плесени
нажитое трудом,
брат накануне пенсии
отделяет дом.
Только всего и дорого
данного со щедрот –
место вдали от города,
садик да огород.

Лиственницы да падубы,
доброго поля пядь –
только всего и надо бы,
дабы не голодать.
Сколько ещё отмерено?
Надо бы до конца:
выросли дочь и дерево –
строится крепостца.

Но за сирень-смородину
и обиходный быт
он золотую родину
не поблагодарит –
не по душевной малости,
а сторожась цены:
то ли нещадной старости,
то ли большой войны.

* * *

Хочешь не хочешь – ступай за порог:
псу моему выходной ли, рабочий...
Утро холодное. Тёплый парок
овеществляется в пасти собачьей.
Солнце восходит при рыхлой луне –
скоро она до заката растает...
Азия стынет – иначе бы не
ветер её холодел в Казахстане.
Что Kazakhstan? Из такой же земли –
исполу мы олатинились тоже...

Дочери к дальнему морю ушли –
 где нарыбальются, чем подытожат?
 Нечего спрашивать, кто разлучил –
 сам от земной перемены немея,
 речи иной их не ты ли учил,
 странной любви передать не умея?
 Вот и не рви на себе волоса –
 в них без того не застрянет гребёнка...
 Вот и осталось – выгуливать пса
 утром и вечером, точно ребёнка.

* * *

Не делай мне поблажки
 на круге роковом:
 не покупай рубашки
 с коротким рукавом –
 по ведомым приметам,
 родимый человек,
 мне их коротким летом
 не износить вовек.

Что холодна природа,
 какой с погоды спрос?
 А ветреная мода
 по ветру держит нос –
 мол, оттянись, Еремя,
 рассудку вопреки...
 Эх, потянул бы время,
 да руки коротки.

* * *

Дождя и ангела в дорогу.
 Дорога мокрая – так что ж?
 Езжай пораньше, понемногу,
 не превышай – на то и дождь.

А после в воздухе высоком
 под паволокой голубой
 следящий ястреб или сокол
 крыла расправит над тобой.

Но ты недоброю приметой
 не почитай их зоркий труд –
 то ангелы нас эстафетой
 из клюва в клюв передают.

ОБЕД В ЯЛУТОРОВСКЕ

Не сквернословен и не лют
 в рабочий день обыкновенный
 несуетливый русский люд
 в ялуторовской пельменной.
 Благонадёжный общепит
 за обихоженым забором
 предусмотрительно стоит
 между острогом и собором,
 и, повышая оборот
 ему обедом неременным,
 здесь туристический народ
 мешается с абorigенным.

Приговорённый на расход,
 при всякой новой перемене
 он выживает и живёт,
 ест рукодельные пельмени
 и чертомелит свыше сил,
 собору близок и острогу...

А я всего-то заходил
 поесть на дальнюю дорогу.

* * *

Ни заплатами, ни латами
 наших дыр не залатать...
 Возле города Алатыря
 слезы точит Божья мать.
 Пробиваются бегучие
 из подземной глуботы,
 не горячие – горячие,
 холодны до ломоты.
 И приходят, и купаются
 люди грешные в воде,
 и грехи их искупаются
 по молитве и беде...
 Так в земле моей и водится
 с Покрова до Покрова:
 пока плачет Богородица,
 моя Родина жива.

* * *

Не пой, молодая, при мне
 ты песен о старой войне –
 бурьяне, тумане и пыли...
 С почти вековой глубины
 едва различимо слышны
 далёкие боли и были.

Окатыши горьких побед,
 и мы уже таем на нет
 на бруствере тысячелетья,
 поросшие мохом-травой...
 А вслед за Второй мировой
 проглядывается третья.

И, как в неурочный Покров,
 поверх городов и голов
 потомков, безвестно любимых –
 не ангелы, не мертвецы,
 но вечно живые бойцы
 из давних семейных альбомов.

Мол, братья, кончай ночевать:
 не время ещё почивать,
 пролёживать Боговы лавки –
 пора собираться опять
 в небесную русскую рать
 из необратимой отставки...

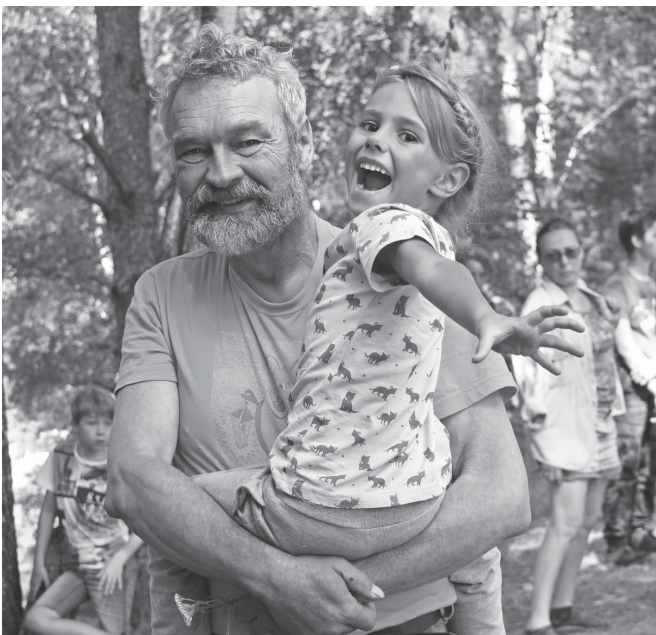
Бог знает: пора – не пора.
 Опять холодают ветра,
 а думали: лето в кармане...
 Мелодия вроде проста,
 да не удаётся с листа,
 но если душа не пуста,
 мы вместе споём о тумане.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Сергей ЮРЬЕВ, член Союза журналистов России

ЖИЛ-БЫЛ СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК...

С внучкой Настей, фестиваль «Ломы-2018»

Давным-давно древнегреческий философ Диоген Синопский (тот самый, что жил в бочке и однажды послал куда подальше самого Александра Филипповича Македонского) среди бела дня зажег фонарь и начал с ним разгуливать по Афинам. Граждане, удивлённые очередным чудачеством эпатажного философа, тут же начали интересоваться, почему он бродит днём с огнём, и тут же получали ответ: «Ищу человека». Разумеется, на самом деле философ никого не искал, а лишь намекал согражданам на то, что среди них настоящий человек – такая редкость, которую и днем с огнем не сыщешь... Диоген, конечно, преувеличивал. Были достойные люди в Древней Греции, да и в наше время их не так мало, как может показаться на первый взгляд. И всё-таки встреча, знакомство, а уж тем более дружба с каждым из них – огромная удача, бесценный дар, луч света, который продолжает освещать тебе путь до конца дней твоих...

«Снег над лагерем валит, гнёт палатки в дугу...»

Делал то, что считал правильным

2 февраля этого года ушёл из жизни Константин Николаев, человек, любимый всеми, кто его знал. Ушёл рано. Всего-то в 56 лет... Он не писал бессмертных книг, не создал иных шедевров, не делал великих открытий, не нажил богатства... И не был он никаким ни лидером, ни вождём, потому что никогда ни к чему подобному не стремился. Он просто жил, работал, любил своих близких, дорожил дружбой, воспитывал детей и внуков... А ещё он пел хорошие добрые песни – да так, что тем, кто слушал, хотелось плакать и смеяться, верить и любить и, главное, жить... Жить, не подчиняясь обстоятельствам, а так, как считаешь правильным, как велит совесть, как желает душа.

Страна о нём узнала в 1980 году на XXIV Московском городском фестивале авторской песни – том самом, что вошёл в историю как «мокрый слёт». Песни бардов тогда распространялись по стране простым и единственно возможным способом: поёт человек у костра, а к нему тянутся на «удочках» десятки микрофонов... Помнится, после слёта вся ульяновская команда двинулась на станцию по дороге, а мы с ним рванули напрямки, через пашню, чуть ли не по колено в мокром чернозёме. Среди туч над горизонтом возник просвет, и выглянуло солнце, и я, вспомнив цитату из песни Визбора, крикнул: «Лучше нету того свету!». «Но туда охоты нету!» – тут же отозвался Костя... Тогда ещё казалось, что жизнь – это если не навсегда, то уж точно очень надолго...

Потом были слёты в Перми, Казани, Йошкар-Оле, Димитровграде, других городах, а в 1988 году он стал лауреатом фестиваля имени Валерия Грушина, но получать диплом не пошёл – то ли не счёл наличие такого документа достаточно значимым, то ли нашёл дела поважнее. Да и вообще для него многое из того, что считается очень важным для среднего человека, было не слишком существенным. Он всегда делал только то, что считал правильным и по-настоящему полезным. И ещё он не терпел, когда кто-то пытался на него давить. После окончания Политеха Костя некоторое время работал на приборостроительном заводе, но однажды «не сошелся во взглядах на работу и зарплату» с начальником цеха и ушёл в областной центр детско-юношеского

туризма, хотя платили там явно не больше. Зато в этой работе ему помогала песня... Да и туризмом он увлекался ещё со школьных лет. И всегда считал, что это «погружение в иной мир, более добрый, более гармоничный, более духовный, чем повседневная жизнь». И музыкальный инструмент он выбрал именно благодаря туризму, поскольку «пианино с собой в горы не потащишь». И даже будущую свою супругу, Татьяну, с которой прожил всю жизнь, встретил в 1980 году в горах Кавказа – в походе.

Глядя на жизнь

В 2014 году с трудом удалось уговорить его дать интервью для газеты. Пришлось даже немного слухавить – сказать, что «плановый клиент» внезапно уехал, а полосу в газете чем-то заполнять надо, Костенька, выручай... И тогда он сказал, что верит в судьбу, которая нередко сама подталкивает людей к тому, чего они действительно хотят от жизни. Приведу ещё несколько цитат из того разговора...

6 апреля 1986 года, на берегу Волги

О прошлом и настоящем: «Это, конечно, парадокс, но когда в стране главенствовала коммунистическая, насквозь материалистическая идеология, в обществе больше ценилось наличие в человеке духовного начала. И песни бардов хоть и стояли особняком от официальной культуры, не выбивались из общепринятой системы ценностей. Да и само общество было устроено в интересах человека. По крайней мере, детей рожать не боялись. Не было страха за их будущее».

О семье и детях: «Дети – это прекрасно, и я счастлив, что они у меня есть. С тем, чтобы прокормить детей, и сейчас в России особой проблемы нет, если у родителей есть руки и голова. Проблема в том, чтобы дать им образование, поскольку это стало довольно дорого. Но не это главное. Есть такое понятие – экология души, а с этим в современном обществе огромная проблема. Информационное пространство загрязнено пропагандой рвачества, насилия, индивидуализма и прочих пороков. И оградить детей от этого невозможно, поскольку всё находится в открытом доступе. Все эти пометки «12+» или «16+» никого ни от чего не ограждают. Если человек уже как-то сформировался, у него есть фильтры, защищающие разум и душу. И задача современного вос-

С дочерью Машей и сыном Степаном

С женой Татьяной и сыном Степаном на фестивале в Ломах.

питания не в том, чтобы изолировать детей от мира, полного пороков и соблазнов, а в том, чтобы помочь им такие фильтры обрести».

Об образовании: «За своих внуков я не боюсь. Их родителей мы с Татьяной воспитывали и, надеюсь, дали им достаточно, чтобы они и своих детей не потеряли. Но вызывает огромное сожаление, что в России разрушено то, что, собственно, и делало наше общество сильным и гармоничным. Систему советского образования приняли Китай и многие другие страны. Может быть, и я на это очень надеюсь, что и наша страна к ней когда-нибудь вернется. Иначе нельзя».

Об отношениях государства и человека: «Я думаю, что каждый человек – сам себе государство. Это страна у нас одна на всех. А самое важное для человека – жить в согласии с собой и не превращаться в механизм, существующий для выполнения некой конкретной задачи. А у нас в последнее время стало модным понятие «человеческий капитал». Так вот, человек не должен быть капиталом, человек должен быть ценен сам по себе, а не как средство достижения какой-то цели».

Нельзя зарабатывать на том, чем живёт душа

В последние годы он старался чаще выступать, в 2010-м слетал на Визборовский слёт в Хабаровск, где был почётным гостем, никогда не отказывался вести творческие мастерские для детей на различных фестивалях, в том числе и на Грушинском, дал несколько концертов на различных городских площадках, осенью прошлого года съездил в Москву – пригласили на «квартирник»... В апреле прошлого года Константин даже сбежал из больницы на итоговый концерт детско-юношеского фестиваля «Сверим наши песни». Чувствовалось, что он торопился успеть как можно больше...

Ни на жизнь, ни на здоровье никогда не жаловался. Только, бывало, начнёшь зазывать его в лес или на какое-нибудь иное сборище – иногда отказывался, говоря, что чувствует себя не очень... Частенько шутил по поводу врачей, мол, каждый раз,

когда у них появляется, у тех глаза по шесть копеек: удивляются, что пациент ещё жив... А он жил вопреки прогнозам медиков – потому что любил жизнь и продолжал строить планы на будущее: купить подержанную «Ниву», уехать в деревню, разводить коз, делать сыр, заняться пчеловодством, принимать гостей, петь песни, по возможности ездить на фестивали...

22 января прошлого года в его деловом ежедневнике появилась запись, где он изложил свои ближайшие цели. И там, помимо конкретных бытовых желаний, были и такие:

«Желаю, чтобы я и все мои близкие были здоровы».

«Желаю успехов всем своим друзьям».

«Желаю творческого развития».

«Желаю пребывать в согласии с Мирозданием».

В прошлом году были мы на дне рождения у одной славной дамы я ненароком подслушал, как он ответил кому-то на вопрос о здоровье: «Что бы ни случилось – я к этому готов...».

После нескольких инфарктов не мог и не хотел жить на одну только инвалидную пенсию – старался не упустить ни одной работы из тех, что подворачивались.

Он мог бы сделать песню своей профессией, но считал, что нельзя зарабатывать на том, чем живёт душа. Однажды его пригласили выступить на одном официальном мероприятии. Пришёл. Спел. Ему тут же попытались вручить несколько купюр, но Костя категорически заявил, что за песни денег не берёт.

Да и по вечерам его было трудно застать дома. Помнится, вечером 1 февраля я ему позвонил. Проезжал мимо, думал зайти на чашку чая, но Костя сказал, что дома его нет и не будет допоздна. А на следующее утро он умер – быстро, легко, без мучений...

И теперь почему-то всё чаще вспоминаются строки из песни на стихи Давида Самойлова, которую Костя пел каждый раз, когда собирались друзья: «Повремени, певец разлук! Мы скоро разойдемся сами. Не разлучай сердца с сердцами, не разнимай сплетённых рук».

Фото автора

ЮБИЛЕЙНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

НОЯБРЬ 2019

1 ноября – 70-летний юбилей отмечает российский и немецкий писатель Райнгольд Асафович Шульц (р. 1.11.1949, г. Сыктывкар). Автор книг «Анекдоты папы Шульца», «Смеходром», «Перелётные птицы», «Режим тишины», «Слёзы и грёзы», «Волга – моя колыбель» и др. В сентябре 2010 года был в Ульяновске на Общероссийском фестивале культуры российских немцев: участвовал в работе литературной гостиной; выступал в Доме культуры пос. Чердаклы, драмтеатре, Ленинском мемориале. Живёт в городе Гиссен, ФРГ.

2 ноября – 85 лет назад родился мемуарист Михаил Самуилович Качан (2.11.1934, г. Ленинград, ныне С.-Петербург – 2.12.2018, г. Сакраменто, Калифорния, США). В 1941 – 1942 гг. находился с семьёй в эвакуации на Волге, в с. Кайбелы Чердаклинского р-на. Окончил Ленинградский политехнический институт (1959). Работал в Сибирском отделении Академии наук в Новосибирске. С 1992 года жил в США. Создал 21-томную эпопею воспоминаний «Потомку о моей жизни», где описал время своего пребывания на Волге под Ульяновском.

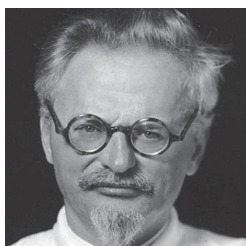
3 ноября – 90 лет со дня рождения писателя Вильяма Фёдоровича Козлова (3.11.1929, станция Куженкино Боровичского округа Ленинградской обл., ныне пос. Куженкино Бологовского р-на Тверской обл. – 13.04.2009, г. С.-Петербург).

Окончил Харьковское военное училище. Автор около 50 книг для детей и взрослых. Лауреат Всероссийской литературной премии, посвящённой 200-летию И.А. Гончарова, за роман «Птица небесная». Был в Ульяновске на вручении премии 17–18 июня 2006 года. Член Союза писателей СССР (1963).

9 ноября – 190 лет со дня рождения историка права, публициста, критика Фёдора Михайловича Дмитриева (9.11.1829, г. Москва – 6.02.1894, г. С.-Петербург, похоронен в Москве). Сын поэта М.А. Дмитриева. Окончил Московский университет. С 1869 года жил

в Симбирской губернии. В 1874 – 1876 гг. – попечитель Симбирской губернской гимназии. Автор критических статей о творчестве С.Т. Аксакова (1856), цикла статей «Судебная реформа» (1862 – 1863), очерка «Сперанский» (1862), двухтомного издания «Сочинения» (1899 – 1900) и др.

7 ноября – 140 лет назад родился политический деятель, публицист Лев Давидович Троцкий (7.11.1879, хутор Яновка Херсонской губ., ныне с. Береславка Кировоградской обл. Украины – 21.08.1940, поселение Койоакан, Мексика). Бывал в Симбирске в марте 1918 и апреле-мае 1919 гг.: участвовал

в заседании губисполкома, выступал перед войсками Симбирского гарнизона, публиковался в местных газетах. Автор книг «Литература и революция» (1923), «История русской революции» (1930), «Моя жизнь» (1930) и др.

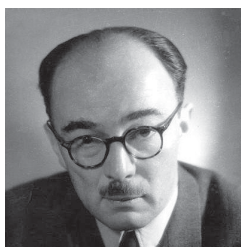
9 ноября – 150 лет назад родился поэт, прозаик, драматург Степан Гаврилович Петров, литературный псевдоним – Скиталец (9.11.1869, с. Обшаровка Самарской губ., ныне Приволжского р-на Самарской обл. – 25.06.1941, г. Москва). В Симбирской губ. побывал уже

в раннем детстве. В 1903 – 1913 гг. не раз бывал в Симбирске с чтением стихов, в 1913 – 1921 гг. жил здесь постоянно. Автор пьесы «Вольница», романа «Дом Черновых», исторического сказа «Кандалы», рассказов «Старый Венец», «Семинария», «Юность», «Лаврентий Щибраев» и др.

7 ноября – 110 лет со дня рождения писательницы Антонины Дмитриевны Коптяевой (7.11.1909, прииск Южный, ныне Зейского р-на Амурской обл. – 12.11.1991, г. Москва). Жена писателя Ф.И. Панфёрова. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького (1947).

Автор романов «Фарт», «Товарищ Анна», «Дерзание», «Дар земли», «На Урал-реке» и др. В октябре 1963 года приезжала в с. Павловка Ульяновской обл. на открытие библиотеки им. Ф.И. Панфёрова, о чём написала в очерке «Память сердца». Член Союза писателей СССР.

10 ноября – 110 лет назад родился польский писатель Павел Ясеница, настоящее имя – Леон Лех Бейнар (10.11.1909, г. Симбирск, ныне Ульяновск – 19.08.1970, г. Варшава). До 1917 года семья уехала на Украину. Жил в Киеве, Вильнюсе, Гродно, Варшаве. Автор книг «Польша

Пястов» (1960), «Польша Ягеллонов» (1963), «Три летописца» (1964), «Последний из семьи» (1965), «Речь Посполита обоих народов» (1967 – 1972), «Мысли о гражданской войне» (1978) и др. В 2007 году в Варшаве вышла книга воспоминаний «Записки о России».

7 ноября – 65 лет назад родился прозаик, поэт и бард Владимир Николаевич Ермошкин (7.11.1954, пос. Орлово Барышского р-на Ульяновской обл. – 3.08.2019, г. Каменск-Уральский Свердловской обл.). Работал инженером на телевидении, инженером-электроником в

городе Каменск-Уральском. Публиковался в журналах «Новый Современник», «Веси», «Мысли вслух». Дипломант фестиваля бардовской песни «Зелёная Карета» (2002, 2006, 2009, Каменск-Уральский). Член Международного союза писателей «Новый Современник».

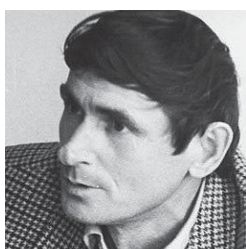
12 ноября – 110 лет со дня рождения писателя Арсения Ивановича Рутько (12.11.1909, г. Сувалки Царства Польского, ныне Подляского воеводства, Польша – 23?.03.1988, г. Москва). В первую мировую войну переехал с семьёй в Симбирск. Окончил автодорожный техникум в Ульяновске (1930). Работал на радио, в газетах

«Пролетарский путь» (1930 – 1937), «Ульяновская правда» (с 1947). Автор книг «Под солнцем» (1935), «До последней капли» (1937), «Детство на Волге» (1966), «Суд скорый» (1969) и др. Член Союза писателей СССР (1934).

13 ноября – 155 лет назад родился краевед, историк литературы Михаил Фёдорович Суперанский (13.11.1864, д. Ладва Олонецкого у. Олонецкой губ. – 21.05.1930, г. Москва). Окончил С.-Петербургскую духовную академию (1889). В 1892–1916 гг. жил в Симбирске. Работал бухгалтером, чиновником особых поручений. Один из основателей Гончаровской библиотеки-читальни, первый гончаровед Симбирска. Автор сочинений «Симбирск и его прошлое» (1898), «И.А. Гончаров и Н.И. Надеждин» (1913), «Декабристы и их поэзия» (1918) и др.

галтером, чиновником особых поручений. Один из основателей Гончаровской библиотеки-читальни, первый гончаровед Симбирска. Автор сочинений «Симбирск и его прошлое» (1898), «И.А. Гончаров и Н.И. Надеждин» (1913), «Декабристы и их поэзия» (1918) и др.

13 ноября – 75-летний юбилей отмечает поэт и журналист Вячеслав Петрович Ташлинский (р. 13.11.1944, г. Ульяновск). Работал в газетах «Ульяновский комсомолец» и «Ульяновская правда». Стихи публиковал в журнале «Литературный Ульяновск». Автор сборников стихов «Старый дом» (2004), «Осенний

день» (2006), «Мне хочется сбежать из мира взрослых» (2014), «Я сижу на сквозняке» (2016), «Отпустите пленённую птицу» (2018) и др. Лауреат конкурса «Король сатиры» (2015). Член Союза журналистов России.

16 ноября – 120 лет со дня рождения прозаика Михаила Андреевича Лобачёва (16.11.1899, с. Смышляевка Сенгилеевского у. Симбирской губ., ныне Кузоватовского р-на Ульяновской обл. – 14.10.1981, г. Волгоград). Был организатором книгоиздательского дела в Сталинградской области. В 1948 – 1954 гг.

руководил Сталинградской писательской организацией. Автор книг «Ольга Викторова» (1939), «Моя страна» (1943), «Город-солдат» (1948), «Простые люди» (1949), «Дорогой отцов» (1954). Член Союза писателей СССР.

17 ноября – 125 лет назад родился татарский языковед и литературовед Латыф Залялетдинович Заляй (17.11.1894, с. Татар. Урайкино Ставропольского у. Самарской губ., ныне Старомайнского р-на Ульяновской обл. – 1.08.1966, г. Казань). Образование получил в Мелекесском медресе (1911), преподавал в сельской школе. Жил в Средней Азии, Самаре, Кузнецке, с 1933 года в Казани. Автор трудов о татарском языке, татарских литературных памятниках, статей о творчестве писателей Н. Исанбета, А. Шамова, г. Баширова и др.

давал в сельской школе. Жил в Средней Азии, Самаре, Кузнецке, с 1933 года в Казани. Автор трудов о татарском языке, татарских литературных памятниках, статей о творчестве писателей Н. Исанбета, А. Шамова, г. Баширова и др.

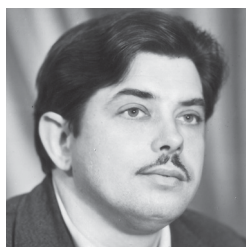
25 ноября – 165 лет со дня рождения прозаика, очеркиста, драматурга Александры Леонтьевны Бостром (25.11.1854, с. Коровино Ставропольского у. Самарской губ., ныне Чердаклинского р-на Ульяновской обл. – 7.08.1906, г. Самара). Мать писателя А.Н. Толстого. Училась

в Самарской женской гимназии. Автор романа «Неугомонное сердце» (1882), сборников «Захолустье» (1886), «Подружка» (1892), «Два мирка» (1904), пьесы «Сон на лугу» (1904), рассказа «Пробуждение» (1905), драмы «Докторша» (1906) и др.

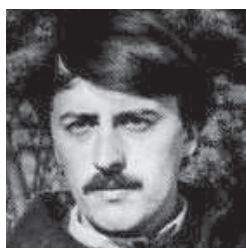
25 ноября – 70-летний юбилей отмечает историк, литератор, историк, публицист Вячеслав Николаевич Егоров (р. 25.11.1949, г. Ульяновск). Окончил Ульяновский педагогический институт. Работал на заводе, в комсомольских, советских и партийных органах.

Возглавляет Историко-архивную комиссию Ульяновской области. Был редактором «Ульяновской-Симбирской энциклопедии», литературной антологии «С любовью трепетной», основал журналы «Мономах» и «Симбик». Автор публицистических статей, очерков, легенд по истории края. Автор книги «На переломе эпох» (2017).

26 ноября – 70 лет со дня рождения поэта Анатолия Николаевича Минарова (р. 26.11.1949, с. Будукан Облученского р-на Хабаровского края). Детство и юность провёл в Саратове. С 1975 года живёт в Ульяновске, работал фрезеровщиком на автомобильном заводе. Публиковался в журналах «Смена»,

«В мире книг», «Карамзинский сад», «Симбирск», «Мономах», в альманахе «Истоки», в сборнике «День волжской поэзии» и др. Стихи звучали на радиостанции «Юность». Автор поэтического сборника «Родник желаний» (2004).

26 ноября – 55 лет назад родился поэт Андрей Юрьевич Пчёлкин (26.11.1964, г. Ульяновск – 9.02.1995, там же). Окончил Ульяновский педагогический институт. Был учителем в школе, работал в комсомольских органах, местном отделении Союза писателей. Стихи печатались в альманахе «Истоки»,

журнале «Книжное обозрение». Участник IX Всесоюзного совещания молодых писателей. Организовал в Ульяновске издательство «Феникс» (1992). Автор поэтического сборника «Капля сока» (1993). Был зверски убит.

27 ноября – 130 лет со дня рождения литературоведа Николая Ивановича Ефимова (27.11.1889, с. Тиховель Пружанского у. Гродненской губ. – ?). Окончил Казанский университет. Работал преподавателем истории и воспитателем пансиона при 1-й мужской Симбирской гимназии. Жил в Дерпте, Одессе, Самаре, Томске. Автор трудов «Русь – Новый Израиль» (1912), «Преподобный Кирилл Белозерский и его послания» (Симбирск, 1913), «Памяти Лермонтова» (1916), «Литературоведение революционной эпохи» (1930) и др.

110 лет назад родился писатель, журналист Павел Петрович Слесарев (1909, д. Могучево Вязниковского у. Владимирской губ., ныне Южского р-на Ивановской обл. – 1997, г. Ульяновск). Член Союза писателей СССР в 1934 – 1945 гг. Во время войны служил в газете «Красная звезда». В 1945-м был осуждён, позже реабилитирован. С 1950 года работал в газете и издательстве «Ульяновская правда». Автор сборника стихов «От Хасана до Буга» (1939), повести «Первый день войны» (1953), сборника рассказов «Снова яблоня цветёт» (1961) и др.

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ НОЯБРЯ

Степан СКИТАЛЕЦ (1869 – 1941)

ВОЛЖСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

(отрывок из стихотворения)

Прекрасны были Жигули:
Бежала Волга, ярко, смело
Блестя на солнце, а вдали
Цепь гор лесистых зеленела.
Казался берег меловой
Серебряным и снежно чистым;
А лес казался муравой
Иль только мохом шелковистым.
Так величаво всё кругом:
Река и горы – словно в сказке.
И мощь, и лень была во всём,
И разноцветны были краски.
Река звучала, как струна,
Горя серебряной дорогой,
И золотистая волна
Ложилась на берег отлогий.
Старик рыбак, мой друг седой,
Ровесник сказочным курганам,
Был волжским бардом и баяном
И знал преданий целый рой.
Он говорил: «Зачем ты мне
Твердишь всегда о тёплом море,
О чуждедальней стороне,
Где окончанья нет весне,
Где нет ни холода, ни горя?..
Я там бы до смерти скучал,
Там круглый год одно и то же:
Зима на лето там похожа,
Нет берегов, всё вал да вал!..
Нет лучше волжской стороны!
Не надоест и Волга взгляду –
Дивятся все её наряду,
Когда придёт пора весны!..
Как разодеты берега,
Каким зелёным изумрудом!
Она зальёт леса, луга,
И нет конца её причудам!..»

Вячеслав ТАШЛИНСКИЙ (р. 1944)

* * *

На улице грязно, темно,
На улице лают собаки.
Давно это было, давно,
Мы жили в девятом бараке.

Из тех затерявшихся лет
Мне вспомнить и грустно, и мило,
Как мама вставала чуть свет
И мне молока приносила.

Трещали в печурке дрова
Назло сквознякам в коридоре,
И добрые мамы слова
Меня врачевали от хвори.

* * *

Скользкий март. Снега осели
И морозы не сильны.
Многоточие капли
Как прелюдия весны.

День растёт: всё выше, выше.
Цепь проталинок вдали.
Март-художник тонко пишет
Пробуждение земли.

* * *

Сарай – моя обитель.
Что лучшего желать?
Здесь никаких событий,
И не с кем воевать.

Здесь по ночам сквозь щели
Я вижу остров звёзд.
Они лучами целят
В тетрадь, что я принёс.

Они, такие крохи,
Стараются узнать,
Мол, что он там за строки
Занёс в свою тетрадь?

Анатолий МИНАРОВ (р. 1949)

КАЧЕЛИ ДЕТСТВА

Небрежна память с малолетства,
Но помню яблоневого цвет,
Весёлый смех, качели детства
И на двоих – семнадцать лет...

Девчонки той со мной уж нет,
Другим кричат: «Жених! Невеста!»,
Но до сих пор, как с яблонь цвет,
В моей душе – качели детства!..

МОЛЧАНИЕ

Нередко многословие смущает.
Завиден дар – значительно молчать.
Молчание так много обещает,
Оно смеяться может и кричать...

В себя и миг, и вечность умещает,
На все вопросы может отвечать...
Молчание – над словом возвышает
И ставит гениальности печать!..

* * *

Легко, раскованно и просто –
Смеётся женщина, любя,
И радость зримо, очень остро
Теплом вливается в тебя...

И всё понятно без вопросов –
И за неё, и за себя:
Молчи, поэт, молчи, философ, –
Смеётся женщина, любя!..

ПОЛУСТАНОК

Мне жаль себя... На этом полустанке,
Где даже ветру я совсем никто,
Отдав собаке хлеба полбуханки,
Я поднимаю ворот у пальто...

И на кого, помилуй, обижаться?!
Ведь целый мир – безвинно одинок:
Мне, как собаке, хочется прижаться
И полежать у незнакомых ног...

Андрей ПЧЁЛКИН (1964 – 1995)

* * *

Жив блаженный Христа ради –
приютили старики.
Вся забота – в небо глядя,
на песке чертить круги.
За рекой, под сизой ивой
распоётся дурачок.
Водит прямо, водит криво
тонко струганный сучок.
Головой косматой вертит,
и закусит вдруг губу...
Не мою ли это чертит
никудышную судьбу?
Зарыдает, загогочет
и такую впишет нить...
Видно, сам того не хочет,
да не может изменить.

ЗЕРКАЛЬНЫЙ ОСКОЛОК

Ноябрьские дни
как свечные огарки – недолги.
По первому снегу ещё ни следа впереди.
В глухом переулке
я замер в зеркальном осколке
с царапиной-меткой,
черкнувшей меня по груди.
Откуда он взялся?
С осеннего неба сорвался.
И долго по небу бродили земные глаза.
Пробилась слеза,
я напрасно увидеть старался
то место на небе,
которое вспомнить нельзя...
Мне тысяча лет.
Я на все имена отзывался,
я слыл чудачком,
я бессонные вирши кропал.
Откуда я взялся? –
С осеннего неба сорвался
и в тысячный раз
на холодную землю упал.
И в тысячный раз
кто-то лампу в окне оставляет,
и в тысячный раз в переулке дорога чиста.
Погаснет окно.
Первый снег отгорит и растает.
Растает осколок.
Я вновь пропаду навсегда.

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ НОЯБРЯ

Райнгольд ШУЛЬЦ (р. 1949)

ПОХОРОНКА (рассказ)

Голодная пацанва бегала по весенней степи и пробовала на вкус взошедшую травушку. Всё время хотелось есть. Дома, в землянке, молча лежала больная голодная бабушка, для неё тоже надо насобирать щавель. Она слегла, когда вернувшийся из трудармии доходяга сообщил, что Вилли стал круглым сиротой. Похоронок немцам были не положены, на них жалели бумагу.

Беспризорный Виллик должен был уже идти в школу, но зимой нечего было надевать, и он зимовал у печки. В начале войны их выслали с тёплого Кавказа в холодный Казахстан, а потом отца и мать забрали в трудармию. В казахском ауле было всего две немецкие семьи, казачата немчиков лупили и звали фрицами.

– Гитлер капут! – кричали они им вслед.

Их отцы, смелые казахи, воевали на фронте с немцами, и казачата ими очень гордились, поэтому в ауле тоже шла война с немчиками. Вилли был битым и осторожным, на глаза старался не показываться.

В один прекрасный день он бегал по степи и услышал в ауле шум, крик, плач. Видно было, как металась казашка и голосила во всю силу. «Что-то случилось», – подумал Вилли и побежал посмотреть.

Казашки горевали по убиенному глубоко, громко, искренно, откровенно. Горе затмевало разум.

Похоронка с фронта разрывала женские сердца. Они рвали на себе волосы и, охрипшие, валялись в пыли.

Было очень жалко на это смотреть, маленькое запыхавшееся сердечко трепыхалось и задыхалось от сочувствия, но он не знал, как можно помочь было в этом горе.

Вокруг женщины в чёрном исходили в рыданиях. Одна женщина с безумными глазами поднялась на ноги, и Вилли не успел увернуться, как она схватила его за шиворот и больно ударила, затем поднялась на ноги вторая, третья, четвёртая.

– Немец! Немец! Немцы убили нашего отца!

Они били больно и беспощадно, обезумев от горя. Вилли беспомощно принимал удары и тоже громко плакал и истерично орал. Его маленькое тело уже обвисло от побоев и не увёртывалось от ударов.

Вдруг, откуда ни возьмись, страшно ругаясь, появился одноногий аксакал, с костылём в руке разогнал разъярённых женщин. Он отбил маленького немчика и оттащил его в сторону. Окровавленный мальчишка лежал у его ног, как погибший ягнёнок.

– Разве пацан виноват? – гневно кричал аксакал, потрясывая костылём. – Вы что делаете?! Что вы делаете?

Михаил КАЧАН (1934 – 2018)

ПОТОМКУ О МОЕЙ ЖИЗНИ (отрывок из книги)

Приехав в Ульяновск, мы узнали, что всех с баржи высадили на берег. Так что мы тоже сошли с парохода. Нам и здесь пришлось подниматься на берег по ещё более высокой лестнице. Помню, я насчитал 183 ступеньки. Бабушка выяснила, что всех эвакуированных отправили дальше в Чердаклинский район Куйбышевской области и они будут жить в селе Кайбелы.

...Мы благополучно добрались до места и нашли дедушку, маму и Аллочку. Я снова был с мамой. Она плакала от счастья, но я не плакал, а просто был очень рад.

Мы стали жить в комнате, которую нам выделили в одном из домов, а в соседней комнате жили другие эвакуированные с детьми. Взрослые всё время были чем-то заняты. Я понимал, что они должны были каждый день доставать какую-нибудь еду.

Кроме того, мы жили очень тесно, взрослые все спали на полу рядом друг с другом, и у нас не было ни подушек, ни матрасов, ни простыней. Они говорили, что надо найти другой дом и на что-нибудь выменять матрасы и подушки. Меня положили на изразцовую лежанку, подложив пальто. Когда топили печь, лежанка, которая была в другой комнате,

нагревалась и ещё долгое время держала тепло. Мне там было хорошо и совсем не твёрдо. Мы немного поговорили с дедушкой, и я уснул.

Когда я проснулся, дома никого не было, даже мама ушла куда-то с маленькой Аллочкой. Мне оставили еду, и я с аппетитом поел. А вот инструкций, что делать, я никаких не получил. С первого дня я был предоставлен сам себе и начал осваиваться на новом месте. Делать дома было нечего, и я вышел и сел на крыльце. Было солнечно и очень тихо. Я осмотрел улицу. Это была обычная деревенская улица. Рублёные дома, слегка покосившиеся ограды, массивные ворота рядом с каждым домом. За оградой были большие зелёные огороды, за ними вдали кустарник, а между отдельными кустами – большие поляны. Никого на улице не было, и я снова удивился этой тишине.

Я снова посмотрел на улицу. Прямой дороги на ней не было. Наезженная колея была от телега, следов автомобилей не было. Колея перемещалась с левой стороны улицы на правую, а потом обратно. Она была глубокой с ещё более глубокими ямами. Там, где телеги не ездили, росла низкая трава.

Потом мне показалось, что я слышу голоса. Это

были мальчишки. Они играли в какую-то игру, постепенно приближаясь ко мне. В их руках были толстые палки, которыми они, как мне вначале показалось, били по земле. Когда они ещё более приблизились, я увидел, что мальчишек было трое, четвертой была девочка. Они били по короткой, заострённой с двух сторон палочке, которую называли чиж. Если они попадали по заострённому концу, чиж взлетал в воздух, и вся компания перемещалась к месту, где он упал. Били все по очереди. При ударе поднималась пыль, но они не обращали на это внимания.

Заметив меня, они остановились.

– Ты кто? – спросил один из них, постарше других и года на два старше меня.

– Меня зовут Миша, – сказал я, – мы эвакуиро-

ванные, из Ленинграда.

Они рассматривали меня и мою одежду. Сами они были в каких-то серых рубашках и таких же серых коротких штанах. Девочка была в каком-то застиранном платице ниже колен. Все были босые. Я же был одет в красивую городскую одежду, непривычную для них. Они назвали себя, но сегодня я не помню их имён, а вот имя девочки помню.

– Я Анка, – сказала она. – Давай с нами чижа гонять.

– Я не умею, и палки у меня нет.

– Не палки, а биты, – поправила она меня.

Они вырезали мне из какого-то куста подходящую битку, и я гонял с ними чижа, пока не появилась мама и не позвала меня домой...

Вильям КОЗЛОВ (1929 – 2009)

СОКОЛИНАЯ ОХОТА (отрывок из повести)

Вовка Логинов где-то поймал сизого голубя и, привязав к красной лапе тоненькую бечёвку, приучал его сидеть на плече. Но голубь попался бестолковый и всё время норовил улететь. Он громко хлопал крыльями, задевая Вовку по уху, пытался подняться вверх, но бечёвка натягивалась, и птица, трепыхаясь, падала на землю. Вовка злился и снова сажал сизаря на плечо, но всё повторялось сначала: голубь взлетал и, натянув до отказа бечёвку, суматошно падал. Лапа у него распухла, пальцы на ней растопырились, и он стал хромать.

Мы наблюдали за манипуляциями Логинова, нам было жалко голубя, но Вовку не переспоришь. Уж если он что вбил себе в голову, то не послушается никого. Толстогубый, лобастый, с круглой, коротко стриженной головой, он молча воевал с обессилевшим голубем.

– Зачем ты его мучаешь? – спросила Лена. – Сокол ловит птицу, а что будет ловить твой голубь?

– Мышей, – вернул Сева.

– Голубь – птица мирная, – сказала Лена. – Он никого не ловит. Видели, на картинках рисуют голубей с веточками в клюве?

– С веточкой... – усмехнулся я. – С оливковой ветвью. Голубь – символ мира на земле.

Мой отец – художник, он сам не раз рисовал голубей с оливковыми ветвями в клювах. И больших, и маленьких. Одного такого голубя, намалёванного на плакате, я нёс на Первомайской демонстрации.

– И чего его рисуют художники? – с презрением глядя на сизаря, проворчал Вовка. – Глупая птица! Ничего не умеет делать. Только путается у прохожих под ногами.

Вовка снова посадил голубя на плечо, но лишь отпустил руку, как тот взлетел, натянул верёвку и уж в который раз, нелепо мельтеша крыльями, боком приземлился на асфальтовую дорожку.

В этот момент из третьего подъезда вышел мальчишка в зелёных штанах и вязаной кофте. Сокол как пришитый сидел на его плече. В такт шагам он наклонял точёную головку то в одну сторону, то в другую. Рябые перья лоснились, круглые глаза остро поблёскивали.

Забыв про Вовку и голубя, мы окружили мальчишку. Лена с опаской протянула тоненькую руку к соколу.

– Он не укусит? – спросила она.

– Укусит! – хмыкнул Сева. – Это же птица, а не тигр.

Однако сам держался в стороне, близко не подходил к соколу.

– Погладь, – разрешил мальчишка.

Лена осторожно дотронулась до глянцевых перьев хищника. Сокол даже не посмотрел в её сторону. Тёмные с золотистым ободком глаза его были устремлены вдаль поверх ребячьих голов. На небо он не смотрел, только вперёд, прямо перед собой.

Я тоже дотронулся до сокола, он и на меня не обратил внимания. Для красавца сокола мы, казалось, не существовали. Он не замечал нас. И вид у него был неприступный и гордый. Не то что у Володькиного голубя, который ковылял по асфальтовой дорожке, волоча за собой бечёвку. Сокол не смотрел и на голубя.

– Твой сокол умеет охотиться? – подошёл к нам Володька. Конец натянувшейся бечёвки, к которой был привязан сизарь, он держал в руке.

– Джан – отличный охотник, – сказал Слава.

– А на кого ты с ним охотишься? – спросила Лена.

– Я не люблю охоту, – ответил он.

– Зачем же ходишь с ним в рощу? – поинтересовался я.

– Джан должен летать.

– А что он ест? – спросил Вовка.

– Сырое мясо.

– А птиц ест? – снова спросил Вовка.

– Мы три года жили в Средней Азии, – сказал Слава – Джан охотился на кекликов.

– Кекликов? – удивилась Лена. – А кто это?

– Горные голуби, – улыбнулся Слава. – Они похожи на куропаток.

– Почему же он не смотрит на моего жирного сизаря? – спросил Вовка, подтягивая поближе за бечёвку голубя...

Лев ТРОЦКИЙ (1879 – 1940)

МОЯ ЖИЗНЬ (отрывок из книги)

После падения Симбирска решена была моя поездка на Волгу, откуда грозила главная опасность. Я занялся формированием поезда. В те времена это было не просто. Всего не хватало, или, вернее, никто не знал, где что находится. Самая простая работа превращалась в сложную импровизацию. Тогда я не думал, что в этом поезде мне придётся провести два с половиной года. Из Москвы я выехал 7 августа, ещё не зная, что накануне пала Казань. С этой грозной вестью я столкнулся в пути. Наспех сколоченные красные части снялись без боя и обнажили Казань. Одна часть штаба состояла из заговорщиков, другая оказалась застигнута врасплох или скрывалась поодиночке под пулями. Где главнокомандующий и другие руководители армии, никто не знал. Мой поезд остановился в Свияжске, ближайшей крупной станции перед Казанью. В течение месяца здесь решалась заново судьба революции. Для меня этот месяц был великой школой.

Армия под Свияжском состояла из отрядов, отступивших из-под Симбирска и Казани или прибывших на помощь с разных сторон. Каждый отряд жил своей жизнью. Общей всем им была только склонность к отступлению. Слишком велик был перевес организации и опыта у противника. Отдельные белые роты, состоявшие сплошь из офицеров, совершали чудеса. Сама почва была заражена паникой. Свежие красные отряды, приехавшие в бодром настроении, немедленно же захватывались инерцией отступления. В крестьянстве пополз слух, что Советам не жить. Священники и купцы подняли головы. Революционные элементы деревни попрятались. Всё осыпалось, не за что было зацепиться, положение казалось непоправимым.

Здесь, под Казанью, можно было на небольшом пространстве обозреть многообразие факторов человеческой истории и почерпать аргументы против трусливого исторического фатализма, который во всех конкретных и частных вопросах прикрывается пассивной закономерностью, обходя её важнейшую пружину: живого и действующего человека. Многого ли в те дни не хватало для того, чтобы опрокинуть революцию? Её территория сузилась до размеров старого московского княжества. У неё почти не было армии. Враги облегли её со всех сторон. За Казанью наступала очередь Нижнего. Оттуда открывался почти беспрепятственный путь на Москву. Судьба революции решалась на этот раз под

Свияжском. А здесь она в наиболее критические моменты зависела от одного батальона, от одной роты, от стойкости одного комиссара, т. е. висела на волоске. И так изо дня в день.

И все же революция была спасена. Что понадобилось для этого? Немного: нужно было, чтобы передовой слой массы понял смертельную опасность. Главным условием успеха было: ничего не скрывать и прежде всего – свою слабость, не хитрить с массой, называть всё открыто по имени. Революция была ещё слишком беспечна. Октябрьская победа далась легко. В то же время революция вовсе не устранила одним взмахом те бедствия, какие её вызвали. Стихийный напор ослабел. Враг брал тем, чего не хватало нам: военной организацией. Этому искусству революция училась под Казанью.

Агитация во всей стране питалась телеграммами из Свияжска. Советы, партия, профессиональные союзы создавали новые отряды и посылали под Казань тысячи коммунистов. Большинство партийной молодежи не умело владеть оружием. Но они хотели победить во что бы то ни стало. А это было главное. Они вправили позвоночник рыхлому телу армии.

Главнокомандующим Восточного фронта был назначен полковник Вацетис, который командовал до этого дивизией латышских стрелков. Это была единственная часть, сохранившаяся от старой армии. Латышские батраки, рабочие, бедняки-крестьяне ненавидели балтийских баронов. Эту социальную ненависть использовал царизм в войне с немцами. Латышские полки были лучшими в царской армии. После февральского переворота они почти сплошь обольшевичились и в Октябрьской революции сыграли большую роль. Вацетис был предприимчив, активен, находчив. Вацетис выдвинулся во время восстания левых эсеров. Под его руководством были установлены лёгкие орудия против штаба заговорщиков. Двух-трёх выстрелов в упор – для острастки и без жертв – оказалось достаточно, чтобы мятежники бросились врассыпную. После измены авантюриста Муравьёва на востоке Вацетис заменил его. В противоположность другим военным академикам он не терялся в революционном хаосе, а жизнерадостно барахтался в нём, пуская пузыри, призывал, поощрял и отдавал приказы, даже когда не было надежды на их выполнение.

Антонина КОПТЯЕВА (1909 – 1991)

ПАМЯТЬ СЕРДЦА (отрывок из очерка)

После Баку меня особенно сильно потянуло на родину Фёдора, в село Павловку Ульяновской области. И повод для поездки вскоре появился такой, что я сразу же собралась в дорогу: павловцы открывали районную детскую библиотеку имени Панфёрова.

Своё родное село Павловку Фёдор Панфёров вспоминал часто. Рассказывал о ссорах крестьян, о голоде, приносимом чёрными бурями знойных суховеев, о холерных поветриях. Тёмным и нищим вставало в этих воспоминаниях приволжское село в районной глубинке, хотя и славилось оно на всю округу своими базарами.

Почему-то врезался мне в память рассказ Фёдора о том, как он, когда учился в Вольской учительской семинарии, решил на рождественские каникулы отправиться к родным в Павловку. Голодный, в шинелишке и форменной фуражке, с жёлтым башлыком на плечах, в ботинках без калош, прихватив балалайку, шагал он по заснеженным полям и перевалам, зяб на злом ветру, прислушивался, не нагонит ли кто на лошади.

– Когда я совсем окоченевший подходил к Павловке, – рассказывал он, – над селом уже кучились мрачные зимние сумерки.

А дома встретили равнодушно. «Пришёл! А у нас и поесть-то нечего», – сказал отец.

Нередко бывали такие встречи и вечера, и всю жизнь Фёдор не любил сумерек.

Многое в родном селе отталкивало его: преступления богатеев, произвол полиции, бешеные драки в семьях при дележе имущества. Недаром, потрясённый очередным зверством, мальчик с отчаянием думал: «Бежать! Куда угодно, но бежать!»

Но куда убежишь без денег, без помощи?

И всё-таки Фёдор Панфёров вырвался из тисков деревенской косности. Но от деревни, от своих Ждаркиных и Звенкиных он оторваться не мог и не хотел: они жили с ним, звучали в нём до самого смертного часа. Последний его творческий замысел – так и не написанный роман – опять был связан с Кириллом Ждаркиным. Поэтому Панфёров не терпел, когда его называли «выходцем из народа». «Из народа я никуда и никогда не выходил», – говорил он.

Дважды лауреат Государственной премии, депутат Верховного Совета Союза и депутат Верховного Совета РСФСР, имевший разные фронтовые ордена, Фёдор три раза награждался орденом Трудового Красного Знамени. Безделья он не терпел и часто говорил:

– Я – мужик, волгарь. Отец нас с малых лет не щадил в работе. Бывало, сонных покидает на телегу и в поле – теребить пшеничку на полосе. И хоть голодное, босое выпало детство, но я его не кляню: всё равно оно было счастливое.

После войны мы не раз собирались побывать в его родном селе, но всё мешали дела, работа над книгами, болезни. Однако павловцы помнили о своём писателе-земляке. Многие из людей старшего поколения знали его лично и, когда он умер, обратились к правительству, чтобы им разрешили открыть детскую библиотеку имени Панфёрова.

Пятнадцатого октября 1963 года увидела я с вы-

сокого нагорья изумительно красивое село, раскинувшееся в громадной лесистой котловине.

– В голодный двадцать первый год смахнуло здесь пожаром сразу шестьсот домов, – сказали мне попутчики. – В землянки влезли крестьяне, пока опять не отстроились. Да, вот так и жили: суховеи, неурожай, голод, мор, пожары.

А поля на подступах к селу и огороды – бархатный чернозём, даже на улице, где размешана осенняя грязь, хоть огурцы сажай. И из каждого двора видна панорама – картину пиши.

Лес-то, лес! Вон Долгая гора – тёмно-зелёная сосновая грива, там дубовые рощи бронзовеют, там берёзы и осины приступом прут на село. Такое всё дремучее, словно никогда не касался топор дровосека этих буйных чашоб. Только у подножья села, замыкая долину, стоит голый бугор – Шиханом называется.

Взглянешь направо, налево посмотришь, и сразу зазвучат в ушах панфёровские слова из его «Родного прошлого»: «Помню лес – густой, будто грива откормленного коня, и глубокий овраг, а на краю оврага избушка – подслеповатая, старенькая, как и моя бабушка Груня». Но то, что видел маленький мальчик, – живая явь и сейчас, через шестьдесят лет. Вот так лес! Вот так горы! Вот так Павловка – дивное село!

– У нас ещё и родники кругом! – похвалились павловцы, довольные произведённым впечатлением. – Водопровод у нас построен деревенскими умельцами в начале девятисотых годов. Закопаны в землю балки – сосновые брёвна, просверленные цыганскими буравами, а по ним идёт самотёком родниковая вода.

Смотрю, и правда: вдоль широких улиц стоят накрытые конусами крыш большие круглые бассейны, в которых день и ночь шумит студёная, прозрачная, как стекло, голубоватая родниковая вода. И обычай установился: раз в году воду перекрывают, лучшие девушки села босиком спускаются в бассейны, чистят их, соскребают зелёный мох с звонкоструйных балок, поддерживающих полутораметровый уровень воды. А родники повсюду: Гремячий, Шумкин, Головушка в Долинном у Девяти дубов-братьев. Всё по «Брускам» знакомое.

В Павловке теперь есть улица имени Панфёрова. И ещё на площади Ленина, на месте, где была лавка купца Крашенинникова, у которого Фёдор работал мальчиком, на краю молодого сада выстроен светлый каменный дом с вывеской «Детская библиотека имени Ф. Панфёрова».

День выдался погожий, солнечный. Народу на площади собралось до двух тысяч. Какое оживление на лицах! Сколько молодёжи! Вот она, новая сельская интеллигенция! Сразу чувствуется – небывалое торжество на селе. И мальчишки, как это всюду водится, словно грачи облепили заборы. Ещё бы! Отовсюду приехали гости, нагрянули фотокорреспонденты и операторы телевидения. Часто собирается народ в Павловке, но сегодня необыкновенное: в память писателя-земляка открывают новую библиотеку...

Владимир ЕРМОШКИН (1954 – 2019)

ДЕЛЮ В ШЛЯПЕ (рассказ)

Василий Болтов пришёл на работу в новой фуражке. Это сейчас событие не значимо, а тогда, в те годы... Что ты! Сразу на весь цех слава пошла.

– Видели? Болт фурагу купил! Нюрка, небось, расщедрилась! То-то я смотрю, извертелся он перед ней! – то там, то тут раздавались пересуды.

– Долг платежом красен! Не пропал даром труд! Гляди-ка! Курево с фильтром стал потягивать. Всю жизнь сигаретой «Прима» небо коптил, а тут на тебе – и картуз новый, и сигарка не знай с какой части света, и Нюрка то и дело губы себе рисует, – стучали по «косточкам» мужики.

И что они к Ваську привязались? Им какое до этого дело? А дело всё в том, что людям плохо, когда другим хорошо. Вот и щерятся за глаза, злорадствуют на каждом углу. А у Васьки-то фурага, как и баба, первая, считай, была. Он счастливый такой на работе ходит. Мурлычет себе по нос.

– Сволочь он! Вот он кто! – не унимался слесарь Антип. – Я у него давеча закурить попросил, так он мне, гад, «Приму» всучил, а сам «Мальбору» тянет.

– Давай, мужики, Болту гайку закрутим, под самую сурепицу, чтоб не зазнавался! – подначивал он мужиков. Что-то им повертел вокруг головы руками и стал втихаря от Васьки собирать деньги на фуражку. Мужики, пусть и с неохотой, но сбросились по трёшке.

У Антипки давно на Ваську зуб зрел. Да случая подходящего не подворачивалось. И вот она, родимая, клюнула! Теперь, Васятка, держись!

Никак не мог Антип забыть прикол над собой со стороны Василия. Тот хоть и простачок с виду, а додумался же выкроить из свинцового листа стельки да подсушить ему их в рабочие ботинки. Почти месяц слесарничал Антип с ними. Уставал безбожно. Не может никак понять, что с ногами случилось. Не ходят милые как прежде, и всё тут. А Васька в отпуск ушёл и забыл тайну открыть. Так и таскался бедняга

с балластом на ногах целый месяц.

Вот теперь Антип фуражечку точно такую же купил и вместо той Васькиной, но размером поменьше в шкаф положил. Аккуратненько подменил, без свидетелей.

– Ну, милая, выручай! – напутствовал он подмену и, как лиса из курятника, вынырнул из раздевалки.

Ходит по цеху, ищет как бы невзначай с Васькой встречи. И ему: «Васёк, ты случайно не заболел? Что-то я тебя узнать не могу. У тебя вроде как голова больше стала. Прямо как тыква на шее».

– Брось сказки рассказывать! С похмелья не то причудится! – отмахивался Васёк. Да ладно бы один слесарь об его голове пёкса. Другие мужики и те туда же. Подойдут, поздороваются и к Васькиной башке руки тянут.

Что с тобой? Не заболел ли часом? Голова вроде как у тебя больше стала, аж на глазах прёт! К концу смены голова действительно начала раскалываться.

«Может, от переутомления, – думал Василий. – Ладно, после душа оклемаюсь – не впервой!»

И вот тут он попался. После душевой фурага ни в какую на голову не надевалась. Плохо стало с мужиком. Вызвали скорую помощь и увезли «большеголового» в клинику на обследование. Переполох страшный был. Никто не мог понять, отчего у Васьки голова распухла.

Нюрка его вылечила. Стала она на фуражке метку искать, которую в укромном месте вышила – крестик такой маленький. Тут всё и встало на свои места. Не та фуражка-то!

На следующий день Василий и Аннушка шли подавать заявление в загс. Глаза их светились счастьем. Нюрка в модных туфлях на высоком каблуке держалась за Ваську, на голове которого красовалась новенькая шляпа, купленная в дорогом салоне.

Фёдор ДМИТРИЕВ (1829 – 1894)

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (Семейная хроника С.Т. Аксакова)

Скажем теперь несколько слов о характере дарования, которому многосторонний предмет книги дал случай выказаться во всей полноте своей и силе. В наше время, несмотря на всеобщее стремление к самостоятельности, нелегко быть самостоятельным писателем, даже и обладая талантом. Великие образцы последнего времени наложили свою печать на современную литературу. Приступая к предметам известного рода, трудно не усвоить себе не только направления, но до некоторой степени и приёмы этих писателей. Невольные подражатели, авторы, следовавшие за ними, нечувствительно переносили в свои произведения впечатления, которое произвели на них их предшественники. У менее талантливых сам язык отзывается фразой мастера, но и

самые даровитые из них несомненно освобождаются от этого влияния. Аксаков имеет талант совершенно самобытный. Он пережил несколько замечательных эпох литературы, но ни одна не наложила на него исключительно своей неизгладимой печати. Его дарование питалось, так сказать, проходившими перед ним образцами, но глубоко художественная натура не приняла в себя чуждого отпечатка. В чём же состоит главная особенность его таланта?

Аксаков есть по преимуществу художник, и потому-то, может быть, нельзя обозначить одной, исключительной чертой характер его дарования. Его главное качество состоит в способности к спокойному созерцанию предмета. Личные убеждения и привязанности автора высказываются иногда в

его книге, но нигде не становятся законом для художественного изображения. Оттого-то, собственно говоря, его нельзя отнести ни к числу народных писателей, ни к числу живописцев природы. Природа и человек, общественный быт и искусство входят на равных правах в его замечательную книгу. Каждая сторона его произведения дышит, так сказать, истиной, какого бы предмета он ни касался. Высокая простота взгляда отразилась и на внешнем способе повествования. Оживлённый рассказ автора и прост, и естествен. Он чужд всяких лишних украшений и сохраняет какое-то единство тона, несмотря на разнообразие содержания. Как в картине художника все тени сливаются в одном общем колорите, так у Аксакова все части рассказа связаны между собой каким-то общим характером. Резких переходов нет в этом произведении, хотя автор и переходит от описания природы к общественному быту, от изображения быта к психологическому анализу отдельного характера.

Укажем особенно в этом отношении на рассказ о добром дне Степана Михайловича, где при этом единстве тона каждая часть мастерского повествования запечатлена ей свойственным характером. Особенным искусством обладает автор в передаче изустных речей действующих лиц своей книги. Он не копирует разговорной речи, не подделывается

под язык эпохи или быта, но художественно воспроизводит его сообразно с выведенными им лицами. Эти вводные речи не являются в резком отличии от языка автора, но, при всей верности своей, как-то соединяются с ним в одно целое.

Неподдельной теплотой нравственного чувства и твёрдым убеждением согрето и проникнуто целое сочинение. Автор редко произносит свой суд над изображёнными им лицами и даже, можно сказать, в том только случае, когда ему нужно сообщить свои прежние впечатления; но читатель и не нуждается в таком приговоре: мастерски изображённые личности говорят сами за себя, привлекая или не привлекая к себе сочувствия. Свежесть замечательного дарования, не состарившегося, но развившегося с годами, соединилась у Аксакова со всей зрелостью художественного образования. Критику нечего заметить автору относительно исполнения его труда. Это полная картина, из которой нельзя выключить ни одной отдельной черты.

Сделаем ещё одно замечание. Язык Аксакова заслуживал бы особенного изучения. Автор удивительно владеет им. Его слог лёгок и правилен, но эта правильность не мертвенная; язык сохраняет при ней свою особенную личную физиономию. Гибкость её слова достойна особенного замечания.

Павел ЯСЕНИЦА (1909 – 1970)

ЗАПИСКИ О РОССИИ (отрывок из книги)

Это было, должно быть, к вечеру: сверху на стол уже падал сильный свет керосиновой лампы, но нас с братом ещё не загнули в постель. А может, родителям было тогда не до этого? Склонившись над какой-то бумагой, то ли письмом, то ли газетой, они ожесточённо спорили. Мне запали в память их слова, касавшиеся таинственных дел – замёрзшей реки, проруби возле моста, чьей-то калоши, оставшейся на льду.

Сегодня мне легко расшифровать значение этих отрывочных воспоминаний, безошибочно подогнать тот вечер к хронологии событий, повсеместно признанных историческими, – даже такими, которые потрясли мир. А было это попросту в самом начале 1917 года, в какой-то из первых его дней. Польская интеллигентская пара, жившая в посёлке Максатиха Тверской губернии Российской империи, так и сяк разбирала только что полученное известие о насильственной смерти Григория Распутина. Старый порядок разваливался сам собой.

Я не запомнил вообще ни единого факта, связанного с Октябрьской революцией. Довольно хорошо помню, как разразилась мировая война: тянущиеся на вокзал толпы запасников, устроенный на другой стороне улицы госпиталь для раненых, слава донца Кузьмы Крючкова, который совершил какие-то легендарные подвиги, едва успела начаться война. Великое историческое событие, наступившее тремя с лишним годами позже, совсем не зацепилось в моей детской памяти. Только много месяцев

спустя и в совершенно другом захолустье бывшей империи мне предстояло узнать, как звучат винтовочные выстрелы. А в такого рода звуки мальчик, с наслаждением игравший в оловянных солдатиков, вслушивается внимательно. Не было случая, отсутствовали эти звуковые эффекты, пока мы жили в глубине России, вдали от более крупных городов.

Март 1917 года (революция, известная под названием Февральской, которая свергла царизм) принёс нравственное потрясение, опьянил лозунгом свободы, в октябре в Петербурге было выиграно энергичное состязание в борьбе за власть. Меня во все не удивляет, что я не запомнил никаких отголосков этого события.

Уже после заключения Брестского мира, где-то летом 1918 года, у нас неожиданно объявился младший брат матери, Владислав Малишевский. Он служил в царской армии в качестве офицера запаса, а во время отступления из-под Горлице был ранен в ногу и попал в австрийский плен – сидел в Будапеште, остался жив и здоров, но наголодался...

В Рыбинске и Ярославле – не говоря уже о Москве и Петрограде – шли тогда бои, было тяжело и страшно. На Путиловском заводе даже прошла первая в истории советского строя забастовка. Историография детально обсуждает эти факты, забывая, что тогдашняя Россия состояла по меньшей мере на семьдесят процентов из таких Максатих или ещё более глухих населённых пунктов. Потому что у нас в Максатихе была хотя бы железная дорога. В ней не

нуждался и на здешней станции наверняка не оставался знаменитый бронепоезд Льва Троцкого. В эти края не добрался никакой Юденич, Колчак или другой белый генерал из тех, что наступали с имперских окраин по направлению к центру государства. Чешские легионеры без особого энтузиазма действовали в окрестностях... экзотической, но тоже далёкой Самары.

Завершилась мировая война, финалом которой

стали целых две русские революции. На протяжении всего этого времени никто не мешал мне удить рыбу под железнодорожным мостом в Максатихе и свободно разгуливать по её деревянным тротуарам. Не было, видно, необходимости выставлять тут любых, белых или красных, караульных.

Глухая провинция коренной России приняла новый строй безучастно. Мужик охотно взял барскую землю и «вгрызся» в своё хозяйство...

Арсений РУТЬКО (1909 – 1988)

ГОЛУБИНЫЕ ГОДЫ (отрывок из повести)

Мы жили тогда вчетвером: отец, мать, я и маленькая моя сестрёнка, трёхлетняя Саша. Она была тщедушной, рахитичной девочкой с большими, иногда зеленоватыми, иногда синими глазами, в глубине которых как будто таилась искорка испуга или тревожного удивления. Что-то неслышно и ласково шепча, она в ненастные дни целыми часами сидела в уголке, за кроватью отца и матери, копясь в дешёвых разноцветных тряпочках, которые называла «игрушками». В погожие дни, обняв руками худые коленки, подолгу сидела на завалинке, на солнечном пригреве, наслаждаясь тишиной и теплом, жмурясь от удовольствия, как котёнок.

Не помню, кто из нас впервые назвал её Подсолнышкой, – она почти незаметно пересаживалась с места на место, избегая надвигавшейся на неё тени, – но это прозвище так и осталось за ней на всю её жизнь.

Теперь я почти не могу представить себе её лица, только глаза – как блюдечки с синей водой, говорила мама, – да ещё, пожалуй, губы, испуганно вздрагивавшие при каждом громком звуке: при мельничном или паровозном гудке, при ударе колокола, при лае собаки, при чьём-нибудь окрике.

– И в кого ты такая трусиха? – возмущался я.

– А я не трусю... Мне ушки больно.

И всё-таки я очень её любил, как всегда старшие на несколько лет, здоровые братья любят своих маленьких болезненных сестрёнок, – покровительственно, с оттенком грубоватой нежности и глубоко-глубоко запрятанной и всё-таки трогающей до слёз жалости.

Помню, я часто спрашивал себя: а дал бы я отрубить себе правую руку и жить, как Лёнька Огурчик, с одной левой, если бы бог сделал Сашеньку здоровой?.. Отдал бы, конечно! Но только лучше, пожалуй, левую. Ну как же я буду без правой руки – ни камня кинуть, ни подраться, ни поплавать; как защищу её, Подсолнышку, без правой-то руки?

«Нет, – решил я, – правую нельзя». А левую я готов был отдать немедленно, лишь бы у Сашеньки ножки стали прямые, лишь бы она вместе с нами бегала на Чармыш и в лес, лазила через забор в поповский сад – словом, чтобы приобщилась к наше-

му миру воинственных и рискованных радостей.

Бывая с матерью в церкви – а мама была очень набожная, – я отходил от неё и от Подсолнышки и подолгу топтался перед самой большой позолоченной иконой, предлагая богу свою жестокую сделку. Но богу было, вероятно, мало одной моей руки, он молчал, глядя на меня печально и строго. Я обижался и однажды очень удивил и огорчил мать, заявив ей:

– Не буду я больше молиться. Он почему такой злой, твой бог?

Мать больно отодрала меня за уши и три дня не пускала на улицу. А рассказать ей о своих молитвах за Сашеньку я почему-то не мог.

Мне кажется, что в моей любви к Подсолнышке было что-то сходное с любовью к ней нашего отца. Вернувшись с работы, переодевшись в чистую рубашку, отец брал Сашеньку на руки и, если было солнечно, садился с ней на крыльцо барака, в котором мы жили. Заскорузлыми пальцами перебирал льняные реденькие волосы девочки и иногда прижимался щекой к её голове. И столько было в этом почти незаметном движении боли и жалости к ней, сознания какой-то, пусть даже невольной, своей вины перед этим маленьким человечком, что я, ничего не умея ни назвать, ни объяснить, готов был плакать, так у меня сжималось сердце.

А Подсолнышка теребила отца за бороду, за усы, щеконала, смеялась и без конца задавала странные свои вопросы:

– Пап, а кто дует ветер?.. Пап, а кто солнышко по небу катит?

Самой большой радостью для Сашеньки было, когда по весне я приносил ей подросшего, но ещё не умеющего летать голубёнка и она могла хлопотать над ним, поить и кормить, пока у него не отрастали крылья. Окрепнув, голуби улетали и, конечно, навсегда забывали наш барак и тоненькие пальцы Подсолнышки, но она уверяла меня, что голуби хорошо её помнят. И когда к нам во двор или на подоконник единственного окошка нашей комнаты слетали с мельничной крыши голуби, Сашенька хлопала в ладоши:

– Мои! Мои! Видишь, я говорила!

Вячеслав ЕГОРОВ (р. 1949)

ДУШЕ И ДЕРЖВЕ ОПОРА *(легенда)*

В стародавние времена повелением царя Алексея Михайловича стал на высокой горе над матушкой Волгой славен и чуден град Симбирск. И стали в нём жить и Отечеству служить люди работающие, добрые и красивые. Как и везде, появился вскоре у города знак свой печатный – лев зело рассерженный, а в левой лапе меч наострѣнный держащий. Знак как знак, у любого города-крепости есть такой. Но вот только холодным да чужим он люду симбирскому показался: не видали они нигде зверя такого, не водились они в лесах окрестных.

А жил в посаде симбирском богомаз, Ванюшкой прозывался. Чудной человек был, ласковый: любому прохожему встречному улыбается, гостя всегда приветит и всё норовит глазами своими голубыми бездонными в душу ближнему заглянуть, теплом своим поделиться, да у людей других ума-разума понабраться. Сильно любили его и посадские, и слободские, да и стрельцы с воеводами жаловали. Бывало, иконы золотом да чернью выпишет, доски резные да полотенца праздничные разрисует – залюбуешься. Так и кажется, что огонѣк волшебный, трепетный в душе его безгрешной толкается, да время от времени наружу в делах сердца и рук его пробивается.

И однажды, дело под Троицу, наработался Ванюшка на заливному лугу приволжском да и задремал прямо там, на духмяном, из сена свежего стожке устроенном. И снится ему сон необычайный: сошлись вдруг над Русью и над городом тучи тѣмные-претѣмные, беспросветные. Хлад и горе с собой принесли, нечистые. В страхе люд честной кто куда бежит, лишь бы спрятаться. Ивану тоже тот сон не в

радость, тяжело душе – не выдохнуть. Кулаки лишь литые в бессилье сжимаются.

Да явилось ему в ту ночь видение Божие. Видит он, как во тьме этой страхотной, да из маковки горы родной Симбирской, всю округу венчающей, ясно-столбный свет вдруг к небу вознёсся стремительно, трубы ангельские чистым звуком запели. Задрожала в ответ та тьма заморская, бессердечная, и растекается-рассеивается почала в бессилии. Друг за другом тучи те тяжкие разлетелися, по-над Русью ж вновь солнце красное теплом-радостью воссияло-восцарствовало. Люди добрые из лесов-тайников, из землянок-домов повыбеживали, улыбаться стали да радоваться. Глядит на небо Иван, уж и небо чисто, уж и чѣрных туч не осталось, а чудесный свет не тает, не прячется. Всё по-прежнему над горой Симбирской возвышается, словно столб стоит белокаменный, а на нём само небо блестящее держится.

Очнулся тут Ванюшка от сна тревожного. Это дождь его звоном капельным в мир земной вернул от видения. Точно, тучи висят по-над городом, ночь темна, ветер взялся было. Бросил взор свой Иван на макушку горы, а там чудо чудесное, что сейчас только в дрѣме привиделось: яркий светлый столб в небо бѣт, не теряется. Словно небо над собою, над Русью Великою держит тяжѣлое. С той поры Иван что ни раз – знай себе столб тот краской светлою вырисовывает, на листах, на досках, на хоруговях. Да и людам тот знак распонравился. Ведь не зря ж с хоругови воинской в щит города-губернии переправился и гербом стал его достойнейшим. Над Волгой этот град высится, светом чести живѣт и совести, а державе служит опорой!

Михаил ЛОБАЧЁВ (1899 – 1981)

ДОРОГОЙ ОТЦОВ *(отрывок из романа)*

Каждая встреча деда с внуком для обоих была приятна. Они частенько уходили на берег Волги и там проводили время в задушевных беседах. И сегодня они устроились на самом крутом пригорке, с которого далеко просматривалась Волга.

Правый, горный берег с грядой холмов по западной окраине города, протянувшегося на десятки вёрст, изрезан глубокими балками, изогнут в подкову. По северной изгорбине высились машиностроительные заводы и металлургический гигант, на южной – судостроительный и лесопильные предприятия. Весь берег в заводских трубах, и только в самом центре Сталинграда небо в чистой синеве.

– Хороший день, – не отрывая глаз от Волги, говорил Иван Егорыч. – Всё тут широко и просторно.

Да, прекрасен Сталинград в летнюю пору, с шумными улицами, с зеленью бульваров и парков; прекрасен в ночную пору, когда с крутобережья тысячи уличных фонарей и сотни домов, залитых светом, смотрят на вас; прекрасен с Волги, когда

вы плывѣте по широкому плѣсу, плывѣте мимо заводов, озаряющих небо пламенем мартеновских печей.

– Это что там за караван, Алѣша? – Иван Егорыч рукой показал на Голодный остров.

– Нефтяные наливушки.

– Ничего себе. Сильные нынче пошли буксиры. Был я, Алѣша, в Горьком, в Казани, в Ульяновске – хорошая, красивая там Волга, но нет там такой широты, как у нас. У нас – махина. Глазом не окинешь. Алѣша, ты кем хочешь быть?

– Мне, дедушка, хочется быть и лѣтчиком, и моряком, и путейцем.

– Да-а, – многозначительно промолвил Иван Егорыч. – Теперь это возможно. Теперь у нас дорога широкая. Ты, Алѣша, иди в мореходное училище. Я не был моряком, но море люблю. В гражданскую под Царицыном у нас командовал батальоном черноморец. Лихой вояка. И матросов было много – дружные и храбрые ребята.

– Дедушка, а ты мне не рассказывал про черно-морцев.

– Разве? Всего не перескажешь. Забывается. Да и лет с тех пор прошло немало. Удивительные люди эти моряки. Смелы и бесстрашны. Вот уж действительно воевали по пословице: один за всех, все за одного. Чудесные, просто какие-то необыкновенные люди. В моряке, как бы это тебе сказать, свито всё лучшее, что есть в нашем человеке, – и смелость, и отвага, и верность, и стойкость. Особенно стойкость. Где, бывало, моряки, там – неодолима крепость. Об отступлении понятия не имели. Отступление для них – позор, измена. Был, Алёша, такой случай. Летом девятнадцатого года, когда Царицын занял генерал Врангель, в районе заводов высадили отряд моряков под командованием Кожанова. Подобно буре разметали они вражескую часть. В городе поднялась паника. В смертном страхе буржуи, купцы и дворянчики, понаехавшие в Царицын, бросились на поезда, начали утекать на лошадях, просто скакать на своих двоих. Переполох поднялся и в белогвардейских военных штабах.

– Ну а дальше, дальше? – с волнением спросил Алёша. – Город заняли?

– Нет. Город отбили через полгода. В зимнюю

ночь второго января двадцатого года, а в тот раз не удалось.

– Что же случилось, дедушка? – сторал Алёша от нетерпеливого любопытства. Ему хотелось знать самым подробным образом все обстоятельства сражения на заводских улицах, на самом берегу Волги.

– Не подоспела помощь морякам. С севера по суше на Царицын наступала пехота. Полк не прорвался, и моряки оказались без подмоги. На фронте такое случается. Противник ведь тоже не дурак.

– Что же стало с моряками?

– Моряки, говорю тебе, не умели отступать. Они сокрушили вражескую пехоту и вихрем занимали улицу за улицей. Тогда Врангель кинул на моряков казаков. И произошёл невиданный бой моряков с конницей. Казак с шашкой на донском скакуне, а моряк с земли – со штыком и гранатой. Страшный был бой, Алёша, страшный.

– Что же всё-таки стало с моряками? – допытывался Алёша.

– Моряки, Алёша, дрались до последнего. Когда не стало патронов и гранат, кололи штыками лошадей. Стаскивали казаков с сёдел. Садились на коней, и как умели сами рубили. Дорого обошёлся этот бой белоказакам...

Александра БОСТРОМ (1854 – 1906)

ЛАГУТКА (отрывок из рассказа)

Был ясный морозный зимний вечер. Солнце только что зашло за горизонт багряным диском и расцвечивало пурпуром редкие облака на бледно-голубом небе. На крошечном дворике Лагутки, под низким лопасом, стоял он сам в своём масляном полубубке и изо всех сил тянул корову за хвост, чтобы заставить её подняться на ноги. Возле него стояла жена и била корову кнутом. Корова лежала, тупо посматривая на хозяев, и не делала ни малейшего движения, чтобы подняться.

Боже мой, что это была за корова! Шерсть на ней от худобы почти вся облезла, рёбра выставились наружу, и маклаки крестца торчали, обтянутые облезлой кожей. Один живот был непомерно велик, будто раздут. За минуту перед тем она делала тщетные усилия, чтобы приподняться на худые ноги, но живот оказался слишком тяжёл и тянул её к земле, и она покорно легла, по-видимому, не обращая никакого внимания ни на крики, ни на удары хозяев.

– Ух, дьявол, замерзнуть, что ли, хочешь! – выругался Лагутка, выпустив из рук хвост коровы и тяжело переводя дыхание. Потом с новым ожесточением схватился за хвост и, потянув с силой, приподнял зад коровы на четверть аршина от земли.

– Ишь, и не поднимается! Резче бей! – крикнул он жене.

– Резче! – крикнула на него Онька. – Ишь, ирод! Скотина из последних сил бьётся, а он: «Резче бей!» Ирод так ирод и есть!

Лагутка продолжал тянуть.

– Брось! – крикнула жена истерично. – Брось, дьявол, тебе говорят. Видишь, не встаёт. Чего тянешь. Прямой чёрт шутоломный!

Она бросила хворостину, села на кучу мёрзлых котяшей, закрыла лицо передником и заплакала в голос.

– Матушка наша, кормилица, – причитала она, раскачиваясь из стороны в сторону, – на кого ты нас покинешь! Насидятся детушки без молочка. Ох, горемычная я, бедная моя головушка. Не родила бы меня матушка на белый свет. Закрылись бы мои глазыньки, не ходили бы мои ножки резвые!

Лагутка, услышав причитания жены, бросил хвост, отступил на несколько шагов и тупо уставился глазами на плачущую женщину.

– Ишь, – прошептал он, – ровно по покойнику воет.

Он отвернулся от жены и так же тупо уставился на лежащую корову, в голове его неясно и смутно проходили мысли.

– Покойник... Третьего дня тёлку ободрали, так она словно по покойнику выла. И корову обдерём... Ноги отлежит, сдохнет... С чем останемся... Мерина тоже давеча насилу поднял – бился, бился так-то один. Спасибо, брательник подмог. Шёл с водопоя мерин да, не доходя до двора, и лёг. Что ты хочешь, то и делай. Вестимо, корму нет. Гнилая солома, да и то каждую вязанку рассчитываешь. Им бы теперь вволю корму навалить. Сенца бы!

– Что, аль сдохла? – прервал его горестные размышления голос соседа Кириллы.

Лагутка поднял голову. Кирилла стоял на своём дворе и, облокотившись на забор локтями, смотрел на Лагуткин двор, на лежащую без движения корову и воющую бабу.

– Не поднимается! – глухо, будто сквозь сон,

проговорил Лагутка.

– Ишь, грех, – тихо сказал сосед и вздохнул, вспомнив о своём старом мерине, которого сегодня едва поднял.

– А кобыла-то у Терёхи сдохла, – неожиданно прибавил он.

Лагутка вздрогнул и тупо взглянул на соседа.

– Бережа была, – продолжал Кирилл. – Так-то. На чём бороновать будет. Последнюю ободрали. В раззор разорился.

Он потупился, задумавшись. Оба молчали. У обоих мучительно и тяжело ворочалась в голове одна неотвязная мысль: что если и их скотина попадает,

– что они тогда делать будут? На чём выедут бороновать весной?

– Анафема, пузатый чёрт! – вдруг выругался Кирилл.

Лагутка знал, что Кирилл ругает купца, не позволившего им сvezти сено, и это ругательство сочувственно откликнулось у него в сердце.

– Подсобить, что ли? – спросил Кирилл, перелезая через забор.

Лагутка поспешно, ни слова не говоря, снова взялся за хвост, сосед взялся за рога, Онька с ожесточением и проснувшейся надеждой принялась хлыстать хворостиной по облезлым бокам коровы.

Павел СЛЕСАРЕВ (1909 – 1997)

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ *(отрывок из повести)*

Асанов вспомнил, какой компактной массой пробивались немецкие танки к мосту. К тому же, отлично знал структуру бронетанковых войск врага. Нет, не мог капитан командовать таким количеством боевых машин.

– Сколько всего было брошено танков в атаку, с какой целью?

– Немецкому солдату не положено задумываться над такими проблемами.

– Проблемами, говорите? – Асанов повеселел. Его подозрения подтвердились. Манера пленного произносить, отчеканивать слова, подбор слов – всё говорило, что перед ним не рядовой. Немец молчал.

– Отвечайте на вопрос

– Я уже сказал.

– Не хотите сказать?

– Не могу сказать...

– Бросьте играть комедию!

Все оглянулись. Прислонившись плечом к косяку двери, стоял полковник Фотченков. Лицо его было скрыто тенью. В лучах холодного солнца лишь жарко горела инкрустированная рукоять кортика.

– Вы подполковник Иоханн фон Мольтке.

– Нет, нет, клевета! – вздрогнув, как от удара, почти истерически выкрикнул немец.

Фотченков подошёл к нему вплотную. Отстегнув кортик с ремня, поднёс его к лицу пленного.

– Вы узнаете ваш кортик?

– Кто вы?

Широко раскрыв здоровый глаз, немец силился разглядеть Фотченкова. Зеленоватая пятнистая бледность покрывала его щеки.

– Куда вы дели моего друга, лейтенанта Ганса Мушке?

– Капитан? – пленный панически закрыл лицо ладонями посиневших рук.

– Да, вы угадали.

– Видит бог, я пытался спасти его. Кажется, его увезли тогда в Мадрид, оттуда самолётом в Берлин, – лепетал немец.

– Я помогу восстановить истину. Помните осенний день под Гвадалахарой? Да, будучи капитаном, я захватил в плен одного немецкого подполковника. Его звали Иоханн фон Мольтке, дальний родственник того, более известного Мольтке. Этот полковник был советником по использованию танков при итальянской дивизии не то «Летурио», не то «Чёрное пламя».

– При дивизии «Божья воля», – тихо и покорно поправил пленный. – И вы, и я сражались за Испанию.

– Только вы сражались за порабощение Испании, а интернационалисты – русские, немцы, французы, испанцы, англичане – за её свободу и независимость. Ирония судьбы. Прошло четыре года, история в некотором роде повторяется. Нынче вас снова разбил и пленил тот же капитан, но уже мой ученик. Нынче ваши планы, пусть на маленьком участке фронта, снова сорваны.

– Нет, наши планы не сорваны, наш генеральный штаб...

– Как всегда, просчитался, – заключил Фотченков. – И это закономерно. История безжалостно наказывает всех, кто не извлекает из неё правильных уроков. Вы ничему не научились у истории. Ваша тактика и стратегия осталась неизменной и компилятивной. Кому-кому, а вам известно, что начиная с тысяча девятьсот двадцать девятого года вы рабски списываете все наши уставы, выдавая их за своё оригинальное. Особенно это относится к использованию бронетанковых и механизированных войск. Принцип массирования танков, идея мешка – это открытие советской военной мысли. Гудериан и ваш генеральный штаб не изобрели ничего нового...

**Юбилейный календарь подготовил
Николай Марянин, поэт и краевед**